

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина»

На правах рукописи

АКСЕНОВА Марина Викторовна

**«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В КАРТИНЕ МИРА Н.И. ГРЕЧА (ПО КНИГЕ
«ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА ИЗ АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ»)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Ильченко Наталья Михайловна

Нижний Новгород – 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ	16
1.1. Имагология — наука о познании «другого»	16
1.2. Картина мира как художественный способ моделирования действительности в жанре травелога	28
1.3. Особенности жанра травелога	32
ГЛАВА 2. СВОЕОБРАЗИЕ «ПУТЕВЫХ ПИСЕМ ИЗ АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ» Н.И. ГРЕЧА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ	61
2.1. Травелоги первой трети XIX века: традиционное и новое	61
2.2. Реализация оппозиции «свое»/«чужое» в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча.	77
ГЛАВА 3 ДОМИНАНТЫ КАРТИНЫ МИРА Н.И. ГРЕЧА	134
3.1. Язык в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции».	134
3.2. Театр и мотив театра как отражение реальности	149
3.3. Писатель и путешественник в травелоге Н.И. Греча	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	177

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время имагологический подход в литературоведении применяется довольно широко, что связано с интенсивным развитием новой дисциплины, исследующей создание и интерпретацию образа «другого» или «чужого» - неизвестной или малознакомой культуры, мира. Появившись в качестве новой области научного знания, отделившись от сравнительного литературоведения, имагология сейчас является перспективной и активно развивающейся наукой. Имагологический подход в анализе литературного произведения направлен на изучение актуализации образа «другого», его построения и функционирования. **Актуальность** темы исследования связана с тем, что несмотря на популярность этого подхода, нельзя сказать, что существует достаточное количество исследований, где имагологический подход применяется в отношении к творчеству конкретного писателя или более узко — к исследованию одного произведения.

Выбор **темы** обусловлен отсутствием подробных исследований творчества Николая Ивановича Греча (1787 - 1867), одного из крупнейших журналистов и литераторов первой половины XIX века. Также представляется необходимым уточнить роль Н.И. Греча в историко-литературном процессе этого периода. Его литературное и научное наследие очень обширно и включает в себя художественные произведения (романы «Поездка в Германию» (1830), «Черная женщина» (1834), травелоги «28 дней за границу, или Действительная поездка в Германию, 1835» (1837), «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (1839), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (1843), «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (1847)), учебники по русской словесности («Практическая русская грамматика» (1827), «Начальные правила русской грамматики» (1828), «Пространная русская грамматика» (1827), «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из

русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (1819—1822), книга мемуаров «Записки о моей жизни» (1886).

Николай Иванович Греч – разносторонняя и многогранная личность в истории русской литературы. Он был писателем, публицистом, издателем: в типографии Греча были изданы многие книги. Успешно складывалась и его преподавательская карьера. В литературных кругах со временем он приобрел определенное влияние, знаменитыми стали «четверги Греча», на которых собирались лучшие представители отечественной литературы и журналистики. Наряду с журналистским делом (Греч издавал «Сына Отечества», участвовал в издании «Журнала Министерства внутренних дел», «Библиотеки для чтения», «Русского вестника»), в 1819 году ввел в Петербурге новаторскую систему взаимного обучения, которая способствовала распространению грамоты среди низших военных чинов (т. н. «Ланкастерскую систему»¹). За один из учебников («Практическая русская грамматика») он был удостоен членства в Петербургской Академии наук. Греч пользовался большим авторитетом и как ученый, и как опытный педагог-новатор, и, разумеется, как публицист и издатель. П.А. Вяземский, рассуждая об аристократии и литературе в письме к А.И. Готовцевой, пишет о величайших русских литераторах следующее: «...им доступны равно и места служебные, и ученые общества, и гостиные обеих столиц и столиц европейских, что имена их встречаются с честью и в царских указах, и в статьях журнальных, и в учебной книге г-на Греча, и даже в нарядных альбомах светских красавиц»². Под учебной книгой Греча Вяземский имел в

¹ Ланкастерская (Белл-Ланкастерская) система - метод взаимного обучения, при котором более старшие и опытные ученики обучают младших. Получила название от имен Эндрю Белла и Джозефа Ланкастера.

² Вяземский П. А. Сочинения: В 2 томах. М.: Худ. лит., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи / Сост., подгот., текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982. С. 138.

виду одно из его пособий по русской грамматике, которое было несколько раз переиздано и по которому в течение десятилетий учились. Там же: «Ссылаясь на биографические словари Новикова и Греча, мы укажем...»³. Авторитет Греча позволил его трудам быть упомянутыми в письме Вяземского наравне с царскими указами. Даже, на первый взгляд, критическая статья современника Греча Г. Кенига в «Очерках русской литературы»⁴ отмечает неоценимый вклад писателя в русскую культуру: труды по грамматике названы неоцененной жемчужиной, отмечена работа Греча по истории русской литературы, а также его романы.

Большую известность Гречу принесли травелоги, написанные им в результате частых поездок. Занимая пост чиновника, Греч побывал в Германии, Италии, Франции, Англии. Эти произведения продолжили традицию литературных путешествий в русской литературе. Травелоги Греча ранее не были изучены, в частности, «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» впервые становятся материалом для самостоятельного исследования.

Выбор **объекта исследования** — оппозиции «свое»/«чужое», реализуемой в рассматриваемом травелоге и в целом в картине мира писателя, - объясняется уникальностью произведения, в котором это противопоставление актуализируется на многих уровнях. **Предметом исследования** выступают способы реализации оппозиции в оригинальном сочинении Н.И. Греча «Путевые письма из Англии, Германии и Франции».

«Письма» представляют собой выдающийся пример травелога, отличающийся от прочих современных ему произведений, как художественной манерой писателя, так и построением. Во многом Греч

³ Вяземский П. А. Сочинения: В 2 томах. М.: Худ. лит., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи / Сост., подгот., текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982. С. 139.

⁴ Кениг Г.И. Очерки русской литературы. Греч. Санкт-Петербург: тип. Якова Трея, 1862. С. 221-224.

оказался новатором, опередив свое поколение и предвосхитив развитие литературы путешествий. В работе исследована картина мира Н.И. Греча, т. к. именно эта сложная структура отображает все богатство и уникальность творчества писателя, вместе с тем выявляя и отображенную в ней современную автору действительность, и показывая общий культурно-исторический контекст. Картина мира представляет собой своеобразный «слепок сознания», авторскую вселенную, где представлены темы, мотивы, образы в их художественной соотнесенности.

Обзор литературы.

В данный момент творчество Н.И. Греча в большей мере изучено его современниками, например, Ф. Булгариным⁵, К.А. Полевым⁶, В.Г. Белинским⁷. Довольно долго не было значимых исследований, раскрывающих художественное своеобразие наследия Греча. Можно выделить диссертацию Т.И. Тищенко, посвященную обзору творчества Греча⁸. Роману «Черная женщина» посвящены исследования Ильченко Н.М. («Черная женщина» Н.И. Греча: К проблеме цветовой символики)⁹, «Итальянский миф в романе Н.И. Греча «Черная женщина»¹⁰ и др.). И если отдельные аспекты творчества Н.И. Греча удостоивались внимания исследователей, то его многочисленные путешествия оказались исключенными из историко-литературного процесса первой половины XIX века, хотя их значимость подчеркивали уже современники писателя. В частности, «Путевые письма из

⁵ Булгарин Ф.В. К портрету Греча. СПб: Тип. Н. Греча, 1838. 33 с.

⁶ Полевой К.А. Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Николая Ивановича Греча : 27-го дек. 1854 / Сост. Кс. Полевым. СПб: В тип. Имп. АН, 1855. 98 с.

⁷ Белинский В.Г. Сочинения Николая Греча // ПСС В.Г. Белинского: В 12 томах. Том 3. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. С. 470-491.

⁸ Тищенко Т.И. Н.И. Греч. Литературно-общественные позиции и художественное творчество. Автореферат... канд. филологических наук. Харьков, 1997. 17 с.

⁹ Ильченко Н.М. «Черная женщина» Н.И. Греча: К проблеме цветовой символики // Русская речь. 2004. № 2. С. 6-12.

¹⁰ Ильченко Н.М. Итальянский миф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Русско-зарубежные литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов. Н. Новгород. 2014. С. 93-101.

Англии, Германии и Франции» никогда не становились предметом отдельного исследования, что, на наш взгляд, является серьезным упущением вследствие значимости данного произведения для понимания и развития жанра травелога в России, а также имагологического анализа образа «другого». Одним из доказательств ценности травелогов Греча в современном мире может служить упоминание его имени в учебном пособии по истории туризма, изданном в 1988 году¹¹. Наследие Греча оказалось настолько ценным, что заслуженно встало в ряд с упоминаемыми там именами А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, А.И. Герцена и др.

Изучение картины мира писателя помогает увидеть его творчество как сложную структуру, выделить доминанты и значимые идеи. Д.С. Лихачев положил начало исследованию внутреннего мира художественного произведения, состоящего из многих компонентов¹². Позднее термин «картина мира», пришедший из физики, стал использоваться для характеристики отдельного произведения либо творчества писателя в целом. В отечественном литературоведении анализ картины мира автора применял Ф.П. Федоров¹³, чьи работы в том числе легли в теоретическое обоснование настоящего исследования.

Большое количество исследований посвящено именно теме путешествия и литературного путешествия: В.М. Гуминский «Открытие мира, или Путешествия и странники»¹⁴, «Русская литература путешествий в

¹¹ Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1988. С. 17.

¹² Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы, 1968. № 8. С. 74-87.

¹³ Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф. П. Федоров; Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзиня. Рига: Зинатне, 1988. 454 с. Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с.

¹⁴ Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 286 с.

мировом историко-культурном контексте»¹⁵, А. Шенле «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840»¹⁶, Н.М. Ильченко, Ю.А. Маринина, С.В. Тюрин «Genius loci: Города и страны Европы в восприятии русских и зарубежных писателей»¹⁷. Освещены история жанра путешествия, подробно исследованы отдельные примеры литературных путешествий: В.А. Михайлов «Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков»¹⁸, В.А. Шачкова «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории»¹⁹. Также необходимо отметить работы А. Майга «Литературный травелог: специфика жанра»²⁰, О.В. Мамуркиной «Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения»²¹, Е.Ф. Пономарева «Русский имперский травелог»²² и др., где авторы рассматривают специфику и особенности этого жанра. Называя исследуемые произведения «травелогом», тем не менее, авторы не делают предметом специального изучения тему отличия травелога от путешествия. В некоторых из указанных работ были предприняты попытки анализа травелога как

¹⁵ Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. 608с.

¹⁶ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 272 с.

¹⁷ Ильченко Н.М., Маринина Ю.А., Тюрин С.В. Genius loci: Города и страны Европы в восприятии русских и зарубежных писателей: монография. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. 134 с

¹⁸ Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков. Дис. на соискание ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.

¹⁹ Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2008. № 3. С. 277–281.

²⁰ Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. №3 (37). Казань, 2014. С. 254-259.

²¹ Мамуркина О.В. Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 110-113.

²² Пономарев Е.Ф. Русский имперский травелог. НЛЮ 2017, 2. Советские травелоги: Западная Европа устами писателей 1920-30-х годов / Поверх барьеров с Иваном Толстым // Svoboda.org: Радио Свобода. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24551956.html>. (дата доступа 10.03.2019).

отдельного жанра, выделения его специфических черт. Тем не менее, в настоящее время жанр травелога не изучен в той мере, чтобы говорить о его полной характеристике, и исследователи, называя отличительные признаки травелога, зачастую не сходятся в едином мнении.

Цель исследования: рассмотреть своеобразие и отличительные особенности реализации оппозиции «свое»/«чужое» в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча, ярком примере травелога первой половины XIX века, тем самым уточнить место Греча в процессе формирования традиции исследования новых миров и чужих культур русской литературы.

Выдвигается следующая **гипотеза**: в травелогах Н.И. Греча актуализируется оппозиция «свой»/«чужой», при этом понятия «своего» и «чужого» со- и противопоставлены на разных уровнях: образной структуры, мотивов, системы персонажей, языковом уровне.

Для достижения поставленной цели необходимо, на наш взгляд, решить следующие **задачи**:

- исследовать специфику жанра травелога;
- рассмотреть имагологический подход к изучению травелога, понятие «картина мира» и его составляющие;
- проанализировать травелоги Н.И. Греча, определить их художественное своеобразие;
- представить историко-литературный контекст появления «Путевых писем из Англии, Германии и Франции»;
- выявить своеобразие авторского подхода в представлении «другого» («чужого»)²³;

²³ Традиционная бинарная оппозиция «свой»-«чужой» исследовалась Ю.С. Степановым, Ю.М. Лотманом и другими учеными. В имагологических исследованиях понятия «чужой» и «другой» используются как взаимозаменяемые и не противопоставлены. Пара «свой»-«чужой» имеет устойчивый характер в русском языке и закреплена в пословицах, поговорках, став, таким

- проанализировать выражение авторской оценки и рефлексии в описании различных сторон жизни Англии, Германии и Франции;
- раскрыть жанровое своеобразие «Путевых писем из Англии, Германии и Франции»
- определить место Н.И. Греча в историко-литературном процессе первой половины XIX века.

Научная новизна работы состоит в следующем: впервые в исследовании большое значение уделяется фигуре Н.И. Греча в контексте литературы путешествий первой трети XIX века, привлекается внимание к творческому наследию писателя в целом. Одно из самых ярких произведений Н.А. Греча «Путевые письма из Англии, Германии и Франции», долгое время остававшееся без внимания исследователей, подробно рассмотрено как образец травелога первой половины XIX века. Впервые имагологический подход применен при исследовании травелога писателя, что позволяет отразить более широкий культурно-исторический контекст написания «Путевых писем». Впервые исследована картина мира Н.И. Греча, знание о которой крайне важно для понимания его произведений. Произведения Н.И. Греча рассмотрены не обособленно, но в контексте уже существующих традиций, а также в контексте дальнейшего развития литературы путешествий.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды, посвященные

литературному путешествию и жанру травелога: В.М. Гуминского, А.А. Майга, Н.М. Масловой, Т.А. Роболи, Е.А. Стеценко, В.А.Шачковой, А. Шенле;

образом, частью культурного сознания. Вместе с тем, отдельное упоминание «чужого» может иметь негативную коннотацию («чужой» - недобрый, враждебный). В связи с этим в данном исследовании считаем возможным упоминание понятий «чужой» и «другой» как синонимичных во избежание отрицательной смысловой нагрузки при исследовании «не-своего». «Чужой», «другой» - неизвестный, незнакомый образ или явление.

имагологическому подходу в литературоведении: Г.Д. Гачева, В.Б. Земскова, Дж. Леерссена, Н.П. Михальской, М.И. Николы, А.Р. Ощепкова, Д.-А. Пажо, О.Ю. Полякова, Б.Г. Реизова, В.П. Трыкова, В.А. Хорева;

проблеме картины мира: М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Ф.П. Федорова;

жизни и творчеству Н.И. Греча: Н.М. Ильченко, Л.В. Мацапура, Т.И. Тищенко, О.В. Третьяковой, А.И. Рейтблата;

Исходя из цели и поставленных задач в диссертации применены следующие методы исследования: культурно-исторический, биографический, сравнительно-типологический, компаративный, имагологический.

Теоретическое значение настоящей работы состоит в рассмотрении истории возникновения и функционирования термина «травелог», получившего широкое использование в отечественном литературоведении в последнее время, предпринята попытка разделить жанры путешествия и травелога, а также определить их общие черты. Уточнено использование термина «травелог» как в отечественном научном дискурсе, так и в зарубежном.

Проведенное исследование представляет интерес для дальнейшего изучения травелогов. Результаты исследования могут быть применены как для дальнейших теоретических исследований травелога как жанра, так и для более полного изучения творческого наследия Н.И. Греча. Уточнено место Н.И. Греча в контексте литературы путешествий, а также более масштабно — в контексте русской культуры в целом, привлечено внимание к его заслугам как писателя, журналиста, педагога, общественного деятеля.

Практическое значение диссертации состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании основных курсов и курсов по выбору по истории русской и зарубежной литературы, теории литературы, компаративистике, а также в издательской практике при

комментировании текстов Н.И. Греча. Выводы, сделанные в работе, открывают возможности для дальнейшего изучения травелогов Н.И. Греча.

Положения, выносимые на защиту:

1. Травелог является отдельным жанром, представляющим большой интерес для имагологического исследования. Травелог — это жанр, имеющий свои особенности: путешествие, вымышленное или реальное как сюжетообразующий элемент, диалог с «другим», синтетичность жанра (мультижанровость). Сам термин «травелог», придя из английского языка, был переосмыслен в отечественном литературоведении и подразумевает художественную ценность произведения, рефлексию путешественника.

2. Картина мира писателя представляет собой пересозданную, «вторую» реальность, ремоделируемую им на основе реальной действительности — окружающего мира. В авторской картине мира основными доминантами выступают значимые для писателя идеи, темы и понятия. Сквозь призму таких доминант можно увидеть манифестацию авторских ценностей и представлений о мире.

3. Творческое и литературное наследие Н.И. Греча является изученным не в полной мере и требует более полного исследования. Большая часть его литературного наследия осталась не оцененной и в настоящее время представляет большой интерес для исследователей.

4. Новаторство Н.И. Греча как филолога недостаточно оценено. Его идеи в отношении понимания идентичности «другого» перекликаются с тем, что позднее будет предложено учеными-имагологами в XX веке. В частности, Греч выходит за рамки простого описания и стремится понять новый мир, в котором он оказывается.

5. Н.И. Греч в травелогe «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» сочетает разножанровые элементы, что придает полифоническое звучание всему произведению, в результате соблюдается баланс

субъективного и объективного. Диалог с «другим» всегда ведется от лица субъекта, однако отдельные элементы повествования представляют собой объективный взгляд (исторические зарисовки, справочная информация и др.).

6. Сопоставление «свое»/«чужое» обнаруживается в описании увиденных стран, рефлексии автора. Все аспекты жизни (устройство городов, отдых, походы в театр, судопроизводство, образование и др.) представлены с точки зрения данной оппозиции и всегда имеют оценку автора.

7. Путешествующий автор не только исследует «другого», но и сам претерпевает изменения вследствие культурного диалога; тем не менее, он всегда возвращается к исходной точке - «своему».

Апробация промежуточных результатов исследования проходила на международных и всероссийских научных конференциях с международным (Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов, Нижний Новгород, 2016; Национальные в европейской литературе XIX-XXI веков, Нижний Новгород, 2016; Русско-зарубежные литературные связи, Нижний Новгород, 2016; Язык, культура ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве, Нижний Новгород, 2016, 2018; Summer Graduate School, Hong Kong, 2017; Даниил Гранин: жизнь, творчество, служение, Санкт-Петербург, 2019; Городской текст в английской и других европейских литературах, Нижний Новгород, 2019; Летняя школа по русской литературе, Санкт-Петербург, 2020) и методических семинарах и заседаниях кафедры русской и зарубежной филологии ФГОБУ ВО НГПУ им. Козьмы Минина.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК РФ:

1. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча (1839) в социокультурном пространстве // Вестник НГЛУ. 2017. Выпуск 38. С. 142-150.
2. Речевая характеристика как способ создания образа «другого» в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча (1839) // Гуманитарные науки и образование. 2018. № 2 (34). С. 142-146.
3. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 170-176.
4. «Примечания к путеводителю» Даниила Гранина: имагологическое прочтение (в соавторстве с Т.Г. Чарчоглян) // Казанская наука. № 12. 2019. С. 15-17.

Другие публикации:

5. Лондон как особый локус в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина и «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча // Studia Rysycystyczne. 2017. Vol. 25. С. 11-20.
6. Образ машины как ведущий в восприятии Англии (на материале «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча (1839) // Русско-зарубежные литературные связи. Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижний Новгород: Изд-во Мининского ун-та, 2017. С. 266-270.
7. «Театральная тема» в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 16-21.
8. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча (1839) в историко-литературном контексте эпохи // Грехневские чтения:

Литературное произведение в системе контекстов. Нижний Новгород: Книги, 2017. Вып. 7. С. 63-68.

9. Образ Германии в путевых письмах Н.И. Греча (в соавторстве с Ильченко Н.М.) // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2016. С. 112-116.
10. «Самые движимые люди в мире»: образ француза в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча (1839) // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Материалы научно-практической конференции 5-6 октября 2017. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2017. С. 16-19.
11. Образ попутчика в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» (1839) Н.И. Греча // Городской текст в английской и других европейских литературах: сборник статей по материалам конференции. Нижний Новгород: Изд-во Мининского университета, 2019. С. 87-91.
12. Особенности хронотопа в травелоге (на примере «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча) (в соавторстве с Т.Г. Чарчоглян, А.Н. Садиевой) // *Juvenis scientia*. 2019. № 2. С. 15-17.

ГЛАВА 1. ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

1.1. Имагология — наука о познании «другого»

Проблема поиска и осознания своей культурной идентичности — одна из важнейших проблем литературы. Авторы, выражая творческое начало в романах, стихотворениях, повестях, прежде всего, пытались выразить себя, свою личность. Однако невозможно существовать в отрыве от своего народа, национальной культуры и национальных стереотипов, поэтому любое произведение становится сообщением о себе и своей идентичности. Выражение себя, «своего» становится способом себя же познать. Лучше всего раскрыть черты какого-либо предмета или явления помогает сравнение. Яркий контраст или небольшие отличия, драматический конфликт или спокойный разговор — «свое» раскрывается при сопоставлении с «чужим». Из сравнительного литературоведения, основа которого была заложена А.Н. Веселовским и В.М. Жирмунским, вышли имагологические исследования.

Наука, изучающая «чужого» или «другого», его образ и развитие, получила название «имагология». Имагология (от лат. Imago — изображение, образ) занимается исследованием «другого», его презентации и самопрезентации, рефлексии культур, ведения диалога культур. Основным предметом исследований имагологии является образное восприятие «чужого» представителями разных культур (стран, народов); предметом имагологии также являются: 1) устойчивые образы, объективированные в литературе (в литературоведении); 2) национальные образы и этнические стереотипы, их влияние на общество (в этнологии); 3) стереотипы в том или ином языке (имагология лингвистическая); 4) представления участников культурного диалога друг о друге (в культурологии); 5) социальные функции

представлений (в социологии)²⁴. Сам термин связывают с социологией, где он появился в 20-х годах прошлого столетия. Можно встретить следующие варианты названия дисциплины: «имагология», «имиджелогия» и даже «образоведение», однако вариант «имагология» является наиболее традиционным. В середине XX века работы французских литературоведов Ж.-М. Карре²⁵ и М.-Ф. Гийяра²⁶ привлекли особое внимание к имагологии, после чего интерес к ней только усилился. Из зарубежных ученых, занимавшихся проблемой национальных образов, можно отметить Х. Дизеринка²⁷, Д.-А. Пажо²⁸, М. Фишера²⁹.

Имагология рассматривает, в какой степени национальные стереотипы определяются историческими или политическими обстоятельствами, каким образом они появляются и закрепляются в массовом сознании. М. Беллер и Дж. Леерссен выступили редакторами сборника *Imagologica*³⁰, который включил более 120 статей по вопросам национальных культур и стереотипов. Туда вошли работы, рассматривающие этнические и национальные образы в европейских литературах и культурах на протяжении веков, исследования характеристик, традиционно приписываемых отдельным национальностям, были собраны основные концептуальные взгляды, определяющие имагологию. Дж. Леерссен создал интернет-ресурс, посвященный

²⁴ Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 122-123.

²⁵ Carré J.-M. Les écrivains français et le mirage allemand, 1800 – 1940. Paris: Boivin, 1947. 223 p.

²⁶ Guyard M.-F. La littérature comparée. Paris: Presses Universitaires de France, 1951. 127 p.

²⁷ Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity // *Intercultural Studies*, 2003. № 1 (Spring). URL.: <http://interculturalstudies.org/ICS1/Dyserinck.shtml>

²⁸ Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle // *Synthesis*. Bucarest, 1981. VIII. P. 169-185.

²⁹ Fischer M. Komparatistische Imagologie jenseits von „Wirkimmanenz“ und „Wirktranszendenz“ // *Synthesis*. Bulletin de comité de littérature compare de la république socialiste de Roumanie. Bucarest, 1982. № 9. P. 27-40.

³⁰ Leerssen J. Imagology: History and Method // *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey* / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 17-32.

имагологии³¹, где рассматриваются проблемы национальных образов. Он отмечает, что в течение долгого времени существовал интерес к национальному характеру, а также к тому, какие важнейшие черты приписывались определенным культурам. Также считалось, что нации можно было охарактеризовать, а характер наций определялся исходя из их культурной деятельности. В XX веке сравнительное литературоведение исследует культурные различия с точки зрения отношений и восприятий, а не самих реально существующих черт. Дж. Леерссен предлагает рассматривать национальность и национальную культуру в качестве способов различения и определения идентичности, а не как реальные черты. Восприятие культуры субъективно и может отличаться от ее реальных характеристик. Субъективный конструкт рецепции образа «другого» не всегда совпадет с его действительной сущностью, а поэтому отношения и восприятия, которые формируют этот конструкт, должны рассматриваться критически.

Имея междисциплинарный характер, имагология стала предметом интересов множества ученых. В рамках сравнительного литературоведения в Российской науке имагология развивается со второй половины XIX века. Среди выдающихся ученых-компаративистов можно назвать такие имена, как А.Н. Веселовский³², В.М. Жирмунский³³, М.П. Алексеев³⁴, Н.И. Конрад³⁵ и др. Со становлением новой науки происходило углубление и расширение предметов ее интереса, появлялись новые ответвления: в рамках компаративистики изучалась рецепция отечественных произведений в инонациональной среде, а также зарубежных произведений в российской

³¹ Imagologica. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.imagologica.eu>. (дата обращения 10.03.20)

³² Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Госиздат, 1940. 649 с.

³³ Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. 493 с.

³⁴ Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение / М.П. Алексеев; отв. ред. Г.В. Степанов. Л.: Наука, 1983. 447 с.

³⁵ Конрад Н.И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // Конрад Н.И. Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978. С.29-48.

среде, контактные связи, константы национальной культуры. Именно А.Н. Веселовский превратил сравнительный анализ в крупнейшую концепцию литературоведения,

Среди отечественных ученых, положивших начало имагологии как области сравнительного литературоведения, необходимо особо отметить Н.П. Михальскую, автора трудов «Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв.» (1995), «Россия и Англия: проблемы имагологии» (2012), множества учебных пособий, посвященных английской литературе. Исследуя русско-английские литературные связи, она оставила значительное методологическое наследие для последующих поколений литературоведов: в частности, ею был выявлен обобщенный образ России, сложившийся в английской литературе. Н.П. Михальской был проведен структурно-семантический анализ рецепции образа России в английской литературе. При этом образ России исследован теми же средствами, что и миф, так как сам этот образ был очень приближен к мифу в силу удаленности двух стран. Отмечается постепенное усложнение этого образа, происходившее с течением времени, а также максимальная его интенсивность: качества, приписываемые русским, описаны как проявляемые в исключительной степени, как положительные (смелость, искренность), так и отрицательные (пьянство, лень). Широчайший охват разножанровых произведений (от записок мореплавателей до пьес и исторических романов) позволил создать масштабный труд, положивший начало целому направлению в литературоведении, исследующему национальные образы. В работе «Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв.» имагология определяется как «восприятие и воплощение в литературных

произведениях представлений об иной стране, её народе, особенностях национального характера»³⁶.

Б.Г. Реизов заявлял о необходимости изучения и проявления пристального внимания к образу страны, складывающемуся в результате совокупных усилий и творческих идей писателей, критиков, философов, читателей. «Возникновение или эволюция... национальных типов, какими они существуют в воображении других народов или своем собственном, до сих пор не исследованы, хотя отлично известны всем европейским литературам, а в настоящее время, очевидно, не только европейским»³⁷.

А.Ю. Большакова также отмечала уникальность имагологического подхода в литературе. Часто упоминающийся «диалог культур» может вестись на разных уровнях: межнациональных, межрегиональных. Исследователь говорит, что «сравнению подлежит один и тот же образ (страны, к примеру) как: а) реально существующий национальный мир, часть социоисторической действительности; б) сложившийся в национальном сознании его жителей, обитателей и носителей присущего ему языка; в) претворенный художественным сознанием, творческим воображением и культурной памятью народа; г) созданный другими народами под впечатлением от путешествий, общения, чтения, прочих коммуникативных средств (и т.д.). Этот «созданный» образ не только не всегда соответствует реальному, но обладает своей спецификой и законами построения и развития – ментальными. Поэтому и мерцающие блики и миражи пронизывают магическими вспышками откровений эту сферу компаративистики, возводя ее задачу в ранг межнациональной (де) мифологизации»³⁸. Отсюда и вытекает

³⁶ Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. С. 11.

³⁷ Реизов Б.Г. Сравнительное изучение литературы // Реизов Б.Г. История и теория литературы. Л.: Наука, 1986. С. 245.

³⁸ Большакова А.Ю. [Б.н.] // Проблемы современного сравнительного литературоведения: Сборник статей / Под ред. Н.А. Вишневской, А.Д. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 26.

столкновение двух реальностей: фактической, обрисованной действительными параметрами (географическим положением, социальным устройством и т. д.), и воображаемой, основанной на представлении о том, что пока еще не известно.

Развитие имагологии в России обычно связывают с именем В.Б. Земскова. Именно он уточнил место имагологии в системе наук и дал ей определение. В 2006 г. статья «Образ России «на переломе» времен (теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры)» заложила основы восприятия других культур и образов. Коллективный труд В.Б. Земскова и коллег «На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.)» представил восприятие образа России в литературе и культуре многих стран, в том числе Англии, Франции, Испании, Сербии, Польши, Канады, Германии и других. Этот масштабный труд с привлечением широкого культурно-исторического контекста, публикаций СМИ призывает осознать, насколько важна имагология в эпоху глобализации.

В.Б. Земсков определяет имагологию как область знания, а также междисциплинарную интегративную дисциплину, которая изучает рецепцию своего мира или мира других/чужих. Возможно также и понимание имагологии как «разновидности культурно-общественного сознания, вида культуротворчества», что связано с различием в общественном сознании своих и чужих. Научное обоснование имагологии как отдельной области научных интересов относится к XVIII – XIX вв., тогда как ее предыстория имеет давние корни в области мифологии и фольклора. Задачей современной имагологии Земсков называет «воссоздание целостного образа бытия отдельных исторических субъектов и в итоге – образа всего бытия в его

целостности»³⁹. В каждой культуре фиксируются либо отдельные свойства других, либо их сущность, идентичность по сравнению с собственными представлениями о мире. Эти процессы происходят с помощью стереотипов, имиджей и образов.

Имагологические образы для литературоведов важны в конкретном поэтологическом значении, обращается внимание на художественный образ как на создание культуры, искусства. «В отличие от «плоскостного» и однозначного стереотипа образ многомерен и многозначен, он передает плюралистичное, объемное, универсализованное видение другого/чужого»⁴⁰.

В.Б. Земсков обращает внимание, что восприятие другой культуры основывается на тех ценностях и нормах, которые уже существуют в ментальности воспринимающей стороны. При этом факторы, которые могут повлиять на рецепцию, весьма многочисленны: степень развитости страны, конфессиональная принадлежность, идеологическая система, политика, экономика, история отношений с «другим».

В.А. Хорев также считается важной фигурой в развитии отечественной имагологии. Предметом его научных исследований стала польская литература⁴¹. По его словам, культура (в частности, литература) не может восприниматься только как зеркало, отображающее жизнь общества. Культура не является лишь механическим инструментом, в ней самой происходит осмысление фактов исторического процесса. Таким образом, она наделяется функцией созидания, творчества. По убеждению Хорева, литературные факты необходимо рассматривать в контексте национальных явлений, иначе потеряется важная часть их значений: «Имагология ставит

³⁹ Земсков В.Б. Образ России на «переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rngumis.ru> (дата обращения 10.03.20).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М.: Индрик, 2012. 240 с.

своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение и развитие, их общественную роль и эстетическую функцию в художественном произведении»⁴². Именно литературу ученый предлагал рассматривать в качестве приоритетного источника текстов для имагологического анализа.

Стереотипы, по мнению Хорева, являются основным понятием для имагологического исследования, так как они концентрируют и обобщают в себе представления об определенных явлениях, группах и событиях. Стереотипы подвержены влиянию извне: в зависимости от изменения политической ситуации, идеологических установок, они модифицируются, отвечая новым запросам.

В.А. Хорев упоминает о таком явлении как «этноцентризм» - рассмотрение «чужого» через призму «своего». Это обеспечивает одну из важнейших оппозиций имагологии: мы/они, или свое/чужое. Такое противопоставление, разумеется, предоставляет поле для сравнения, самопознания, выявления сходного и несходного. Однако это же противопоставление может перерасти и в конфронтацию, в том случае, если эти противоречия между «своим» и «чужим» окажутся непримиримыми. Возможна такая историческая ситуация, когда при таком сопоставлении «чужое» наделяется исключительно негативными характеристиками, рождается чувство превосходства своего, а в результате закрепляется стереотип, возвышающий одну группу над другой⁴³.

Г.Д. Гачев и его труды, посвященные национальным образам, также вызывают большой интерес с точки зрения имагологии. Автор говорит, что

⁴² Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. С. 6.

⁴³ Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. С. 6.

несмотря на относительно равный уровень прогресса, к которому пришли большинство стран, они по-прежнему значительно отличаются. Материальная культура на разных континентах может быть схожей, однако ментальность народа, представления о себе и о других будут разительно отличаться. Гачев является автором ряда исследований⁴⁴, посвященных образам конкретных стран, которые он исследует в полном объеме, от бытовых предметов до произведений культуры и философии. Незначимых элементов, по мнению исследователя, нет – все играет определенную роль: климат, рельеф местности, особенности социального устройства и др. Грандиозный замысел автора состоит в том, что он стремится создать целую панораму исследуемых миров, изучая их по отдельности, но в то же время бережно присовокупляя каждый к уже существующей системе изученных. Гачев считает, что каждый мир и каждая культура имеют свою ценность и нельзя ее оценивать с точки зрения прогресса и цивилизации, в отличие от принятого историками подхода, где ценность народа определяется его достижениями. В своих трудах он вводит понятие «Космо-Психо-Логос», которое означает «единство тела (местной природы), души (национального характера) и духа (языка, логики)»⁴⁵.

Проблема национальной самоидентификации – одна из ключевых для современной отечественной имагологии. Задача имагологии состоит в том, чтобы, исследуя национальный образ, выявить составляющие его компоненты, определить его роль в контексте исторического и культурного развития народа. Многие ученые-имагологи, в частности, В.Б. Земсков, признают стереотип одним из важнейших понятий. Само понятие стереотипа в имагологию перешло из социологии, где рассматривалось как совокупность

⁴⁴ Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.

⁴⁵ Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Прогресс-Культура., 1995. С. 20.

представлений, предварительных знаний, с которыми мы впоследствии можем сопоставлять свои наблюдения, логические суждения. Впервые стереотипы исследовал американский ученый У. Липпман, который считал их сильнейшими представлениями, очень консервативными, закрепленными в общественном мнении. По Липпману, стереотипы предваряют эмпирический опыт. Именно стереотипы оказываются той базой, на которую наслаиваются реальные впечатления от «другого». Ученые-имагологи признают важность стереотипов, называя их культуротворческими феноменами (Земсков) и тропами, существующими в интертексте культуры (Леерссен).

Образ также является важной имагологической категорией. В отличие от литературного образа, имагологический образ – это «ментальная или дискурсивная репрезентация или репутационный статус индивида, группы, этнической общности или нации»⁴⁶. Все, что имеет характер фактологический, документальный, Леерссен не относит к образу. Образ – о «воображаемом», а не о реальном. Имагология исследует не факты, а представления о них. Именно поэтому документальная литература, в отличие от художественной, не в состоянии предоставить достаточный материал для имагологического исследования.

Литература является важным источником образов, создаваемых авторским восприятием. Наиболее полно требованиям имагологического исследования в рамках литературоведения отвечает жанр, в котором важнейшим сюжетообразующим элементом является непосредственная встреча с «другим» - травелог. Это рассказы о путешествиях, поездках, путевые дневники, заметки, письма с дороги – травелог представлен во всем многообразии форм. Само название «травелог» для обозначения

⁴⁶ Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / Ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 4.

произведения литературы путешествий пришло в лексикон не так давно. Ранее романы о поездках, отчеты об экспедициях объединялись в большую категорию литературы путешествий. Тем не менее, несмотря на обозначение, эти произведения давали обширную почву для имагологических толкований встречи путешествующего героя, его сознания с другим. Не все, что относилось к жанру путешествий, можно брать для такого исследования. Как уже было упомянуто ранее, имагология исследует не просто реальный, а и воображаемый пласт, встречу ожиданий с реальностью, диалог одного мира с другим. Те произведения, которые содержат лишь формальные отчеты о датах и фактах, не подходят для такого исследования. Однако присутствие активного авторского сознания, входящего в контакт с другим, делает произведение подходящим для целей имагологического исследования.

Образ «другого» («чужого») - уникальный образ, сложившийся в сознании (индивидуальном или национальном), вобравший в себя исторически и культурно укоренившиеся черты, приписываемые какой-либо группе. В контексте литературы путешествий «другой» отождествляется прежде всего с определенной нацией, т. е. выделение такой группы происходит по принципу места проживания, что вполне логично и обусловлено характером перемещения из одного места в другое. Однако, считаем, что образ «другого» может быть выделен и шире — на основании других характеристик.

Образ «другого» обращает внимание на себя прежде всего тем, что имеет черты, неизвестные и слабо представленные в «своей» культуре. «Другой» может быть цельным либо дифференцированным образом. Так, Греч рассуждает о русском и нерусском, нерусское в свою очередь может быть немецким, английским и французским⁴⁷, в каждой из этих стран

⁴⁷ Разумеется, выделение групп может происходить бесконечно, однако, в настоящем исследовании мы ограничиваемся тем, на что непосредственно указывает автор «Путевых писем», где речь идет о трех странах.

странным и непонятным может быть почти любая сфера жизни — дома, улицы, тюрьмы, традиции, легенды, да и сами люди, причем, они показаны принадлежащими к различным группам — выделяемым по самым разным принципам (профессия, близость к автору, этническая принадлежность («настоящие» иностранцы и бывшие соотечественники), пол (особо описана женская красота в каждой стране) и так до бесконечности. Таким образом, «другой» многомерен и неоднороден. Рисуемый Гречем образ, разумеется, обусловлен прежде всего его личными доминантами, выстраивающими картину мира писателя — по тому, как описаны страны, легко угадываются и приоритеты, и тревоги, и интересы писателя.

«Другой» естественным образом противопоставлен «своему»: чужое против родного, знакомое против незнакомого. Именно отсутствие понимания «другого» делает его «другим», поэтому первый шаг, который делает путешественник к приближению — узнавание, которое постепенно переходит в диалог. Пространные описания Гречем города — не что иное как своеобразное наблюдение за городом: каков он? сколько в нем жителей? каковы в нем строения и улицы? На все эти вопросы даны многостраничные ответы, отличающиеся особым сухим стилем, отсутствием диалогов, обилием фактов. Присматриваясь к городу, Греч знакомит с ним и читателя, позволяя тому составить о месте свое мнение. Автор здесь обходится без эмоций, воздерживаясь от оценок, эти описания даны Гречем-чиновником. Далее вступает Греч-светский человек. Он отыскивает старых знакомых, активно обзаводится новыми, не забывая много рассказывать о чинах и титулах. Читатель видит «другого» ближе — он постепенно обретает лицо. Греч-писатель, Греч-морализатор, Греч-проповедник продолжают повествование, внося свой неповторимый вклад.

1.2. Картина мира как художественный способ моделирования действительности в жанре травелога

Каким бы беспристрастным и точным ни был (хотел быть) автор в отношении реалий нового мира, его видение всегда останется субъективным, так как сознание воспринимает и ремоделирует действительность в соответствии с собственной картиной мира. Традиционно считается, что понятие «картина мира» пришло в гуманитарные знания из физики, из трудов Г. Герца, М. Планка⁴⁸. Позднее появляются языковая картина мира, психологическая картина мира, художественная картина мира, представляющая интерес для исследователей-литературоведов.

Д.С. Лихачев рассматривал внутренний мир литературного произведения⁴⁹, вводя в литературоведение традицию говорить об особом художественном мире произведения, картине мира, существующей в художественном пространстве, созданном автором и отражающем его индивидуальное миропонимание. К составляющим мира произведения Лихачев относил и хронотоп, и персонажей, и предметный мир, описанный в тексте, и художественные особенности произведения. Лихачев настаивал на том, что особый, создаваемый автором, мир должен выступать как предмет изучения, т. к. он является ключом к пониманию произведения, которое живет по особым географическим, психологическим и историческим законам.

«Божественность» автора, о которой писал М.М. Бахтин, заключается в создании уникального смысла, нового бытия, особого мира, который является порождением мира реально существующего. Бахтин пишет: «...художник и искусство вообще создают совершенно новое видение мира,

⁴⁸ Отдельные исследователи также упоминают в качестве авторов, заговоривших о картине мира в гуманитарном контексте, Л. Витгенштейна и Л. Вайсбергера: Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих // Мир русского слова. 2011. № 4. С. 13

⁴⁹ Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.

образ мира, реальность смертной плоти мира, которую ни одна из других культурно-творческих активностей не знает»⁵⁰.

Ю.М. Лотман определял картину мира как особые контуры мира, пространственную модель, запечатленную в произведении.

М. Хайдеггер в труде «Время картины мира» размышляет над определением и приходит к выводу, что картина мира является изображением мира, который не ограничен только сущим и включает в себя в том числе историю, природу, основу мира⁵¹. Составить картину мира – значит постичь, понять его устройство как целостную систему.

Ф.П. Федоров в работе «Романтический художественный мир: пространство и время»⁵² определял картину мира как «органическое единство объективного мира и сознания художника». Картина мира писателя описана им как представленный определенным образом объективный окружающий мир, увиденный через призму творческого восприятия, идей, ценностей. Также картина мира понимается Федоровым как реальность, но не действительная, «первая», а преображенная - «вторая». Это некая модель изначального мира, перекодированная творческим началом.

В качестве истоков понятия «картина мира» Федоров называет французскую школу Анналов первой половины XX века, а также работы А.Я. Гуревича второй половины XX века. А.Я. Гуревич давал следующее определение картины мира: «представления о социальном и природном универсуме, присущие данной цивилизации на определенном этапе ее развития»⁵³. Федоров предлагает взглянуть на картину мира как на

⁵⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 175.

⁵¹ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 41-63.

⁵² Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. С. 5.

⁵³ Гуревич А.Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 154.

отражение представлений о мире на любом уровне: он говорит о картине мира определенной профессии, о картине мира человечества на определенном этапе исторического развития, о картине мира отдельного человека. Воплощаясь в текстах, картина мира является не только отражением, но и воспроизведением этого мира: «не только значение, но знак»⁵⁴.

Ф.П. Федоров предлагает выделять в художественном тексте, выражающем определенную картину мира, доминантные категории, которые представляют собой «трансцензусы», формируют некую сетку сознания⁵⁵. К таким доминантам относятся, в первую очередь, пространственно-временные парадигмы. Так, у Греча мы наблюдаем мир с совершенно четкими границами, как пространственными, так и временными. Можно с абсолютной уверенностью утверждать, где находится путешественник в тот или иной момент. Сами письма построены как записи, каждая часть которых предваряется кратким резюме — где, когда и что произошло. Однако и помимо этого повествование изобилует деталями, глядя на которые невозможно спутать Лондон с Парижем, а Дрезден с Версалем. Эти упоминания создают сеть повествования, на которой автор выстраивает свое путешествие, наполняя его впечатлениями и описаниями. Такое разделение реальности помогает определить и акцентировать общности и противоречия на основании прежде всего географического различия (что и заявлено в названии — указаны три страны как три мира, при этом автор является представителем России, мира четвертого).

Ф.П. Федоров подчеркивает и субъективность картины мира художественного произведения или автора, считая его главным компонентом

⁵⁴ Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. С. 8.

⁵⁵ Там же, с. 15.

модели мира, а также указывает, что принципы построения этой модели «демонстрируют принципы мышления художника»⁵⁶.

Картина мира — отражение определенного культурно-исторического сознания: так, существует средневековая картина мира, научная, религиозная картина мира и т.д. Говоря о картине мира определенного писателя, мы встречаемся с субъективно отраженной реальностью, которая, преломляясь под особым углом его художественного восприятия, может иметь мало общего с действительностью. Картина мира произведения определяет культурную принадлежность автора, ее создающего. Знания и убеждения, на которых картина мира основывается, могут быть самыми разными, однако, если мы говорим о художественной картине мира, они всегда будут отражать своеобразие конкретного авторского сознания, существующего в определенных культурно-исторических условиях. Таким образом, являясь отображением субъективного сознания и переработки в индивидуальном авторском восприятии, картина мира обусловлена принадлежностью автора к какой-либо культурно-исторической группе.

Образ мира и модель мира, в которой этот образ творчески отражен, представляют двухуровневую систему, в которой первое является импульсом для рождения второго. Помня о крайней субъективности авторской картины мира, а также о крепкой связи с пространственно-временной парадигмой модели мира и доминантными категориями, существующими в этой модели, при анализе картины мира следует уделять им особое внимание.

Поиск своего места в пространстве и времени — задача невыполнимая без того, чтобы это пространство и время осознать и описать. Таким образом, проблема картины мира и ее восприятия, авторского преломления становится

⁵⁶ Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. С. 15.

неразрывно связана с проблемой «своего» и противопоставленного ему «другого».

1.3. Особенности жанра травелога

«Литературная энциклопедия терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина дает следующее определение жанра путешествия: «литературный жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров»⁵⁷. В словарной статье, посвященной путешествию, также отмечаются основные свойства данного жанра: центральный образ путешествующего героя, занимающего позицию наблюдателя, противостояние миров «своего» и «чужого», относительная неизменность героя на протяжении повествования, его самосознание и психология вынесены на периферию.

Сейчас термин «травелог» используется довольно широко. Так, В.М. Гуминский в вышедшей в 2017 г. книге «Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте» рассматривает историю развития жанра в России, приводит примеры научных работ, где предметом исследования выступают как путешествия, так и травелоги: научные сборники «Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX в.», «Одиссей. Человек в истории. Путешествие как историко-культурный феномен», монографии «Русский травелог XVIII - XX веков», «Русский травелог XIX – XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы»⁵⁸.

⁵⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Сб 839-842.

⁵⁸ Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. С. 35.

В русском литературоведении слово «травелог» используется для обозначения специфического литературного жанра, вызывающего много дискуссий в силу его неоднородности и недостаточной определенности. Так, историю травелога как жанра описал А.А. Майга в статье «Литературный травелог: специфика жанра»⁵⁹, а также подробно рассмотрел изображение Африки во французских и русских травелогах А. Жида и Н. Гумилева. Сам термин имеет хождение не только в научных кругах, травелог вошел и в более широкие слои употребления. Словарную статью под названием «Травелог» можно найти, к примеру, в словаре «Массовая литература в понятиях и терминах»⁶⁰.

А. Шенле в работе «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840»⁶¹ также использует термин «травелог», рассуждая о произведениях, сюжетообразующим элементом которых является путешествие. Он рассматривает русский травелог с точки зрения целей, которые ставил перед собой автор, не ограничиваясь передачей непосредственных дорожных наблюдений. О травелогах говорит и О.В. Мамуркина в статье «Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения», где указывает на важную составляющую современного

⁵⁹ Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. №3 (37). Казань. С. 254-259.

⁶⁰ «ТРАВЕЛОГ (travelogue, *англ.* — повествование о путешествии). Один из популярных жанров современной литературы... Близким к жанру «путевых заметок» является жанр «путеводителя». На ранней стадии формирования жанра, когда путеводителей было немного, путевые очерки заменяли их и включали не только описания природы, достопримечательностей, собственных впечатлений, но и полезную для путешественников информацию. Травелог — свободная жанровая схема, в которой главное — мобильность пишущего... В текстах травелогов, как правило, интерпретируется традиционная оппозиция «свое—чужое» (Черняк В.Д. Массовая литература в понятиях и терминах: учеб. словарь-справочник / В.Д. Черняк, М.А. Черняк. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015. С. 165).

⁶¹ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 272 с.

травелога: рефлексию пишущего, не только физическое, но и метафизическое путешествие⁶².

Представляется целесообразным обратиться к истории жанра для уточнения особых специфических черт травелога. Рассмотрение подобных произведений в историческом контексте позволит увидеть, какие функции нес травелог, как менялись мотивы, побуждающие автора к написанию произведения.

Первые записи о путешествиях возникают с появлением письменности. Одно из первых известных и дошедших до нас литературных путешествий – рассказ Геродота о путешествии в Персию, Египет и Вавилон (V в. до н.э.). В XIII веке появляется «Книга о разнообразии мира» Марко Поло (1299), затем записи о путешествиях Магеллана (XVI в.), Фернан Пинту описал Японию в книге «Паломничество» (XVI в.). Эти путешествия были связаны в первую очередь с военными походами, а также с географическими открытиями, которые также сопровождались военными экспедициями, направленными на освоение новых земель. Развитие торговых отношений, а также странствия в Рим, Мекку, Иерусалим часто находили письменное отображение в мемуарах, записках, дневниках. Множество арабских торговцев оставили записи о своих поездках. Можно выделить марокканского путешественника Ибн Баттута (XIV в.), автора заметок об обычаях разных, преимущественно мусульманских, стран, их валюте, кулинарных традициях. Интересно, что он путешествовал ради путешествия, не являясь ни торговцем, ни первооткрывателем. Более того, исследователи отмечают в его записях выражение личности автора, его умозаключения, рассуждения — проявления авторской рефлексии.

⁶² Мамуркина О.В. Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 110-113.

Если говорить о России, можно привести следующие примеры: «Житие и хождение Даниила, игумена русской земли (XI в.), «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Можно вспомнить и о статейных списках – письменных отчетах русских послов о миссиях, выполненных поручениях. Зачастую, несмотря на официальную миссию, авторы не могли удержаться от того, чтобы не привнести в сухие описания посольств личные наблюдения и впечатления. Так, в статейном списке Г.И. Микулина (Англия) помимо подробного описания приема и переговоров содержатся сведения о городе, одежде встречающих делегацию, устройстве церкви. Не забывает он отметить и душевный настрой участников (королева «обрадовалась с великою сердечною любовью»⁶³), а также пересказывает городские слухи. Книжный стиль сменялся разговорным, сведения предоставлялись совершенно разного рода. Как отмечает Д.С. Лихачев, «статьейные списки подготовили появление сложной литературы путешествий: путевых записок и литературно обработанных повествований»⁶⁴.

Основными авторами ранних травелогов были исследователи, купцы, паломники, миссионеры. Путешествие занимало огромное количество времени ввиду транспортных средств, доступных в XV-XVII веках, и становилось одним из самых значимых событий в жизни самого путешественника.

Развитие географических экспедиций в XVIII веке все более побуждало путешественника сравнить то место, откуда он приехал, с тем, куда он отправился. Зачастую путники попадали в совершенно другой мир, часто сознательно выбирали все более экзотические места для своих поездок. Интерес к другому, к новой и неизвестной ранее культуре, обществу,

⁶³ Путешествия русских послов XVI – XVII вв. Статьейные списки / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 166.

⁶⁴ Там же, с. 346.

традициям, а также осмысление своего взаимодействия с «другим» связаны с зарождением жанра литературного травелога.

Это еще не вполне тот травелог, о котором сейчас говорит современное литературоведение. Хроника событий и путешествия преобладает над художественной составляющей. Более того, насыщенность и новизна впечатлений порой не оставляли авторам возможности для осмысления увиденного и ведения диалога (та самая Бишингова «География», о которой скажет Н.М. Карамзин). Далее развитие жанра шло в двух направлениях и либо представляло собой документальное изложение путешествия, где осваивались новые земли, либо позволяло на основе путешествия конструировать художественный текст. В 1792 году вышли «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, которые не являлись рассказом паломника, наблюдением посла или записками мореплавателя. «Письма» были написаны сентиментальным героем, человеком, специально отправившимся в поездку за границу в надежде на новые впечатления. Это была поездка для развлечения и удовольствия, не вызванная срочными обстоятельствами.

«Дневник русского путешественника» является важным этапом в развитии жанра. Нужно отметить возросшую художественную составляющую произведения, значительно более полный и яркий образ не только самого путешественника, но и встречаемых им представителей других земель. Невозможно не признать огромную роль этого произведения в дальнейшем формировании жанра травелога. Молодой путешественник, представляющий новую Россию, выходит из своей кареты, готовый не только наблюдать, но и взаимодействовать с «другим». Данный травелог решал несколько задач: расширение границ мира читателя, знакомство с Европой, презентация нового образа русского человека, а также определение своего места в мире. Новаторство Карамзина проявилось также и в том, что его

путешественник представляет Россию как страну развитую, не отстающую от европейских стран. Он знает языки, служит переводчиком для попутчиков, имеет широкий кругозор, общается с выдающимися умами своей эпохи. «Письма русского путешественника» были переведены на английский и немецкий языки. Т. А. Быкова в статье «Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе» указывает, что И. Рихтер, переводивший «Письма русского путешественника» на немецкий язык, в предисловии к изданию перевода упоминал, что произведение привлекает «выражением нежных чувств и известной наивностью изображения... Помимо всего, описание путешествия составляет приятное чтение»⁶⁵. Примечательно, что в описаниях повседневной жизни той или иной страны Греч почти дословно следует за Карамзиным, можно обнаружить массу совпадений, несмотря на временную разницу, составляющую более сорока лет.

Д.И. Фонвизин совершил несколько заграничных поездок, в период с 1762 по 1787 гг., впечатления о которых остались в письмах к П.И. Панину, А.М. Обрескову, Я.И. Булгакову и другим⁶⁶. Во время этих поездок он посещает Германию, Италию, Францию, Польшу. Для писем Фонвизина характерен субъективный взгляд и критикующий, даже обличающий, тон. Фонвизин без устали перечисляет недостатки тех стран, которые он осматривает, словно находя в этом даже некоторое удовольствие. Он описывает грязь, плохую службу, скверность. Особенно досталось Франции, где скверным казалось почти все, из положительного упомянут лишь госпиталь в Лионе. Нравы французов, их одежда, их скупость, манера устраивать обеды — все подверглось жесткой критике.

⁶⁵ Быкова Т.А. «Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе». XVIII век. СПб: Изд-во: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург), 1969. Т. 8. С. 324-342.

⁶⁶ Фонвизин Д.И. Письма из Франции // Фонвизин Д.И. Сочинения. М.: Правда, 1981. 296 с.

Письма К.Д. Батюшкова⁶⁷ из Италии содержат много личной информации и переживаний, обращенных к адресату. Его переписка с Н.И. Гнедичем, А.И. Тургеневым, В.А. Жуковским и другими довольно эмоциональна, краткие описания Рима или Неаполя сменяются размышлениями, совсем не имеющими отношения к Италии. Разумеется, эта переписка и не имела своей целью стать путеводителем по городам или анализом Италии и итальянского характера. Это была действительно частная переписка в отличие от путевых писем, создающихся для печати. Н.И. Греч, начиная свои «Письма», мысленно обращался ко всей читательской аудитории, в отличие от Батюшкова, действительно разговаривающего только со своим адресатом.

Однако и у Батюшкова есть интересные размышления: «По приезде моем жарко принялся за язык италіянскій, на котором очень трудно говорить с некоторою пріятностію и правильностію нам, иностранцам. Но это для меня было бы не бесполезно, почти необходимо во всех отношеніях; я хочу короче познакомиться с этою землею, которая для меня во всех отношеніях становится час от часу любопытнее. Для самой пользы службы надобно узнать язык земли, в которой живешь. Вот почему все вниманіе устремил на язык италіянскій и верно добыюсь если не говорить, то по крайней мере писать на нем. Между тем, чтобы не вовсе забыть своего (ибо по русски возможно сочинять исправно, как говорит Хвостов), я пишу мои записки о древностях окрестностей Неаполя, которыя прочитаем когда-нибудь вместе»⁶⁸. Необходимость учить язык вызвана желанием общаться на равных, иметь возможность вести диалог. Батюшков следует романтической

⁶⁷ Батюшков К.Н. Избранная проза / Сост., послесл. и примеч. П.Г. Паламарчука. М.: Сов. Россия, 1987. 528 с.

⁶⁸ В.А. Жуковскому 1 августа 1819 г. // Батюшков К.Н. Избранная проза / Сост., послесл. и примеч. П.Г. Паламарчука. М.: Сов. Россия, 1987. С. 328.

традиции в письмах из Европы, он «трепещет от радости», все наполняется его эмоциями.

В 1820 году в путешествие по Европе отправился В.К. Кюхельбекер, оставивший записи о своей поездке. «Путешествовать очень приятно: но вспомните зрителей, ямщиков, счеты», - так начинается его повествование⁶⁹. Кюхельбекер, сопровождая А.Л. Нарышкина в роли его секретаря, проезжает Нарву, Дерпт, Мемель, Кенигсберг, Дрезден и другие города. Ю.Н. Тынянов в очерке «Французские отношения Кюхельбекера» указывает, что незадолго до того, в 1819-1820 годах, Кюхельбекер уже совершил похожее путешествие, но воображаемое, где главным героем был американец, путешествующий по Европе будущего, которая совершенно одичала⁷⁰.

Наследие А.С. Грибоедова включает в себя помимо известных пьес в том числе и путевые записки времен походов на Кавказ⁷¹. Их художественное своеобразие состоит в особом ритме, резкой смене планов, эмоциональности. Вынужденный характер путешествий повлиял на изображение окружающего мира, где центром остается сам автор. Порой такие записки являлись лишь возможными набросками для последующих произведений, порой это были личные письма к друзьям. Сам писатель отрицал намеренное создание произведения в жанре путевой прозы, перенося на бумагу краткие и обрывочные впечатления. «Путешествие от Моздока до Тифлиса», «Путевые письма к С. Н. Бегичеву», «Путешествие от Тавриза до Тегерана», «Путевые записки», «Дневник возвратного путешествия в Персию» были написаны во время переходов. Очевидна связь противопоставлений «свой-чужой» и «там-здесь»: писатель описывает странные обычаи местных жителей, их нравы и традиции. Хронотоп

⁶⁹ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 7.

⁷⁰ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 296.

⁷¹ Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: В 3 томах. СПб: Нотабене, 1999. Т.2. 618 с.

повествования обусловил резкую смену картин и характерный синтаксис с резко обрывающимися и порой рублеными фразами. Скорость освоения пространства определила ритм повествования: быстрые горные переходы и бытовые неудобства писатель претерпевает мужественно, душой устремляясь к родным и друзьям.

В 1835-1836 годах вышли «Воспоминания о Сицилии» А.Д. Черткова⁷². Это были письма, написанные во время поездки на остров в начале 1820-х годов. Чертков описал экзотическое место, мало известное русскому читателю, довольно критически, указывая на крайнюю бедность и необразованность сицилийцев. Тем не менее, эти заметки вызвали в обществе большой интерес, подогреваемый еще и тем, что Чертков сопровождал свои «Воспоминания» двадцатью девятью иллюстрациями, автором которых выступил сопровождавший его в путешествии художник Штанге. Чертков соединил слово и иллюстрацию, сделав повествование многомерным. Родоначальник травелога Бертон Холмс позднее будет основывать новый жанр именно на этом.⁷³

Простое описание перестало удовлетворять как читателя, так и автора. Иллюстрации были одним из способов разнообразить монотонное повествование. В 1836-1837 гг. А.Ф. Вельтман издает альманах «Картины света», где публикует переводные статьи из европейских журналов. Во введении он, однако, поясняет для читателя: «Каждая переводная статья несёт в себе какой-то недостаток, что-то нерусское, не вполне понятное. Вы охотнее, внимательнее слушаете рассказ путешественника-соотечественника, нежели иностранца, ибо соотечественник рассказывает языком для вас понятным, он берёт сравнения из родного, окружающего вас мира, и самый

⁷² Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии / А. Черткова. М.: В тип. Августа Семёна при Императорской Медико Хирургической Академии, 1835. 29 с.

⁷³ Бертон Холмс (Burton Holmes) (1870 - 1958) — американский фотограф и путешественник, автор термина «травелог», создатель нового жанра, в котором соединил рассказ о путешествии с демонстрацией фотографий и, позднее, видеозаписей.

взгляд его на предметы заключает в себе постепенность, выражает какое-то применение к родине. И потому-то я не буду пользоваться лишь сколком статей, но стану пересказывать их языком и чувством русского»⁷⁴.

Невозможно не упомянуть и роман «Странник» того же А.Ф. Вельтмана, вышедший ранее в 1831 г.⁷⁵. Автор играет здесь с жанровой формой, заводя читателя в лабиринты, откуда порой сложно выйти. Реальное путешествие оказывается перемещением по карте, путешествие происходит во времени, пространстве, происходит оно и во внутреннем мире самого героя. «Странник» был высоко оценен читателями сразу после выхода книги.

Весь золотой век русской литературы путешествий создал прекрасную почву для поиска новых жанровых решений и форм. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча явились необычным по масштабу охвата и художественному своеобразию произведением, которое предлагало новый взгляд на традиционную форму. С упомянутым выше «Странником» «Путевые письма» сближает особый психологизм повествования и совмещение не только хронологических и географических, но и культурных пластов.

XIX век можно назвать веком романа путешествий. На основе впечатлений от поездки было создано множество художественных произведений, где само путешествие являлось обязательным, но не единственным смыслообразующим элементом. Об изменяющихся условиях с некоторым сожалением писал еще Д.С. Свербеев в 20-х гг. XIX века, чиновник, возглавлявший швейцарскую миссию и совершивший множество поездок в Европу: «...путешествие до железных дорог при всех его затруднениях было несравненно полезнее теперешней скачки от одного

⁷⁴ Вельтман А. Картины света: энцикл. живопис. альм. на 1836 год, с политипаж. рис. М.: Тип. С. Селивановского, 1836. Ч.1. С. 4.

⁷⁵ Вельтман А.Ф. Странник. М.: Тип. С. Селивановского, 1831. 150 с.

большого центра к другому, которая, уничтожая огромные пространства, лишает всякой возможности видеть и сколько-нибудь наблюдать встречаемые на этом промежутке предметы, достойные любопытства. Лет через тридцать я проезжал в вагонах поперек Франции по тем же почти местам из Женевы в По и из По в Париж и ровно ничего по этой дороге не видал, не видал даже Бордо, на станции которого, за четверть часа от города, пробыл в ожидании поезда около часа времени. Нынешние путешественники, выигрывая много времени, многое и теряют, для них существуют одни столицы и сборища на модных минеральных водах и приморских ваннах, - ни одна страна с многообразными условиями ее местности для них как бы не существует»⁷⁶. Время перехода из одного географического топоса в другой подготавливало путешественника, предоставляя ему возможность лучше и тоньше ощутить все те мельчайшие изменения, которые происходили и с окружающим миром, и с ним самим под влиянием этого мира.

Н.И. Греч почти повторил маршрут Карамзина в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» в 1839 году. Здесь мы видим путешественника, не только ведущего разговор с «другим», но и порой поучающего, критикующего, бранящего.

На более поздних этапах развития жанра образ «другого» все более очеловечен. Все чаще можно наблюдать, как из расплывчатого тумана некой земли проступают конкретные лица. Так, у Карамзина это те, о которых он слышал еще в России – выдающиеся писатели, философы, ученые. У Греча круг таких лиц еще шире – это и политики, и просто блестящие люди своей эпохи. Соответственно, и диалог с ними получается все более продуктивным.

Вырастая из дневниковых записей (хроники, посольских записок), травелог постепенно развивался в эпистолярной форме, становясь сложной

⁷⁶ Свербеев Д.Н. Мои записки / Подг. изд.: Т.В. Медведева, М.В. Батшев, Б.П. Краевский. М.: Наука, 2014. С. 225.

структурой с разножанровыми элементами. Так, у Греча мы наблюдаем и роман путешествия, и сентиментальные элегические вставки, и исторические хроники, горячие проповеди.

Также необходимо отметить другие яркие примеры травелогов России XIX века: «Путешествие в Арзрум» (1835) А.С. Пушкина, «Письма об Испании» (1857) В.П. Боткина, «Фрегат Паллада» (1858) И.А. Гончарова, «Остров Сахалин» (1893) А.П. Чехова и многие другие. В это же время наблюдается расцвет жанра и в других странах. Так, Ч. Диккенс, известный в основном как автор классического викторианского романа, отправляется в Америку и пишет «Американские заметки» (1842). Л. Кэрролл пишет «Русский дневник» после своей поездкой в Россию (1867). А. Дюма также стал автором травелога: «Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию» (1862).

С развитием транспортных средств и возрастающей доступностью путешествий, жанр продолжает развиваться далее. В XX веке появляется сборник очерков А.И. Куприна «Лазурные берега» (1912), «Югославия» (1928), «Одноэтажная Америка» (1937) И. Ильфа и Е. Петрова. В советский период развития отечественной литературы ворникает поэтический образ исследователя Арктики, неизвестных земель, появляются книги В.В. Конецкого («Соленый лед: Путевые заметки» (1969) и другие), В.В. Овчинникова («Ветка сакуры» (1970), «Корни дуба» (1980). Д.А. Гранин пишет иронические «Примечания к путеводителю» (1967), «Сад камней» (1972), «Прекрасную Уту» (1974). Петр Вайль создает книгу «Гений места» (1999). Меняются не только средства, доставляющие путешественника в другие страны, но и причины, побуждающие его отправиться в поездку.

Изменялся в течение всего этого времени и авторский взгляд, и перспектива путешествия, и цели написания самого травелога. XVIII век — век просветительской литературы, когда путевые письма были средством не

только поделиться увиденным в европейских странах, но и рассказать о том, как они представили Россию на международной арене. Своеобразный «представительский» травелог - «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина. Путешественник, добравшийся до Европы в конце XVIII века, не мог быть случайным человеком — это был видный деятель своей страны, который как минимум имел на такое путешествие средства. Первые путешествия, особенно в Европу, отвечали целям не только презентации России, но и самопрезентации — в путевых заметках и письмах авторы сообщали не только о том, каков был «другой», но и создавали образ себя для «другого». Так, Фонвизин, ругая Францию и бескультурье горожан, опаливающих свинью в центре города, не столько снижает образ Франции, сколько возвеличивает на этом фоне образ России. До сих пор письма Фонвизина пользуются большой популярностью: написанные живым языком, они довольно патриотичны, и фокус автора не только на «другом», но и на «своем», русском. А. Кантемир в «Реляциях из Лондона», направляя письмо государыне из Англии в 1732 г., просит увеличить его содержание, чтобы не ударить в грязь лицом перед остальными и иметь серебряную посуду вместо оловянной⁷⁷.

В XIX веке продолжается исследование новых территорий, места для экспедиций выбираются довольно экзотические, путешественники отправляются как в другие страны, так и исследуют Российскую империю — Крым, Кавказ, Сибирь. XIX век настолько популяризировал жанр путевых заметок, что почти любой человек, отправляющийся в путь, считал нужным оставить записи о своей поездке. Разумеется, нельзя говорить о равной ценности таких заметок и дневников, как и наличии в них литературной ценности. Зачастую авторы лишь фиксировали хронологию пути, сообщая

⁷⁷ Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://drevlit.ru/docs/england/XVIII/1720-1740/Kantemir/index042e.php> (дата обращения 10.03.2019).

отдельные детали, привлекавшие их. Адресат в письмах порой принимал большее значение, чем то, что путешественник мог наблюдать из окна кареты. На наш взгляд, такие заметки нельзя отнести к травелогам вследствие несоответствия этих произведений основному условию: травелог — форма познания «другого». Н.В. Константинова в статье «Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского)»⁷⁸ рассматривает феномен авторства в травелоге, указывая на своеобразное раздвоение авторской фигуры на повествователя и путешественника.

XX век, начало которого отмечено бурными политическими событиями, привнес новое звучание в травелог. Эмиграция из страны наполняет описание «другого» особыми нотами тоски и ностальгии по «своему». Сборник статей «Беглые взгляды»⁷⁹ объединил в себе эссе и путевые заметки авторов XX века. Г. Тиме, один из составителей книги, отмечает: «Эмиграция сформировала особый тип личности, воспринимавшей изгнание как путешествие». «Понятия «свой» и «чужой» (другой) постепенно теряли привычные для травелогов смыслы, двигаясь от их противостояния к кажущейся идентичности, вплоть до полного снятия этого противопоставления или же, вследствие усиления идеологического начала, к совершенному отчуждению»⁸⁰.

Сам термин «травелог» пришел из английского языка, однако в англоязычной научной литературе чаще можно встретить следующие определения: *travel literature* (литература путешествий), *travel writing*

⁷⁸ Константинова Н. В. Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 79-88.

⁷⁹ Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей / Сост. В. С. Киссель. Переводчик Г.А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 400 с.

⁸⁰ Интервью Г. Тиме журналу «GEO». Электронный журнал GEO: Неопознанный мир. Земля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geo.ru/geo-rekomenduet/beglye-vzglyady-novoe-prochтение-russkikh-travelogov-pervoi-treti-xx-veka> (дата обращения 10.03.2019).

(описания путешествий). Например, именно «travel literature» - литературы путешествий - рассматривает О. Когану в своей статье «What makes travel literature»⁸¹, где исследует историю путевых записей.

Термин «травелог» довольно удобен и хорошо прижился в российском литературоведении. Несмотря на неокончательную его определенность, он часто употребляется как в отношении новых произведений, так и уже давно существующих. Однако при переводе научного дискурса на международный уровень, от термина «травелог» порой приходится отказываться. Несмотря на удобную форму слова, понятную и русскоязычному ученому, и англоязычному, несмотря на английское происхождение термина, он может вызвать непонимание при употреблении.

Travelogue – слово-гибрид, изобретенное американским путешественником Бертоном Холмсом (1870-1958). Travel (путешествие) + logue традиционно понимается как «рассказ о путешествии». Широко использовавшийся ранее термин «путешествие» слишком пространен, возможно, поэтому травелог так легко укоренился на русской почве.

Возвращаясь к происхождению термина, нужно отметить, что основные известные словари английского языка определяют travelogue просто как фильм или письменное описание путешествия. Например, Оксфордский словарь литературных терминов определяет его как «рассказ о путешествии: книга, статья или фильм, фиксирующие посещенные места и встреченных людей»⁸². Слово travelogue скорее имеет бытовое, не научное значение для описания любого путешествия, что может быть объяснено тем, что сам создатель термина «travelogue» Бертон Холмс был вдохновлен

⁸¹ Cogeanu O. What makes travel literature? // The International Journal of Humanities and Social Studies. 2014. Vol. 2, issue 6. P. 348-350.

⁸² An account of one's travels: a book, article, or film recording places visited and people encountered – Рассказ о чем-либо путешествии: книга, статья или фильм, изображающие посещенные места и встреченных людей. Account – рассказ очевидца, фиксация впечатлений, больше тяготеет к документальной природе английского travelogue, нежели к склонности к рефлексии. - The Oxford dictionary of literary terms (ed.3).

лекциями другого путешественника Дж. Стоддарда, а позднее и сам выступал с публичными рассказами о своих поездках, сопровождая их иллюстрациями. Его выступления имели огромный успех, альбомы фотографий выходили огромными тиражами. Также он снимал небольшие фильмы, посетил в том числе и Россию⁸³.

В английский язык слово вошло без литературного контекста. Оно обозначает личные впечатления, дневники, видеофильм о путешествии и не подразумевает литературной ценности данного произведения. Словарь литературных терминов и литературной теории, изданный Дж.А. Каддоном (A dictionary of literary terms and literary theory by J.A. Cuddon), определяет travel book так: A neglected and much varied genre of great antiquity to which many famous, more or less professional or ‘full-time’ writers have contributed, but which has also been enriched by a number of occasional writers⁸⁴ - Обделенный вниманием и весьма разнообразный жанр, имеющий древнее происхождение, в котором работали многие известные более или менее профессиональные писатели. К разряду travel books этот словарь относит и случайные непрофессиональные творения малоизвестных авторов, и, например, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина.

Travelogue в зарубежном понимании часто служит для того, чтобы читатель решил, стоит ли ему посещать это место. Таким образом, «другой» воспринимается как потенциальный «свой», проверяется, насколько подходящим он окажется, насколько может приблизиться к «своему». Не познание «другого» находится в читательском фокусе, а возможность распространить и расширить область «своего».

⁸³ Можно процитировать авторов интернет-ресурса, посвященного наследию Холмса: «Он не изобрел кино, он не изобрел путешествие. Он изобрел кино о путешествии» (Burton Holmes. [Электронный ресурс]. URL: www.burtonholmes.com (дата обращения 10.03.2019)).

⁸⁴ A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / 5th ed. J. A. Cuddon. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013. P. 736.

В таких произведениях нет своеобразного стиля, присущего травелогам в понимании отечественного литературоведения. Личность автора нивелирована настолько, что совсем исчезает из текста. Соответственно фигура, которая будет представителем «своего», в таких произведениях отсутствует. Отсюда и невозможность культурного диалога – даны лишь сухие факты, указаны достопримечательности и т.п. Эти путеводители лишены самой возможности диалога. Однако жанр этот в силу своей коммерческой успешности очень популярен. Можно найти даже такой совет на freelancewriting.com: в случае проживания автора вдали от описываемого места, воспользоваться другими источниками. Это противоречит самой идее травелога, который представляет собой в первую очередь рассказ о путешествии, реальном или вымышленном, а не компиляцию фактов, выбранных из прочих источников.

Востребованность информации о дальних местах, неизвестных еще городам и странам, очень высока. Однако востребованы зачастую сугубо бытовые детали: расположение домов, рекомендации отелей и ресторанов, удобство транспортной системы, местные достопримечательности. Такие путеводители редко представляют собой литературную ценность и служат скорее справочным материалом.

Когда Бертон Холмс изобрел травелог, показывая лекции, фотографии, рассказывая о местах, которые он посетил, то не сообщал, где можно недорого пообедать, он открывал новый, неизвестный зрителям мир. Купив билет на его лекцию, можно было побывать на Севере, в России, путешествовать по горам – словом, посетить места, недоступные для рядового обывателя. Современный мир предлагает массу возможностей для путешествия, более того, информация о странах и культурах не будет для читателя абсолютно новой.

Английское слово *travelogue* не исключает литературной ценности произведения. Например, электронный ресурс Американского общества поэтов Poetry foundation⁸⁵ называет «Паломничество Чайльд-Гарольда» Дж.Г. Байрона именно *travelogue*: But the international popularity of the work's eventual four cantos (represented in the nineteenth century by partial and complete translations into no fewer than ten languages) derived less from its appeal as a *travelogue* than from its powerful articulation of the *Weltschmerz*, or "World-weariness," born of the chaos of the French Revolution and Napoléonic Wars that disrupted all of European society (Однако мировая известность четырех песен (представленных в девятнадцатом веке частичными или полными переводами на менее, чем десять языков) происходила не столько из-за привлекательности произведения как травелога, сколько из-за сильнейшего ощущения мировой тоски, мировой усталости, созданной хаосом Французской революции и Наполеоновскими войнами, разрушившими все европейское общество). Использовано это слово также в некоторых названиях стихотворений современных американских авторов.

Элизабет Золд в работе *Discomforting Narratives: Teaching Eighteenth-Century Women's Travelogues*⁸⁶ употребляет как *travelogue*, так и *travel writing*. Использование слова *travelogue* также можно встретить в научных статьях, для авторов которых английский язык не является родным (например, A. Kõvamees «Italy in Estonian travelogues: *Italian capriccio*» by Karl Ristikivi and *Madonna with a plastic heart*» by Aimee Beekman» (Estonia,

⁸⁵ American Poetry Foundation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/> (дата обращения 10.03.2019).

⁸⁶ Zold Elizabeth. *Discomforting narratives in Teaching Eighteenth-Century Womens Travelogues*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/9943484/Discomforting_Narratives_Teaching_Eighteenth-Century_Womens_Travelogues (дата обращения 10.03.2019).

2008)⁸⁷, A. Yilmaz, S. Öncel, M. Yolal «Food culture in ibn Battuta's travelogue» (Turkey, 2018)⁸⁸.

То, что русские исследователи сейчас называют «травелогом», в английском языке имеет название «travel writing», что очень похоже на существующий русский термин «литература путешествий».

Проблема места травелога в жанровой системе волнует не только отечественных ученых. Например, К.М. Джордж, индийский исследователь литературы, составитель Энциклопедии индийской литературы, под названием Травелог объединил несколько статей на разных языках⁸⁹. На него ссылается другой индийский исследователь Др. В.Б. Рама Рао Вадапали, который на портале, посвященном индийской литературе, приводит следующие варианты наименований литературы путешествий: книга о путешествии, путеводитель, рассказ о путешествии (travel book, travel guide, travel account, travel record). Исследователь отмечает, что несмотря на то, что все это является книгами, а, соответственно, и литературой, именно чувства автора, его личность, воображение и изящные средства выразительности делают рассказ о поездке литературным произведением. По его мнению, необходимо учитывать замысел произведения, манеру письма, а также проявление личности автора⁹⁰.

⁸⁷ Kõvamees A. «Italy in Estonian travelogues: —Italian capriccio» by Karl Ristikivi and —Madonna with a plastic heart» by Aimee Beekman» (Estonia, 2008). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.digar.ee/arhiiv/et/nlib-digar:50381> (дата обращения 10.03.2019).

⁸⁸ Yilmaz A., Öncel S., Yolal M. «Food culture in ibn Battuta's travelogue» (Turkey, 2018). [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/36842400/FOOD_CULTURE_IN_IBN_BATTUTA_S_TRAVELOGUE (дата обращения 10.03.2019).

⁸⁹ George K.M. Encyclopaedia of Indian Literature: Sasay to Zorgot. Travelogue. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=KnPoYxrRfc0C&pg=PA4370&lpg=PA4370&dq=k+m+george+indian+literature+travel&source=bl&ots=Y8Myy3iHu0&sig=ACfU3U2gxGEJrQh3S4AzVq1MBHGaODwKBw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjppsLJiZjjAhXI-ioKHQatDMYQ6AEwCXoECACQAQ#v=onepage&q=k%20m%20george%20indian%20literature%20travel&f=false> (дата обращения 10.03.2019).

⁹⁰ Wadapali Dr. Travelogue. Language in India. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.languageinindia.com/march2011/traveloguefinal.html> (дата обращения 10.03.2019).

Вадапали определяет травелог как литературное представление путешествия и делит их на следующие типы: литературное представление фантазийного, вымышленного путешествия, реального зафиксированного путешествия, а также художественное представление чувств и ощущений во время путешествия (например, «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона, «Индика» Мегасфена).

Таким образом, travelogue в английской традиции значительно отличается от того, что понимается под травелогом в отечественной науке. В то время как русский аналог английского travel writing (литература путешествий) подразумевает все письменные свидетельства о поездке, включая заметки, путеводители и т.д. Travel writing имеет больше отношения к собственно литературе, чем к путешествию как к поездке. Такой перевертыш вполне органичен для самого жанра травелога, суть которого в отражении, рефлексии.

Русский травелог подразумевает особый жанр, представляя собой нечто большее, чем просто историю путешествия. Это культурный диалог, разговор с «чужим», активное взаимодействие. В отличие от английского travelogue, русский травелог имеет литературную ценность.

Е.Ф. Пономарев указывает на то, что литература путешествий объединена скорее тематически, нежели структурно, и очень сложно говорить в данном случае о литературном жанре, который имеет свои четкие характеристики и черты⁹¹. Часто осознавая трудности определения травелога, исследователи признают его наджанровую природу. Он объединяет в себе различные жанры (служебный отчет, статейные списки дипломатов,

⁹¹ Пономарев Е.Ф. Русский имперский травелог. НЛО. 2017. № 2. Советские травелоги: Западная Европа устами писателей 1920-30-х годов / Поверх барьеров с Иваном Толстым // Svoboda.org: Радио Свобода. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24551956.html> (дата обращения 10.03.2019).

дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, эпистолярный, мемуары, очерк и пр.).

Travelogue созвучно таким понятиям как monologue, dialogue и polylogue. Эти слова имеют греческое происхождение: mono-, dia-, poly- (один, два, много) + logos (речь, слово) и обозначают речь одного человека, речь двух человек, речь нескольких участников. Исходя из этой словообразовательной модели, можно предположить, что травелог (travelogue) – речь самого путешествия, история, рассказанная самой поездкой, где роль автора велика, однако наравне с ним выступает и другой рассказчик – сам мир, который автор-путешественник открывает. В этом можно увидеть суть оппозиции «свое»/«чужое»: путешественник, представляющий свою родную культуру, и новая земля, представляющая образ «другого». Они оказываются одинаково важными для повествования, взаимно определяя друг друга. Роль «другого» не пассивна. Диалог культур, складывающийся из такого взаимодействия, требует одинаково активного участия двух сторон. Таким образом, травелог не может быть приравнен к документальной прозе, где задача автора – зафиксировать увиденное, травелог предполагает встречу «на равных», разговор двоих: путешественника и «другого».

О невозможности свести травелог к простой фиксации событий, сопровождаемых авторским описанием, говорит и П. Вайль, автор современного романа путешествий «Гений места», а также других («Карта Родины», «Картины Италии» и др.). Обдумывая предложение о переводе его книги в телевизионный формат, он отмечал немедленно возникающие с этим трудности: описываемое место не «живет», не имеет своей души на киноплёнке. «Другой» - это живая субстанция, дух страны или города. Рассказанные им истории блекнут без ощущения полноценного диалога. Более того, «дух» или «гений» места Вайля настолько живой и активный, что

принимает образ конкретного человека, концентрируя в нем и его судьбе специфические свои черты. Так, Калифорния представлена Чарли Чаплиным, Сан-Франциско – Джеком Лондоном и т.д.

Интерес, появившийся к исследованию травелогов в последнее время, как современных, так и написанных ранее, в XVII, XVIII, XIX веках, можно объяснить несколькими факторами. Травелог – это взгляд на другого. Несмотря на процессы глобализации, которые мы наблюдаем сейчас в современном мире, развиваются и обратные процессы. Национальные культуры с трудом поддаются гомогенизации. Мультикультурализм и глобализм сталкивается с укреплением национальных идентичностей. В этом, в частности, видят важность исследования травелогов и их значимость как жанра для литературоведения О.Ю. Поляков и О.А. Полякова в работе «Имагология: теоретико-методологические основы»⁹². Также они отмечают, что формирование имагологических образов происходит постепенно, создавая все новые и новые дополнительные ряды. Поэтому для лучшего понимания того, что происходит сейчас, нужно знать то, что стало основой настоящего. Рефлексия, неизбежно возникающая при встрече с «другим» – неотъемлемая часть травелога. В противопоставлении и сопоставлении себя и «другого» можно понять свою собственную идентичность. Происходя из путевых заметок и дневников, фиксирующих факты и дорожные происшествия, травелог постепенно развился в нечто большее – попытку ответить на многие важнейшие вопросы о себе, о мире, о своем месте в нем.

Современные исследователи (Е.А. Стеценко⁹³) рассматривают путешествие как «собирательную литературную форму», где сочетаются

⁹² Имагология: теоретико-методологические основы / О.Ю. Поляков, О. А. Полякова. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.

⁹³ Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с

статистика, портрет, пейзаж, документы, образы и обязательный элемент – повествователь.

М.Г. Шадрина⁹⁴ подчеркивает, что границы этого понятия подвижны, предлагает ряд синонимичных терминов: записки путешествий, литература путешествий, хождения, путевые записи, очерки, дневниковые записи, путевая проза. Она использует определение Д.С. Лихачева, который под «литературой путешествий» понимал «широкий круг источников, написанных в виде путевых дневников или по материалам, собранным во время путешествий»⁹⁵. Шадрина также считает синтез документального и беллетристического начал главной особенностью жанра.

На наш взгляд, важной чертой, определяющей принадлежность произведения к жанру травелога, является замысел писателя, его обращение к читателю и цель, которую он преследует. Так, например, в известнейших путешествиях XVIII века («Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищева и «Письма русского путешественника» (1792) Н.М. Карамзина) внимание читателя обращается на то, что фиксирует взгляд автора. Оба путешествия преподносятся как реальные, невымышленные. Однако радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» травелогом назвать сложно, это скорее роман, имеющий своей целью обратить внимание на социальные проблемы, тогда как «Письма русского путешественника», несмотря на сомнения в подлинности, на наш взгляд, являются травелогом в чистом виде. Главным отличием между ними выступает желание автора открыть новый мир, его готовность наблюдать и изучать, его горячий интерес к «другому». Радищев не видит «другого», он демонстрирует «свое», находящееся в плачевном состоянии. В то время как травелог – это всегда взаимодействие, открытие нового, неизвестного. Речь может идти о дальних

⁹⁴ Шадрина М.Г. Эволюция языка «путешествий»: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 394 с.

⁹⁵ Путешествия русских послов XVI – XVII вв. Статейные списки / Отв. ред. Д.С. Лихачев; Ред. изд-ва Г.И. Зикеев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 490 с.

странах, что и бывает чаще всего. Однако «другой» не всегда находится на большом расстоянии.

Не совсем справедливо, да и не нужно требовать от автора фиксации реальных событий, изображения реальных поездок и встреч. Творчество, в том числе и литературное творчество, не должно быть и не может быть ограничено узкими рамками. Более того, такое ограничение отодвигает на задний план активное сознание путешественника.

Не имея четких границ и общепринятого определения, травелог в отдельных исследованиях может именоваться «путешествием», «литературным путешествием», что объясняется долгим бытованием данных терминов в литературоведческом дискурсе. На наш взгляд, целесообразно разграничить такие понятия как: «литература путешествий», «литературное путешествие» (оно же часто просто «путешествие»), «травелог».

К «литературе путешествий» можно отнести очень широкий пласт произведений, как художественных, так и почти документальных. Атласы, описания маршрутов, отчеты об экспедициях активно печатались по мере освоения человеком новых пространств и до сих пор представляют интерес для множества исследователей, т. к. содержат уникальный фактический материал. Однако с точки зрения имагологических исследований такие произведения не раскрывают образы «своего» и «чужого» так, как это происходит в травелоге. Травелог, в свою очередь, занимает особое место среди литературных путешествий. Во многом «литературное путешествие» и травелог сближаются, имея несколько общих черт: вымышленная или реальная поездка как основа для повествования, описание места, куда отправляется автор. Тем не менее, литературное путешествие представляет собой более широкую категорию, куда можно включить произведения, не относящиеся к жанру травелога. Травелог подразумевает более пристальное внимание к «другому», активное освоение и порой даже присвоение нового

культурного пространства. Я-повествование также отличает травелог от литературного путешествия, где история может быть рассказана от третьего лица, приближаясь к традиционному типу нарратива. Рефлексия и диалог с «другим» - неотъемлемые черты травелога — невозможны при безынициативном и отстраненном рассказчике, который вполне может присутствовать в повести, романе в письмах и пр.

А.Л. Латухина подробно рассматривает жанр литературного путешествия в диссертационном исследовании «Цикл путевых поэм И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра». К инвариантным характеристикам литературного путешествия автор относит такие характеристики как: реальное путешествие как сюжетная основа, повествование от первого лица, мотивы пути и дорожных встреч, использование этнографического материала⁹⁶. Почти все эти черты можно найти и в травелоге, однако побудительная и двигательная сила этого жанра заключена не в описании, а в узнавании и сближении.

Травелог — жанр, развившийся из путевых наблюдений и заметок в результате более пристального и внимательного изучения и анализа «другого». Для него характерны: я-повествование, путешествие как сюжетная основа, активное исследование «другого» и как следствие диалог с ним.

Путешественник А.К. Краснов, отправившийся в кругосветное путешествие будучи посланным туда удельным ведомством вместе с географической экспедицией, пишет: «Действительно, рассказ мореплавателя прежних времен был подобен роману. Его судно, с которым он переживал бури, кораблекрушения и другие невзгоды, плывя под начальством опытного и неустрашимого капитана, экипаж этого судна, судьба которого была

⁹⁶ Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2004. 22 с.

связана с судьбой героя-путешественника, его товарищи — все это играло видную роль в его рассказах. Приключения путешественника нередко наполняли добрую половину книги, так как они были интересны, характеризовали условия жизни в описываемой стране, окружали самого путника ореолом славы. Все было у него особенное, начиная с обеда, который он ел, и кончая постелью, на которой ему приходилось спать. Так было прежде, и еще очень и очень недавно. И между тем как отлично теперешнее положение кругосветного путешественника!»⁹⁷. «Современное путешествие на пароходах и железных дорогах... совершенно не дает возможности жить жизнью тех стран, которые посещаешь... раб своего проводника или переводчика ... видит только то, что описано в Бедекерах и заучено наизусть проводниками»⁹⁸. Впечатления о своем путешествии Краснов, назвав их «Письмами», опубликовал в 1898 году, шестьдесят лет спустя после поездки Греча. С одной стороны, отсутствие того «особенного», о котором жалеет Краснов, может заставить автора травелога пуститься на поиски более «особенного», новой поразительной экзотики. С другой стороны, не отвлекаясь на поиски принципиально нового и удивительного для читателя, путешественник может сосредоточиться на действительной жизни «другого», и этот «другой» уже, возможно, окажется более приближенным к «своему». Перспективы современного травелога нам представляются именно в сосредоточении на узнавании и понимании «другого», в отличие от описания внешней стороны его жизни. Греч в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» проходит свой путь, преображаясь и сам. «Другой», «чужой» оказывается более близким и более понятным.

⁹⁷ Краснов А.К. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия. С.-Петербург: Типография М. Меркушева, 1898. С. 12.

⁹⁸ Там же, с. 12.

Т.В. Цивьян отмечает размытие границ между «своим» и «чужим»: «Говоря об этнических стереотипах, обычно проводят строгое разделение по оппозиции *свой/чужой*: какими видим себя *мы* и какими видят нас *другие*. ... *Чужие* впечатления/представления о *нас* апробируются, а во многом уточняются и развиваются традицией, причем не столько народной, сколько культурной... В результате оказывается, что самоидентификация ориентируется не только и даже, может быть, не столько на *себя*, сколько на *чужого*, то есть, в конце концов, на то *отражение*, которое и сделало возможным знакомство с *самим собой*».⁹⁹ Одним из основных признаков травелога является взаимодействие двух культур, двух миров – автора и места, которое он посетил. Оппозиция «свое»/«чужое» видится неотъемлемой частью травелога.

Также, как и Бертон Холмс, удивленный инаковостью другого мира, возил за собой фургон с живыми картинами и фотографиями, автор литературного травелога, вдохновленный новым местом или культурой, делится этим с читателями. В этом смысле травелог, в понимании отечественного литературоведения, сохранил противопоставление «своего» и «чужого», заложенное в нем как в жанре в самых истоках.

ВЫВОДЫ

Имагология ставит своей целью рассмотреть и исследовать образ «другого», а также историю формирования этого образа, что особенно актуально в настоящее время. Результаты имагологических исследований, полученные, в частности, Н.П. Михальской, изучавшей рецепцию образа России в английской литературе, позволяют утверждать, что образ «другого» пластичен, подвержен влиянию окружающей среды, а также наделен типическими чертами, приписываемыми определенной народности или культуре. Позднее свой вклад в развитие отечественной имагологии

⁹⁹

Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 248 с.

внесли такие ученые, как В.Б. Земсков, рассмотревший образ России в широком культурно-историческом контексте, В.А. Хорев, предложивший определенные теоретические основы для рассмотрения имагологических образов (принцип этноцентризма, стереотипы), Г.Д. Гачев, исследовавший национальную идентификацию в контексте истории и культуры народа, и другие. Для имагологии литература является ценным источником сведений о «другом», особенно верно это утверждение для литературы путешествий, когда само узнавание нового мира и культуры является побуждением к созданию произведения.

Травелог имеет давнюю историю, вырастая из путевых заметок, дневниковых записей, путевых романов и очерков. Это специфический жанр со своими отличительными чертами, а именно: путешествие как сюжетобразующий элемент, диалог с «другим», рефлексия путешественника. Травелог представляет исключительный интерес для активно развивающейся науки имагологии, которая ставит своей целью исследование формирования и развития образа «другого», рецепции чужой культуры, а также самопрезентации.

Имеется отличие в использовании термина «травелог» в отечественном и зарубежном литературоведении. Термин «травелог» (travelogue), введенный Б. Холмсом в качестве обозначения рассказа о путешествии, сопровождаемого показом фото- и видеоизображений, в русскоязычной среде трансформировался в обозначение литературного жанра. Ведутся дискуссии об окончательном определении черт травелога, однако большинство исследователей согласны в том, что это особый литературный жанр, в котором главным сюжетобразующим элементом является путешествие. Травелог исследует образ «другого», отношения с которым являются важным составляющим художественного мира такого произведения.

Травелог выделяется из общей массы произведений, традиционно обозначаемых понятием «путешествие» («литературное путешествие»). В травелоге на первый план выходит диалог культур и исследование собственной или чужой идентичности, при этом само путешествие служит не фоном для развития сюжета, а необходимым условием приближения к «другому».

Являясь литературным произведением, травелог не претендует на субъективность и полную беспристрастность. Образы, появляющиеся в нем, предопределены личностью автора, его художественным миром. Метод исследования картины мира при изучении литературного произведения был применен Ф.П. Федоровым при описании творчества немецких романтиков. Также Федоровым была предложена теоретическая база для рассмотрения картины мира в художественном произведении. Являясь пересозданной реальностью, картина мира содержит доминанты (трансцензусы), которые являются опорами, на которых этот художественный мир сконструирован. Картина мира автора уникальна, она субъективна и имеет свои особенности и закономерности, которые могут проявляться в образной, мотивной структуре произведения, своеобразном хронотопе и прочем, что и будет рассмотрено на примере «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча.

ГЛАВА 2. СВОЕОБРАЗИЕ «ПУТЕВЫХ ПИСЕМ ИЗ АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ» Н.И. ГРЕЧА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

2.1. Травелоги первой трети XIX века: традиционное и новое

Время создания «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» - 1838 год, время активного развития литературы путешествий. Исследуются территории Российской империи – Крым, Кавказ: появляется «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И.М. Муравьева-Апостола, В.К. Кюхельбекер пишет «Путешествие» в результате поездки по Европе 1820-1821 гг. В 1832 г. свое заграничное пребывание описал А.И. Тургенев, в 1835 году Пушкин создал «Путешествие в Арзрум» на основе впечатлений от поездки 1826 года. Примерно в это же время (1839) поездку в Россию предпринял А. де Кюстин, издавший свой скандально известный труд «Россия в 1839 году» в 1843. Примечательно, что там он упомянул и Н.И. Греча, охарактеризовав его как «грамматиста». После издания книги Кюстина Греч, уязвленный, возможно, неприятным упоминанием себя, а также возмущенный в числе прочих общим настроением книги, выставившей Россию в самом невыгодном свете, бросил все силы на то, чтобы получить правительственное разрешение на издание ответа-опровержения и распространения его за границей.

«Сын Отечества» - журнал, выпускавшийся Гречем, также содержал сведения разного рода, где интерес издателя простирался далеко за пределы родной страны. Регулярной была рубрика «Путешествия», в которой описывались различные походы и плавания, предпринимаемые соотечественниками, экспедиции в дальние страны. Раздел «Смесь» также содержал информацию о том, что происходило за границей: новости, интересные факты. Литературная критика журнала касалась не только российской, но и зарубежной литературы, современной прозы и поэзии, а также произведений минувших веков.

Например, в нескольких выпусках «Сына Отечества» за 1820 год Греч публикует «Путешествие вокруг света флота капитана Головнина. Плавание от Кронштадта до Рио-де Жанейро»¹⁰⁰. Это плавание ставило перед собой несколько целей: доставить снаряжение и припасы для Охотского порта, обозреть колонии Российской Американской компании, определить географическое положение российских владений. В этом «Путешествии» подробно описаны приготовления к плаванию, в частности, определение на судно живописца, который должен был изобразить все недоступное для понимания в словесных писаниях, закупка провизии и т.д. Это «Путешествие» довольно интересно, так как, по сути являясь лишь документальной фиксацией самой поездки, подробным перечислением фактов и деталей, довольно безличных, оно содержит интересный эпизод с точки зрения имагологии. Корабль Головнина встречает другой корабль, и между ними начинается своеобразный «разговор». Чужой корабль палит из пушки в знак приглашения к разговору. Русское судно отвечает ему таким же выстрелом, показывая, во-первых, что это судно военное и что команда готова к разговору. Русское судно снимает паруса, дожидаясь приближения чужого корабля. В ответ на это чужой корабль сам снимает паруса и ждет. Головнин пишет: «Я знаю правило англичан: они тотчас бы подошли под самую корму. Поступок сего судна заставил меня сомневаться, английское ли оно; видеv, что оно к нам не подходит, мы поставили прежние паруса и пошли своим курсом, тогда и оно пошло за нами и поставило все паруса. Такие его движения заставили меня думать, что это судно принадлежит американским бунтовщикам, которые нападают на все суда без разбору и грабят: ибо я полагал, что оно трусит на нас напасть, доколе не высмотрит,

¹⁰⁰ Путешествие вокруг света флота капитана Головнина. Плавание от Кронштадта до Рио-де-Жанейро // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал. Ч. 50. Санкт-Петербург: Тип. Н.И. Греча, 1818. С. 49-69.

как мы сильны»¹⁰¹. Инцидент разрешился благополучно, судно оказалось английским военным шлюпом. Головнин делает выводы о встреченном корабле, исходя из своих представлений о «другом», стереотипах, сложившихся у него как представителя военного флота. Зная обычаи и порядок общения между судами, он понимает, какие намерения у этого корабля. Обобщая то, что известно ему об англичанах, капитан делает ошибочный вывод о том, под чьим флагом плывет шлюп. Ошибочные представления о «другом» связаны с тем, что он воспринимается через призму этноцентризма — исключительно собственные представления, не всегда соответствующие действительности.

В выпусках 1821 года «Сына Отечества» Греч публикует статью «Английские заклады (Письмо из Лондона)». В этом письме автор пытается выйти за рамки простой фиксации фактов о городе и добавляет описание нравов англичан: «Удивительно, что при нынешней охоте писать, а особливо описывать все и везде, еще никто не вздумал присовокупить статьи к Истории народного характера англичан, собрав бесконечно разнообразные черты сей склонности, и составить из того целую картину, которая, при некоторой живости красок, обратила бы на себя всеобщее внимание»¹⁰². Речь идет о пристрастиях англичан, об их любви к пари, боксу, охоте.

Том 45 (1834 г.) содержит в разделе «Путешествия» Письмо к редактору из Гамбурга авторства некоего Т-м-ф-ъ, где он рисует этот город совершенно волшебным, прекрасным и удивительным, рассказывая читателю о кондитерских, парках, жителях Гамбурга. Письмо заканчивается следующими словами: «Voyager c'est vivre, comme vivre c'est voyager!» - написал мне на днях в альбом один молодой путешественник. Да, путешествовать — жить, но жить какою-то странною, беспокойною жизнью,

¹⁰¹ Головнин В. М. Путешествия вокруг света. М.: Дрофа, 2007. С. 469.

¹⁰² Английские заклады // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал. Ч. 71. Санкт-Петербург: Тип. Н.И. Греча, 1821. С. 117.

ежеминутно полною новых впечатлений, новых чувств, новых желаний, ежеминутно деятельною»¹⁰³.

Некоторые публикуемые путешествия походили на литературное повествование, содержали описание характеров, конфликты внутри команды и тех, кто встречался на ее пути. Другие же были документальным изложением фактов, географических сведений, описаний климата и растительности. Опубликовано в 1838 году в разделе Науки и искусства «Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану, между Карским морем и Беринговым проливом, до 1820 года»¹⁰⁴ именно такое. Рассказана история плаваний по Ледовитому океану с XVII века, обстоятельства экспедиций таких путешественников, как С.И. Дежнев, М.М. Булдаков и других.

Том 1 (1840 г.) содержит «Путевые впечатления и между прочим горшок герани!». Главный герой, устав от московской жары, хочет отправиться в Петербург, однако расстраивается, узнав, что в четырехместном дилижансе кроме него с братом будет только лишь еще одна девица. Не зная о пассажирке ничего, герой принимается размышлять и приходит к выводу, что она, верно, иностранка, «потому что русская девица, даже согбенная под тяжестью лет, ни за что в свете не решится провести три дня и три ночи наедине, даже с известным, не только что с неизвестным ей мужчиной»¹⁰⁵. На следующее утро Александр Федорович – главный герой – уже представляет наряд и шляпку этой девицы, высматривает неизвестную иностранку в толпе. Разумеется, он ошибается и пассажиркой оказывается

¹⁰³ Письмо к редактору // Сын Отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории. Том 45. Санкт-Петербург, типография Н.И. Греча, 1834. С. 52.

¹⁰⁴ Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану, между Карским морем и Беринговым проливом, до 1820 г // Сын Отечества. Журнал словесности, истории и политики. Том 4. Санкт-Петербург: Издание А. Смирдина, 1838. С. 1-120.

¹⁰⁵ Путевые впечатления и между прочим горшок герани! // Сын Отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. Штаба Военно-Учебных Заведений, 1840. С. 42.

русская женщина. Построив свои умозаключения на стереотипах, существовавших в массовом сознании и индивидуальных образах русской девицы и иностранной девицы (смелость, стыд, одежда), герой пришел к неверному выводу. Незнание «другого» приводит его к ошибке.

Путевые письма, заметки, наблюдения и очерки выходили в большом количестве. Помимо энтузиастов-путешественников, имеющих средства и время на праздное времяпрепровождение, были военные, менявшие место своего пребывания по долгу службы, дипломаты, а также лица, отправляющиеся в путь по своим частным делам. Причины путешествия могли быть самыми разными, как и маршруты. Представляется разумным сопоставить «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Греча с подобными ему травелогами, чтобы выявить отличительные черты этого произведения. Все три страны: и Англия, и Германия, и Франция были популярными направлениями, заметок о которых осталось очень много, и авторами их были именитые и признанные литераторы: К.Н. Батюшков (заметки и очерки в частной переписке), П.А. Вяземский («Записные книжки»), Ф.М. Достоевский («Зимние заметки о летних впечатлениях»), В.А. Жуковский (письма), Е.А. Баратынский (письма), Н.В. Гоголь (письма), Н.А. Некрасов (письма).

Развитие жанра и перерастание из эпистолярной формы в романную происходило постепенно. Одновременно в общем пространстве травелога существовали письма, написанные непосредственно друзьям и знакомым; письма, адресованные более широкому кругу читателей с возможной дальнейшей публикацией; письма, сразу создававшиеся для печати; романы в форме писем. Сопоставление «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча со разными произведениями, появлявшимися в рамках поступательного движения к формированию особого жанра, необходимо, оно

позволяет увидеть характерные и яркие особенности, которые отличают произведение Греча от многих других.

К.Н. Батюшков, рассказывая о своем пребывании в Англии в письме Д.П. Северину от 19-го июня 1814 г. из Готенбурга¹⁰⁶, описывает поездку в местном транспорте. Изначально сам Батюшков оказывается отделенным от попутчиков, так как он заплатил за проезд дороже всех и вошел в экипаж первым, остальные усаживаются после него. Попутчики характеризуются Батюшковым по той стране, откуда они родом: немцы, швед, англичане, шотландец, еврей. Он описывает их либо как приятных, либо как неприятных, не давая более подробного описания. Более детальным и эмоциональным представляется его описание Франции в письмах к Н.И. Гнедичу, Д.В. Дашкову, Е.В. Пушкиной. Эти письма полны размышлений и восторгов, написаны в лирическом ключе. Так, путешествие в замок Сирей в письме к Д.В. Дашкову описано таким образом, что тяготеет более к романтической повести, чем к письмам из путешествия: ««Кому принадлежит этот замок?» — спросил я у старика, сидящего на пороге сельского домика, тесно примыкающего к развалинам. «Какой-то старой дворянке», — отвечал он, приподняв красный колпак, старый, изношенный и который, конечно, играл большую роль в бурные годы революции. Это замечание я сделал мимоходом и продолжал вопросы: «Когда построен замок?» — «Во время шампанских графов, сказывал мне покойный дед...Время и революция все разрушили». Размышляя о странном характере французов, которые смеются и плачут, режут ближних, как разбойники, и дают себя резать, как агнцы, я догнал моих товарищей»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Батюшков К.Н. Избранная проза / Сост, послесл. и примеч. П.Г. Паламарчука. М.: Сов. Россия, 1987. Письмо Д.П. Северину. С. 367.

¹⁰⁷ Батюшков К.Н. Избранная проза / Сост, послесл. и примеч. П.Г. Паламарчука. М.: Сов. Россия, 1987. Путешествие в замок Сирей. Письмо к г. Д. С. 62-64.

В Записных книжках П.А. Вяземского также находим очерки об Англии, Франции и Германии. Он упоминает поездки на пароходе, разговоры с попутчиками, встречи со знакомыми, осматривает тюрьму, Палаты Парламента, ходит в театры и на многочисленные светские приемы, ждет парохода, ходит на купания. Однако его описания фрагментарны, автор не ставит задачей создать полную картину, его впечатления мимолетны и хаотичны. В письме из Ревеля от 19 июля 1830 г. читаем: « Я приехал 15-го вечером. 16-го, 17-го купался по одному разу в день. 18-го два раза и, надеюсь, впредь также. 16-го был концерт в зале Витта. 17-го бал у Будберга. Ревельские розы по-прежнему свежи и по-прежнему некоторые из них пахнут не розою. Дорогою прочел я "Le connetable de Chester" ["Коннетабль честерский"]. Вальтер Скотт тут немного мелодрамничает. В мае "Revue francaise" ["Ревю франсез"] очень хорошая статья о нынешней Швеции»¹⁰⁸.

«Путевые письма» Греча по сравнению с другими путевыми заметками и письмами (не по наименованию, но по сути) значительно отличаются от них масштабным замыслом. Вяземский пишет «Дневники» из Англии, отмечая дни порядковыми номерами своих купаний, что каждый раз подчеркивает его временное пребывание. Он обрисовывает праздное времяпрепровождение, доверительным тоном описывает своих знакомых, местные сплетни. И по краткости его записей, и по двусмысленности отдельных замечаний, и по деталям, о которых неприлично упоминать в свете, создается впечатление действительно дружеских посланий, либо, как и следует из названия - «Дневники» - записей для себя, не для широкой публики. Батюшков в письме к Н.И. Гнедичу от 30 октября 1813г. из Веймара писал: «Я надеюсь, что ты не напечатаешь моего письма в Вестнике или в Сыне Отечества, по примеру друзей, которые в переписке с военными; а эти военные на досуге выхваляют своих генералов, их великие подвиги и пр. и

¹⁰⁸

Вяземский П.А. Книжка 8. Записные книжки. М.: Захаров, 2017. С. 349-377.

пр. и пр.»¹⁰⁹. «Путевые письма» Греча, именитого писателя и издателя, были заранее обречены на публичность и задумывались как произведение для публикации.

Необходимо упомянуть и весьма популярные «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» И.П. Мятлева, вышедшие 1840 – 1844 гг. Это ироническое произведение в стихотворной форме содержит путевые впечатления собирательного комического образа провинциальной барыни, отправившейся в вояж по Германии, Швейцарии и Франции. Госпожа Курдюкова, обеспеченная сорокалетняя помещица, объезжает Европу и делится с читателями своими мыслями, изложенными на смеси русского и искаженного французского. Эта юмористическая поэма, изданная с иллюстрациями В. Тимма, пользовалась огромным успехом, ее цитировали в салонах. Еще до издания сам автор широко знакомил всех со своим произведением в литературных салонах, на вечерах. Образ Курдюковой, дамы амбициозной и глупой, стал собирательным образом невежественного русского путешественника, что не у всех вызвало восторг. Однако Мятлев, играя с читателем, порой заставлял мадам Курдюкову произносить вполне разумные суждения.

Греч, находясь в центре событий как литературного мира, так и светского, не мог не знать об этой иронической поэме. Живо еще было и воспоминание о скандальном путешествии де Кюстина, скверно отзывавшегося о России. Греч ищет новую риторику, нового героя, который сможет представить русского путешественника за границей, а также готового открыть глубину русской души. Никто другой не подошел для этой роли лучше, чем сам Николай Иванович Греч – человек солидный, уважаемый, образованный, опытный и не без склонности к нравоучениям.

¹⁰⁹

Батюшков К. Н. Письмо Гнедичу Н. И., 30 октября 1813 г. Веймар // Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 томах. СПб: Изд. П. Н. Батюшковым, 1885-1887. Т. 3. 1886. С. 235-243.

Проект Библиохроника содержит указание, что сам Греч был причастен к изданию «Сенсаций госпожи Курдюковой»: «Местом издания на них значится Тамбов, «малая родина» Акулины Курдюковой, однако надписи на обороте заглавных листов свидетельствуют, что печатались они в типографии "Journal de Saint-Petersbourg", а дарственная надпись на экземпляре «Госпожи Курдюковой», имевшемся в библиотеке Н.П. Смирнова-Сокольского, говорит об активном участии в судьбе книги известного литератора и издателя Н.И. Греча»¹¹⁰. Более того, как и госпожа Курдюкова, Греч отправляется в путь на том же пароходе: «Этот раз отправился я на пароходе «Наследник», лучшем ходоке из всех пароходов Балтийского моря»¹¹¹. На нем же отправилась и вымышленная героиня Мятлева:

Вот в дорогу я пустилась:
В город Питер дотащилась
И промыслила билет
Для себя, э *пур Анет*,
И *пур Харитон ле* медник.
Сюр ле пироскаф «Наследник»
Погрузила экипаж,
Приготовилась в вояж¹¹².

В 1831 году вышла книга Греча, которая получила название «Поездка в Германию». В отличие от романа «Черная женщина», весьма популярного во время выхода, а также до сих пор представляющего интерес для

¹¹⁰ Венгеров А., Венгеров С., Невский А., Невская В. В некотором царстве... Библиохроника 1647 — 1977. М.: Русский раритет, 2006. С. 190.

¹¹¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 1.

¹¹² Мятлев И.П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л.: Советский писатель, 1969. С. 182.

исследователей¹¹³, «Поездка в Германию» не так известна. Несмотря на название, характерное для травелогов, книга представляет собой эпистолярный роман, где главным героем выступает не автор, а некто Дмитрий Мстилавцев, пишущий в Россию письма из служебной поездки. В романе Греч затронул такие темы, как сохранение своей культуры в чужом мире, терпимость, вопросы национальной и культурной идентичности. Снова автор опережает свое время, предлагая читателям в XIX веке задуматься над тем, что не потеряло своей актуальности и в XXI.

Заграничные путешествия Греча были связаны с его новой должностью в министерстве финансов, откуда он направлялся в командировки. Первая же поездка была запечатлена в книге «28 дней за границу, или Действительная поездка в Германию» (1835). Книга вышла в 1837 году с посвящением: «Друзьям, здешним и заморским», протянув мост месту «своим» и «чужим» и уже обозначив результат поездки: появившихся заморских друзей. Первая глава начинается с того, что Греч отдает дань техническому прогрессу человечества, признавая корабли величайшим достижением своего века: «они уничтожили дальние расстояния, сблизили чуждые друг другу народы, ослабили владычество бурь и волн морских»¹¹⁴. Автор безмерно воодушевлен поездкой, описывая, как его имя было упомянуто в газетах в связи с командированием его в Германию, что сказали знакомые, а также что он собирался делать. Несмотря на то, что поездка была связана со служебными делами, интересы Греча в книге выглядят следующим образом: «Поеду в Гамбург, попользуюсь тамошними купальнями, заверну в Берлин, порадую душу свою картиною живого

¹¹³ См. подробнее: Ильченко Н.М. «Черная женщина» Н.И. Греча: К проблеме цветовой символики // Русская речь. 2004. № 2. С. 6-12. Ильченко Н.М. Итальянский миф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Русско-зарубежные литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. С. 93-101.

¹¹⁴ Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1837. С. 1.

движения наук, искусств и литературы, повидаюсь с знакомыми, познакомлюсь с другими – и через месяц явлюсь... , освежившись, ... для моей утомительной работы»¹¹⁵.

Греч искренне воодушевлен предстоящим путешествием, он даже берется описать пароход, не в техническом, а в «жизненном отношении» для тех читателей, которые не имеют возможности каждый день выходить на Английскую набережную и наблюдать это чудо прогресса. Греч не забывает упомянуть, что он первый среди отечественных писателей решил поместить в путешествии такое описание. В первую очередь автора восхищает возможность быстро перенестись из одной точки в другую, за несколько дней сменить страну, континент. Пароход обладает почти мистическим свойством приближать города и уничтожать расстояния. Греч пишет: «Я был перенесен, как бы действием волшебного жезла, из нашего юного, светлого, великолепного Петербурга в средину старинной Ганзы, живой донныне своими нравами, обычаями и повериями»¹¹⁶. На обратном пути, когда корабль заходит в Петербург, ему подвластно не только расстояние, но и время: «Если б не часовые, тихо расхаживавшие пред будками, то можно б было подумать, что это новая Помпея, возникшая волшебною силою из-под тысячелетнего пепла»¹¹⁷. И вместе с тем эта сильная машина послушна человеку, который оказывается способен внезапно оказываться совершенно в другом месте. Как и последующие травелоги, «28 дней за границей» изобилует подробнейшими описаниями улиц, гостиниц, лиц, экипажей, мостов, заведений. Путешественник увлекает читателя за собой, развлекает его, перемежая исторические сведения и описания пейзажей рассказами о

¹¹⁵ Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1837. С. 2.

¹¹⁶ Там же, с. 22.

¹¹⁷ Там же, с. 255.

знакомых. «Позвольте мне повести вас», - читатель становится попутчиком и товарищем в путешествии.

В первом травелоге уже можно обнаружить то, что позднее со всей силой проявится в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции»: особый авторский стиль, выражающийся в смешении жанров и своеобразной эклектике повествования. От описания строительства моста Греч переходит к рассказам об утреннем происшествии в гостинице, далее сообщает историю о своем местном знакомом, который непременно любит Россию и обожает русский язык (иных добрых заграничных знакомых у Греча нет, или же крайне мало). Доброе расположение духа и предвкушение поездки, искренняя радость от путешествия сказались в том, что в целом книга написана в мажорном ладу: в ней нет горьких сожалений, скорбных раздумий и пронзительных строк, которые привнесут особую драматическую ноту в «Путевые письма».

Однако Франция осуждается уже в «28 днях». «Черни нет», - пишет Греч о Гамбурге. И далее делает сноску: «Под именем чернь (*canaille*) разумею я тех бездомных, праздношатающихся людей, которые составляют в Париже и в Лондоне население целых частей города; которые, встав поутру с соломенного ложа, не знают, чем проживут день, и потому готовы на всякое преступление для утоления голода и жажды. В этом смысле и у нас, в благословенной России, нет черни. Всякий человек, которого вы встретите в Москве и Петербурге, принадлежит к какому-нибудь признанному законом сословию, и отправляет какое-нибудь ремесло. Негодяи составляют у нас исключение, а во Франции они — *самодержавный народ*»¹¹⁸.

Объехав Германию, Греч спустя указанные 28 дней возвращается домой. Помимо самого путешествия в этом травелоге содержатся

¹¹⁸ Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1837. С. 70.

интереснейшие размышления автора об устройстве школ и гимназий (которые он как раз и не посетил в Германии из-за нехватки времени), о необходимости или отсутствии таковой изучать древние языки, о государственном устройстве и прочем.

В 1843 году вышли «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» с посвящением П.И. Рикорду¹¹⁹.

Последний изданный Гречем травелог - «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» - вышел в 1847 году в типографии Карла Крайя. В четвертый раз писатель отправляется в Европу и словно оправдывается перед читателями за «избитую дорогу европейских туристов»: «Предоставляя горы ливанские, пустыни африканские и плоскости новоголландские новым аргонавтам, ищущим златого руна за неприступными горами и далекими морями, довольствуюсь прогулкой по образованным, просвещенным, благоустроенным странам»¹²⁰. Однако как человек, занимающий пост на государственной службе, вряд ли он мог отправиться исследовать африканские или американские территории.

Еще более, чем предыдущие травелоги, «Парижские письма» наполнены детальными сведениями об устройстве городов, гостиниц, также путешественник подробно рассказывает о пожаре 1842 года. Впервые Греч упоминает, что в путешествие он отправляется с некой приятной компанией, в отличие от предыдущих поездок, где его периодически сопровождали временные попутчики, либо же автор совершал путешествие в одиночестве. В целом нужно отметить, что тон повествования в «Парижских письмах», пожалуй, самый сухой и беспристрастный. Из всех травелогов именно этот

¹¹⁹ Петр Иванович Рикорд (1776 — 1855) — российский путешественник, адмирал, государственный деятель. После т. н. «Инцидента Головнина» в 1811 — 1813 гг. Рикорд получил признание как искусный дипломат, когда смог мирно урегулировать конфликт, произошедший на Курильских островах и вызволить из плена В.М. Головнина, захваченного японцами. Записки Головнина о путешествиях также печатались в «Сыне Отечества».

¹²⁰ Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Голландии и Бельгии. СПб: Мартынов, 1847. С. 1.

более всего похож на справочник-путеводитель. Описаны в подробностях города: Амстердам, Лейден, Гаага и другие. Интересно, что Германия, где Греч бывал уже не раз, по сравнению с Голландией, кажется почти домом. Все в голландцах видится путешественнику чуждым и непонятным, он пишет, что не смог бы жить там. «Рыбья кровь» - так отзывается он о жителях этой страны. Греч рассказывает и о жизни в Голландии Петра Первого. Снова художественное время травелога намного больше фабульного, Греч описывает события, происходившие за несколько веков до его краткого визита в Голландию, рассказывает о том, как строились железные дороги, о том, что именно планировалось построить, в сносках указывает, что некоторые планы уже исполнились — автор встает над временем сверху, практически не признавая его одностороннего движения. Складывается ощущение, что и географического места он придерживается лишь для того, чтобы не запутать окончательно читателя, не способного, как он, к такому размаху. Даже описывая город, он стремится показать его во всех возможных физических измерениях. «Вскоре вышли мы на один из бульваров, окружающих город: это бульвар Антверпенский: он идет в гору; по правую сторону великолепные дома, по левую ров и за ним обширный, изящный ботанический сад с огромными оранжереями. Обращаюсь назад: предо мной расстилается покатость, над ней город, предместье, поле, далее антверпенская железная дорога... Прохожу далее: налево городские ворота Скарбекские, направо Королевская улица... Иду по ней»¹²¹.

Путешественник рассказывает о стремлении Бельгии отделиться от Голландии и связанных с этим трудностями, восторгается шедеврами в местных галереях и музеях, посещает друзей. Греч находит много общего между Италией и Бельгией: и в отношении памятников Средних веков, и в

¹²¹ Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Голландии и Бельгии. СПб: Мартынов, 1847. С. 165.

количестве великих музыкантов и художников, и в политической ситуации. Первая половина книги, повествующая о Голландии и Бельгии, отличается от второй и по стилю изложения, в котором преобладают исторические зарисовки, описания галерей и памятников искусства, и по синтаксису, где автор использует сложные, распространенные конструкции, почти не прибегая ни к вопросам, ни к восклицаниям. Вероятно, вышеупомянутая «рыбья кровь» сказалась и на манере письма. Лишь во второй части, оказавшись во Франции, Греч возвращается к своему обычному эмоциональному изложению, легко переходя от светских разговоров к полемике с читателем, от философских размышлений к описанию площадей и бульваров. Он снова увлекает читателя: «Послушайте», «вот увидите», «а потом решите» и т. д.

Париж, получивший в предыдущем травелоге («Путевые письма из Англии, Германии и Франции», 1839) столько гневных высказываний в свой адрес, на этот раз кажется Гречу изменившимся к лучшему. Устроены новые улицы, расширены старые, здания приведены в порядок. Кажется, что и народ французский стал спокойнее и благоразумнее, автор замечает, что на улицах стало меньше нищих.

Травелог снова обретает характерную для Греча интерактивную форму. Перед тем, как издать «Письма с дороги» единой книгой, он публиковал отдельные главы в журнале, ожидая и даже запрашивая реакцию читателей. Например: «Не знаю, интересуют ли моих читателей прогулки по Парижу. Может быть, и интересуют. Кто бывал в этой столице моды и вкуса, тот вспомнит былое, а кому не удалось видеть нынешнего Вавилона, тот, конечно, любопытствует узнать, что это за город.... Итак, в этом предположении, в нынешнем письме еще продолжаю начатое, а потом приостановлюсь, чтоб получить известие с берегов Невы — прекратить ли

это занятие или идти далее»¹²². Закончив произведение полностью, перед публикацией Греч писал предисловие и комментарии уже с учетом полученных читательских писем. Такое живое взаимодействие автора-путешественника и читателя отличает травелоги Греча от всех других: читатель не только пассивно участвует в путешествии, но и имеет некоторые возможности им управлять, сообщать автору о том, куда ему следует пойти и о чем написать, читатель становится непосредственным участником и действующим лицом.

Интересно в этом последнем травелоге Греча также то, что предпринимая поездку в давно известные места и даже оправдываясь за это перед читателями, Греч рассказывает не о «другом», а о жизни в «другом». Он описывает, что изменилось с последнего визита, какие вышли книги, что происходит на театральной сцене, рассказывает о новостях, не только местных, но и из дальних уголков света. Узнавание и принятие «другого», которое происходило в предыдущих травелогах, завершилось, Франция не поражает путешественника новизной и нравами.

Греч иронизирует над собой и подобными ему сочинителями путешествий: «Вы, домоседы, не знаете, какое это удовольствие, после нескольких дней переезда в тесных дилижансах, после отдыха в постоянных дворах, не всегда отлично опрятных — очутиться в тихой, чистой, уютной комнатке, отдохнуть на мягкой софе; потом устроить себе столик, отомкнуть шкатулку, вынуть бумаги, и начать беседу с отсутствующими: «Любезные друзья! 21 сентября благополучно прибыл я в Вену!»¹²³. Мы видим автора-путешественника, находящегося в заветной чистой комнате с пером в руке, и автора, рефлексирующего над самим собой и своей страстью не только к

¹²² Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Голландии и Бельгии. СПб: Мартынов, 1847. С. 390.

¹²³ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 3. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. С. 114.

путешествиям, но и к описаниям этих путешествий. Условный адресат его «Путевых писем» - особая степень близости к читателю, особый доверительный тон, возникающий только между двумя хорошо знакомыми людьми.

«Путевые письма из Англии, Германии и Франции» представляют собой очень необычное построение, выделяющееся из ряда других травелогов. Состоящие из трех частей, «Письма» являются довольно объемным произведением, однако они не содержат лишних деталей и избыточных описаний, как некоторые подробные дневниковые записи, как, например, издававшееся в «Сыне Отечества» «Путешествие» капитана Головина. Соединение объективного и субъективного, многоголосие повествования при одном единственном авторе-рассказчике, яркая обрисовка национальных характеров делают травелог уникальным образцом жанра.

2.2. Реализация оппозиции «свое»/«чужое» в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча

Греч много путешествовал, что во многом связано было с его работой. На момент поездки 1837 года он был членом общего присутствия Департамента мануфактур и внутренней торговли под начальством Е.Ф. Канкрин. Всего им было совершено шесть заграничных путешествий, нашедших отражение в его книгах и представивших читателю обширный материал для знакомства с заграничной жизнью.

«Письма из Англии, Германии и Франции» явились результатом поездки Греча за границу в 1837 году, вышли единой книгой в 1839 году с посвящением Е.Ф. Канкрину на титульном листе. До этого путевые письма печатались частями в «Северной пчеле». С одной стороны, у Греча была официальная миссия – изучить сведения о технических и ремесленных школах, оценить заграничный опыт на возможность адаптации для России. С этой точки зрения поездка носила ознакомительный характер. Такое

поручение сближает «Письма» со статейными списками, которые представляли собой вполне официальный отчет о дипломатической поездке. Другой причиной, побудившей Греча отправиться в дорогу, послужили личные обстоятельства. Как пишет Ф.В. Булгарин в очерке «К портрету Греча», «Младшего сына, Николая, юноши с большими способностями, Греч лишился в январе 1837 года. Грусть заставила его бежать за границу, чтобы хотя на время удалиться из тех мест, которые припоминали ему о потере милого детища»¹²⁴. Сам Греч о мотивах своих говорит так: «Путешествие мое было не ученое, не литературное: я ездил для отдохновения и развлечения, между тем занимался и положительным делом»¹²⁵. Греч, таким образом, совмещает деловую поездку и путешествие в личных целях. Последнее – путешествие для развлечения – сближает его как путешественника с путешественником Карамзина.

Синтетическая природа жанра травелога особенно ярко проявилась в «Путевых письмах», где Греч воспользовался спецификой жанра в полной мере, поместив в одном произведении и строки, напоминающие автобиографический очерк, и сентиментальные зарисовки, и размышления об исторических событиях. Хронотоп произведения не ограничивается маршрутом путешественника, читатель следует за путешественником не только по городам, но и по эпохам. Греч совместил травелог, который мог бы написать исследователь, путешественник, а также травелог, наследующий сентиментальную традицию Карамзина.

В предисловии Греч говорит о своем преимуществе перед другими писателями, так как те ожидают мнения публики в будущем, а он уже

¹²⁴ Булгарин Ф.В. К портрету Греча. СПб: Тип. Н. Греча, 1838. С. 30.

¹²⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. III.

слышал «толки о взглядах и суждениях» своих¹²⁶. Таким образом, «Письма» - именно взгляды и суждения, он оценивает, он просвещает и поясняет. Объяснив свое путешествие для читателя личными мотивами, в первую очередь, личность автора выходит на передний план. Греч периодически переходит со скупого языка статистики на эмоциональное повествование, рассказывая о самом волнующем. Ему сложно оставаться объективным. «Я так вижу, не верите – поезжайте сами»¹²⁷, - упрямо повторяет он.

«Письма» состоят из трех частей. Первая часть открывается описанием поездки на корабле, попутчиков, развлечений. Он объезжает немецкие города – Любек, Гамбург, посещает училища, воскресные школы, присутствует на экзамене. Не забывает рассказать о местных гостиницах, театрах, и, конечно же, жителях.

Греч сразу дает понять, что он – опытный путешественник: «Итак я опять в Германии»¹²⁸. На первых же страницах он представляется человеком серьезным, бесстрашным и принадлежащим к избранному кругу. Путешественник Греча уже не только чувствует себя равным европейцу, как Карамзин, но уже внутренне превосходит его. Он подробно и с удовольствием рассказывает о погоде, сроке прихода почты на корабль. Его отчеты и сведения, им сообщаемые, всегда обстоятельны и подробны. Однако если речь не идет о составлении отчета для правительства (количество учеников в школах, устройство мостов и т.п.), язык Греча становится очень эмоциональным. Он прибегает к эпитетам, хлесткой иронии. Среди пассажиров он видит «белую французскую мышь с красными глазами», англичанина – «жевательную и пищеварительную машину». Греч настаивает на своем праве быть искренним: «Воображение мое очень

¹²⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. IV.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 6.

упрямо: оно никак не хочет ни украсить, ни увеличить видимых мною предметов, когда они не занимают ума, трогают моего сердца. По сей причине должен я опасаться, что вы найдете замечания мои слишком сухими в сравнении с описаниями других путешественников: у меня нет того волшебного стогранного стеклышка, сквозь которое эти добрые люди видят чудеса там, где мне представляются только самые обыкновенные вещи... Я должен... говорить о себе, представлять предметы такими, какими они мне кажутся...»¹²⁹.

«Программное возвышение субъекта в качестве структурирующего принципа»¹³⁰, присущее Карамзину, можно в некоторой степени наблюдать и у Греча. Он упоминает все, что его так или иначе затрагивает. Стоимость ночевки в гостинице, неудобство местного распорядка дня, прекрасный или посредственный обед в трактире, попутчики - все, что может повлиять на его физический или душевный комфорт, обеспокоить или обрадовать. Однако, огромное место в его «Путевых письмах» занимают и сведения справочного характера. Почти вся третья часть представляет собой сухое перечисление подробных сведений – Обзорение технических учебных заведений Франции и Германии (с позволения начальства, Греч присовокупил к книге и свой деловой практический отчет).

Его «Письма» насыщены историческими отступлениями – сценами из прошедшей жизни страны. В Германии, а особенно далее в Англии, он охотно и много говорит об истории, не забывая, однако, узнать и современное устройство города. Англия восхищает Греча практичностью, деловой хваткой, благоразумием. Англичане набожны, чтят власть и порядок,

¹²⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 8.

¹³⁰ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840. СПб: Академический проект, 2012. С. 62.

чем вызывают искреннее уважение автора. Немцы представляются идиллическим народом, Германия у Греча прекрасна, но немного скучна.

Поездка во Францию открывает вторую часть «Путевых писем». В самом начале своего путешествия по Франции автор в числе прочих попутчиков встречает немолодого господина. Речь заходит о строительстве Версаля и о суммах, потраченных на него, о монархии и французских императорах. Этот персонаж своими речами словно задает тон всей поездке и дальнейшему повествованию о Франции. Страна, когда-то прекрасная и величественная, предстает разоренной. Вполне возможно, что Греч, будучи сторонником монархии, привлекает такого персонажа, чтобы высказать свою точку зрения. Неслучайно этот резонер немолод, в конце беседы он устало отходит от остальной компании, тихо с ними прощаясь. Он – воплощение былой Франции, полной достоинства и тихого величия. Современная Франция – совсем другая. Глядя на народные забавы, путешественник восклицает: «Все лезет в гору; все хочет денег, славы, власти. А никто из них, с завязанными глазами (у кого же нет какой-нибудь на глазах повязки?) не найдет прямой дороги и на десяти шагах»¹³¹. Версаль, как символ французской монархии, превращен в музей. И от былой Франции также остались лишь воспоминания.

В целом говоря о нравах, царящих в современной ему Франции, Греч высказывается о французах с сожалением. Они, словно «в лихорадке», единственной ценностью считают деньги, разочаровавшись в других ценностях и идеалах. Виной всему – потрясшие Францию события недавних лет, революции, войны.

Уехав из Франции, Греч снова направляется в Германию – Берлин, Карлсруэ, Баден, Франкфурт на Майне. О Германии он отзывается

¹³¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 35-36.

положительно. Германия – это свобода под покровительством законов, в отличие от Франции, где всегда есть риск оказаться оклеветанным, где нет уверенности в том, какой порядок будет на следующий день.

Политические взгляды самого Греча в течение жизни претерпевали определенные изменения, связанные, в том числе, и с неудачей декабристского восстания. В путешествие 1837 года Греч отправился как убежденный монархист, сторонник порядка и уважения власти. Отношения России и Франции к тому моменту прошли периоды сближения и яростной вражды. Не так давно, в 1830 году, во Франции произошла Июльская революция. Свержение законного наследника, вынужденное подписание новым монархом указа, серьезно ограничившего королевскую власть, российскими властями было воспринято с неодобрением¹³².

Организация пространства путешествия и времени, проведенного в дороге, становится доминантным для травелога. Начало и конец путешествия определяют рамки повествования. С одной стороны, читатель, зная маршрут путешествия (обозначенного, например, в названии произведения), имеет собственные ожидания и предположения о том, что будет происходить с героем-путешественником. С другой стороны, внезапное отклонение от маршрута или даже полная его смена позволяют автору обмануть ожидания, удивить читателя. Хронотоп, являясь пространственно-временной характеристикой, играет важную роль в литературном произведении. Сам термин «хронотоп» был предложен М.М. Бахтиным для анализа художественных произведений. Ученый считает, что именно «хронотоп

¹³² События во Франции глубоко взволновали Греча. Н.М. Ильченко и Е.В. Киселева (Ильченко Н.М., Киселева Е.В. Роль эпиграфа к роману Н. И. Греча "Черная женщина" // Вестник ВятГУ. 2017. №11. С. 140-144) указывают на особую роль эпиграфа, выбранного Гречем к роману «Черная женщина» (1831). В качестве эпиграфа Греч выбирает строки Н.М. Карамзина «Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости» (1794), написанное под впечатлением от потрясений, которые произошли во Франции. В мемуарах Греча Французская революция получает также отрицательную оценку, она названа «гидрой», «заразой» (Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Издатель Захаров, 2002. 463 с.)

определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности»¹³³.

Пространство в травелоге подчинено, прежде всего, разделению на «свое» пространство и «чужое» пространство. «Своя» территория заканчивается в момент отъезда из родной страны. Водное путешествие создает дополнительные границы, раздвигая эти территории еще больше. «Свое» отделено от «чужого» не только территориально, но и временем, потраченным на пересечение океана. И пространство, и время вместе создают границу, помогающую провести четкую линию между своим и чужим.

Сам Греч называет свою поездку «кратковременной»: «На кратковременной моей поездке по чужим краям, в прошедшем 1837 году, писал я беглые замечания о посещаемых мной местах...»¹³⁴. Главы пронумерованы и подписаны местом, в котором останавливался Греч. Таким образом, хронотоп диктует организацию всего произведения, как это было и с первой версией книги, когда «Путевые письма» выходили в «Сыне Отечества» частями по мере их написания. Совершив полный оборот, опубликовав все главы, Греч снова вступает на этот путь: теперь «Путевые письма» должны выйти отдельным тиражом полноценной книгой. И снова вмещивается хронотоп: книга состоит из трех томов, которые легко соотнести с тремя же посещенными странами, указанными в названии. Название книги задает маршрут, определяя топос путешествия, однако Греч-путешественник не следует плану Греча-автора. Во Францию он едет после Англии, что ставит ее на второе место, однако в заглавии она указана последней. Возможно, связано это с личным отношением Греча к Франции

¹³³ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Сб. М.: Худ. лит., 1975. С. 234-407.

¹³⁴ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 2.

тех лет и к событиям, происходящим в ней. Об этом он много пишет в предисловии к полному изданию, заранее предупреждая читателей о своей критической позиции: «Преимущественно, сколько мне известно, обвиняли меня в строгости и колкости моих суждений о Франции и французах. Но бывали ли мои судьи во Франции? Были ли они там в последние семь лет? Я отнюдь никого не бранил и не смел бранить, а писал, что чувствовал и мыслил»¹³⁵. Разумеется, это всего лишь место в названии, небольшое отступление от реального маршрута, однако интересно, как сдвиг топоса был обусловлен личным, субъективным взглядом путешественника, «другой» приобрел иные очертания только потому, что так видит его автор.

Две характеристики — «где» и «когда» — создают рамку для событий, характеров, героев, их поступков, мыслей, их развития. Место и время не только обрамляют основное действие, но и способны подчинить его себе. Травелог — как раз тот жанр, в котором вопросы «где» и «когда» обуславливают все повествование, задавая авторскому рассказу свой ритм. Те самые «ворота хронотопов», о которых говорил М.М. Бахтин, оказываются воротами, открывающими жанр травелога в целом. Здесь и сейчас путешествует автор, и на основании этого путешествия возникает рефлексия, противопоставление здесь-там, сейчас-тогда, свой-чужой. Такое противопоставление особенно важно для травелога, в котором встреча с «другим», диалог с ним, являются основной и важнейшей чертой. Помимо того, что травелог — это история о путешествии, это и история о знакомстве, встрече, рефлексии, принятии или непринятии «другого».

Специфика хронотопа в травелоге рассматривалась, в частности, Е. Милюгиной и М. Строгановым в статье «Путешествия по российским рекам»

¹³⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург, 1839. Ч 1. С. IV – V.

¹³⁶. Авторы обращаются к теме природы как обуславливающего элемента травелога, обращают внимание на каузальность стихии, силу природных ресурсов, влияющих на путешествие и путешественника. В статье приводится деление травелогов на водные и сухопутные, что связано с различными природными условиями, разными локациями. Путешествие по воде авторы называют более естественным для человека, вода оказывается естественным пространством для передвижения и путешествия, сама по себе предлагая необозримые просторы для выбора маршрута.

Греч первый участок своего пути, который знаменует начало его большого путешествия, совершает именно по воде. Далее прохождение через пространство осуществляется на всех доступных видах транспорта: дилижансы, кареты, омнибусы, паромы.

Уже начало путешествия связано с изменением пространства. Греч пишет о том, что все водное пространство накануне его отплытия из Кронштадта было покрыто льдом. «Но вдруг ... поднялся жестокий ветер, взволновал воды залива и сокрушил ледяную кору»¹³⁷.

Справедливо ожидать, что пространство «свое» и пространство «чужое» противопоставляются. Действительно, сменив Петербург на Травемюнде, Греч наблюдает совершенно другую картину: «Прощаясь с моим петербургским садиком, я любовался полураспустившимися листьями и цветочными почками... Каково же было удивление мое и всех моих спутников, когда, подъехав к Травемюнде, мы увидели деревья без листьев, травку тощую — как у нас недели за две пред сим!»¹³⁸.

Переход из одного пространства в другое имеет четкие границы, и дело здесь не только в смене различных видов транспорта, которые требуются

¹³⁶ Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Путешествия по российским рекам: травелог нового времени // *Quaestio Rossica*. 2015. №2. С. 106–116 с.

¹³⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 2

¹³⁸ Там же, с. 11.

путешественнику на покрытие таких больших расстояний. Пересечение немецкого и английского пространств отмечено не только вхождением в лодку, которая доставит его на судно «Графиня Лансдаль», но и переходом Греча на английский язык, нехарактерным для него коротким восклицанием «Yes!» при ответе на вопрос моряка, туда ли он направляется.

Пространство Лондона Греч называет «неорганической громадой разнородных тел», это пространство и живое, и неживое одновременно. С одной стороны, оно явно одушевлено: состоит из «разнородных тел», город «разлился и поглотил многие окрестные местечки, занял обширные пустыри, и превратил их в прекрасные кварталы»¹³⁹. «Движущаяся масса», «живая таблица умножения» - это все об Англии. Новая форма жизни — словно полуорганическая, состоящая одновременно из людей, дилижансов, улиц, грязных домов, шумных контор и фабрик.

Элегические вставки и лирические размышления предваряются в «Письмах» описаниями природы. Вообще деление на «живое» - «неживое» почти столь же ясно ощущается, как и деление на «свое»/«чужое». Первое, что отличает пространство свое, родное, петербургское, от пространства чужого, немецкого — отсутствие растительности на деревьях. Уехав из России, где деревья уже покрылись почками и листьями за две недели до того, Греч застаёт серую и безжизненную Германию. Однако вывод о том, что жизнь и процветание связаны для путешественника с родным краем, был бы слишком поспешен. Далее Греч пишет, что, напротив, ранее приезжая в Германию, он с удовольствием мог наблюдать цветение и пробуждение природы. Отличие севера сурового от севера умеренного наблюдал Греч в прежние свои визиты. Во время путешествия 1838 года на Германию обрушился невиданный снегопад, погрузив страну и близлежащие земли в

¹³⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 14.

уныние. В таком же состоянии находится и сам путешественник, что вполне объяснимо. Потеряв сына, автор пытался занять себя поездкой, обрести некое успокоение в путешествии, выполняя поручение министерства, однако нашел он землю такую же пустую, как и его душа.

В Лондоне противостояние человека и природы — прогрессивного и естественного — становится очень заметным. Мало того, что Лондон все время разрастается, захватывая территории, настраивая множество мостов, организуя искусственные дамбы, внутри города фабрики покрывают все черным смогом. Улицы черны от копоти, отсюда обычай лондонцев покидать город на зимний период, season в Лондоне — это лето. Фабрики — детища прогресса — покрывают город черным слоем пыли и грязи. Черными же оказываются улицы, дома, статуи: «И плита, и кирпич, и мрамор облекаются в грязную оболочку, на которой дождь производит белые пятна»¹⁴⁰. Однако природа сильнее человека, дождь смывает смог.

То, что Англия во времена Греча была передовой прогрессивной страной, не мешает ему воспринимать англичан варварами, так как варварами их делает то, что они не принадлежат к культуре самого автора. «Если б я располагался прожить в Лондоне месяца два, то поселился бы посреди самых диких англичан, чтоб выучиться свободно говорить с ними. Теперь же мне не до филологии»¹⁴¹. Назвать англичан дикими — довольно смело, однако для Греча они именно такие, не свои, чужие, дикие, не знающие русского языка, Петербурга, русской души.

Что касается времени, то основные перемещения в нем связаны с историческими отступлениями, которыми пронизан текст «Писем». Травелог предполагает некоторую мультижанровость, наличие в нем элементов совершенно разного рода. Часто взгляд автора обращен в прошлое страны,

¹⁴⁰ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 39.

¹⁴¹ Там же, с. 38.

как в случае с посещением Версаля. Современная Франция довольно размыта и блекнет перед ярким образом Франции ушедшей.

Время представляется в «Путевых письмах» особым измерением. Одна из причин постоянных отсылок Греча к прошлому — его личные семейные обстоятельства. «Я оживаю в прошедшем: вижу его пред собой, беседую с ним, радуюсь его бытием, восхищаюсь мыслью, что существует такой человек...»¹⁴².

В Лондоне время словно идет быстрее, и даже автор подхватывает такой четкий ритм, не свойственный его натуре, склонной то загораться, то погружаться в размышления. Образ машины сопровождает описание Англии и особенно Лондона. Сам путешественник также говорит горячее, спорит резче, действует быстрее. Пространство Лондона ширится и растет. Город поглощает прилегающие к нему территории, само пространство словно также находится в движении. Несмотря на раздвигающиеся размеры самого города, пространство внутри него поделено на небольшие участки. Греч описывает город как хорошо организованный, опрятный, чистый.

Переход из одного пространства в другое отмечен четкими границами, и дело здесь не только в смене различных видов транспорта, которые требуются путешественнику на покрытие таких больших расстояний. Любующийся окрестностями и живописными видами, автор ощущает резкую перемену, резкий переход из одного топоса в другой.

Организация пространства и времени, затраченного на узнавание этого пространства, обуславливает форму травелога. Задача путешественника — открыть «чужое», перейти из одного пространства в другое. Хронотоп имеет доминантное звучание в симфоническом жанре травелога. Ему принадлежит

¹⁴² Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 13.

ведущая партия, солирующая мелодия, вокруг которой выстраиваются все остальные составляющие.

Временные рамки самого путешествия довольно четкие: это всего лишь несколько месяцев в 1838 году. Однако внутри травелога время гораздо шире. Отталкиваясь от одного события или воспоминания, Греч плавно переходит к другому. В Англии он, рассуждая о книгах и писательской участи, вспоминает об одном случае, произошедшем с ним «недавно», «однажды утром». В тот момент он читал книгу об организации одной выставки, что уносит его во времени еще дальше, в 1831 год. На выставке демонстрировалась картина из жизни восточного гарема, и Греч, описывая сюжет картины, делает следующий прыжок, все больше усложняя временные рамки повествования.

Несмотря на то, что передвижение Греча выглядит довольно последовательным и логичным, взаимосвязь места и времени для каждой из посещаемых стран будет разной. Он сам выбирает, какую Францию показать читателю; Англию какой эпохи изобразить на страницах. Повествование имеет свой ритм, писатель довольно много страниц уделяет и гостиницам, и кухне, и особенно визитам к друзьям и знакомым, однако можно с уверенностью сказать, что время Франции — это время ушедшей эпохи, былого величия и торжества монархии. Все события оцениваются путешественником именно с этой точки зрения. Время Англии — настоящее и будущее. И даже экскурсии в прошлое и рассказы об истории важнейших зданий не могут сместить акцент с быстрого технологического роста этой страны. Германия существует сразу как Германия молодости писателя, которую он посещал, будучи юным. Одновременно мы видим Германию настоящую, реальную. Воспоминания Греча, связанные скорее с ностальгией по молодым годам, ничуть не мешают ему с удовольствием принимать Германию 1838 года.

Можно выделить три пространственно-культурных слоя повествования: хронотоп путешественника (событийный), хронотоп лирический и хронотоп исторический. Если первый отмечен бытовыми деталями, перемещениями Греча из страны в страну, из гостиницы в гостиницу, из одного общества в другое, то второй — это его жизнь в Петербурге, куда он неизменно возвращается мыслями. Это и тоска по ушедшему сыну, тоска по Родине, тоска по «своему», русскому, что отмечено почти на каждой странице произведения.

Специфика хронотопа в «Письмах» связана с особенностями самого жанра. Травелог по своей природе является полифоническим образованием и содержит в себе разнообразные элементы, такие как бытовые сюжеты, описания природы, романические вставки, новеллы, элегические зарисовки, лирические отступления. Хронотоп в травелоге также очень сложен и разнообразен. И время, и пространство — своего рода способы представления авторской позиции, его оформление того культурного диалога, который возникает в результате путешествия и встречи с «другим». Жанр путешествия позволил Гречу расширить географические границы мира. Он, как и прежде, будучи педагогом, обучал читателя, даже поучал его. «Путевые письма» вобрали в себя многие настроения первой трети XIX века, отразив противоречия эпохи, политические убеждения автора. В то же время Греч продолжил традиции, заложенные авторами путешествий предыдущих эпох. Так, порой сухой, казенный стиль придает его «Путевым письмам» сходство с официальными отчетами, известными еще с XVI века. Греч скрупулезно подсчитывает и выписывает, и тут же впадает в сентиментальное настроение. Утомленный долгим днем, он входит во франкфуртскую гостиницу. «И тут долго не мог я заснуть: прошедшее... представлялось моему воображению. Милые тени почивших носились предо

мною и с горестной улыбкой манили меня к себе... Буду, буду!...»¹⁴³. В путешествии он и служащий с официальным поручением, и частное лицо. Греч часто упоминает имена своих друзей и знакомых, у которых он бывал, обедал, жил, среди них множество известных имен, влиятельных чиновников. Не забывает он между делом и неоднократно упоминать свой роман «Черная женщина», на страницах «Писем» находим многочисленные отсылки к нему. Книга либо обнаруживается в доме, куда приходит Греч, либо об этом романе заходит разговор со знакомыми и незнакомыми, либо Греч вспоминает некий эпизод, связанный с «Черной женщиной». Автор утверждает себя как писателя, не как чиновника, хотя отправился в путь он именно по делам служебным.

Многогранная натура писателя отразилась и на характере произведения. «Путевые письма» представляют интересное явление: произведение одновременно служит и служебным отчетом (третья часть), и своего рода путеводителем по странам с подробной информацией о стоимости проезда и вариантах ночлега в городах, и сборником кратких исторических очерков, и лирическими зарисовками, наполненными в основном тоской по родным местам и близким людям. Таким образом, «Путевые письма», являясь единым целым, совмещают в себе черты сентиментального травелога, исследовательских записок, а также просветительской литературы.

Его «Письма» насыщены историческими отступлениями – сценами из прошедшей жизни страны. Путешествуя по Англии, он охотно и много говорит об истории, не забывая, однако, узнать и современное устройство Лондона. Англия восхищает Греча практичностью, деловой хваткой,

¹⁴³

Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 207.

благоразумием. Англичане набожны, чтят власть и порядок, чем вызывают искреннее уважение автора.

В Германии пасторальный дух влияет на него поначалу, Греч восторгается мирными, словно нарочито благополучными сценами. Однако позже он начинает тосковать по родной стране все больше. Поездка близится к концу, путешественник все менее склонен принимать чужую культуру и отдаваться ей.

Россия оказывается ему ближе всего, даже встреченные им персонажи-иностранцы, владеющие русским языком, всегда наделены положительными качествами: они любезны, благодарны России за что-либо (помощь, приятно проведенное время и т.д.). Они оказываются благородными и воспитанными людьми. Так родные Гречу элементы проникают в чужую среду, иностранцы уже не совсем иностранцы. Сам путешественник тоже испытывает на себе влияние новой среды, он не противится ей. Греч с удовольствием «пробует» новую страну, уклад жизни. Во всем он старается следовать местным традициям – распорядок дня, выбор блюд, ритм дня. Открываясь другой культуре, пользуясь другим языком, он словно примеряет жизнь каждой страны. Он пытается понять национальную специфику взглядов в каждой стране, постичь национальную картину мира, что и составляет задачу, поставленную перед автором травелога.

Н.В. Константинова в статье «Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского)» рассматривает феномен авторства в травелоге, указывая на своеобразное раздвоение авторской фигуры на повествователя и путешественника¹⁴⁴. В «Письмах» нет каких-либо оснований разделять фигуру Греча-путешественника и Греча-автора. И в жизни, и в «Письмах»

¹⁴⁴ Константинова Н. В. Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 79-88.

мы наблюдаем человека солидного, литератора, чиновника, имеющего значительный круг знакомых в России и Европе. Многочисленные подробности собственной биографии автора можно найти на страницах «Писем». Одна из них – причина, в числе прочих побудившая Греча отправиться в поездку.

Однако можно предположить, что Греч-автор заметок, «беглых замечаний», как выражается он сам, выходявших «по горячим следам» в «Сыне Отечества», и Греч-автор «Путевых писем» как полноценного произведения, отличаются степенью рефлексии. Поездка состоялась в 1837 году, книга напечатана Гречем в 1839. В предисловии к «Письмам» Греч вступает в диалог с читателем, уже имевшим мнение о его заметках, вышедших ранее. В частности, отвечает на критику его излишне резких высказываний о Франции. Греч не смягчает своих слов, более того, он ссылается на слышанное им от других путешественников, приводит книгу, автор которой с ним солидарен, и, в качестве последнего аргумента, советует критикам отправиться туда самим. Греч отстаивает право на собственный субъективный взгляд: *«Я так думаю; мне так казалось – вот чем оправдываюсь я во всех обвинениях»*¹⁴⁵.

Описание поездки у Греча очень объемное, повествование вовлекает читателя в вихрь разнообразных ощущений. «Как видел своими глазами» - Греч не просто пересказывает, где он был, что он делал, с кем говорил. «Путевые письма», написанные в первой трети XIX века, звучат свежо и остро, так как автор словно погружает читателя в тот мир, который посетил он сам. Звуки, картины, цвета, запахи играют значительную роль в создании образа Англии, Германии, Франции.

¹⁴⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч.1. С.VIII.

Первая же глава его путешествия начинается следующими словами: «Итак, я опять в Германии; опять слышу стук огромных фур по мостовой; слышу хлопанье бичем; слышу беспрестанное *jawohl* трактирных служителей; опять вижу добрых немцев, с их простодушными, честными физиономиями, с трубкою или сигаркой во рту; миловидных немок в разнородных костюмах, со взглядом, выражающим доверчивость и кротость нрава, с корзинкой на руке...»¹⁴⁶. Слышу, вижу, чувствую – основными источниками информации о странах служат его собственные ощущения.

Повествование перемежается, словно балансируется, главами историческими. Греч приводит подробные, длинные, занимающие несколько глав, свидетельства других путешественников и авторов. В эти моменты тон «Писем» существенно меняется, так как растворяется фигура автора, вместо него мы видим монотонное пересказывание событий. Даже графически такие главы выглядят совсем по-другому. Характерные для живого и эмоционального языка Греча восклицательные знаки, многоточия, вопросы исчезают, сменившись однообразными параграфами.

Это некое «соавторство» Греча с другими писателями. Рассказы о минувших делах он передает в уста других, сам же охотно делится настоящим, ярко ощущает его, чувствует, оценивает. Уникальное многоголосие, характерное для травелога Греча, выделяет его из ряда прочих травелогов первой трети XIX века, где к читателю обращен, как правило, лишь голос автора. Этот голос может быть монотонным, если «другой» не увлек его в коммуникацию, и страна описана в таком случае как перечень определенных характеристик: погода, блюда, условия в гостиницах. Порой голос автора, оставаясь все таким же монотонным в описании «другого», обращен не к читателю в широком смысле, а к своему непосредственному

¹⁴⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч.1. С. 1.

адресату, и это вполне объяснимо тем, что путевые письма такого рода и не создавались для печати.

Полифонический рассказ в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» отличает этот травелог от других и, на наш взгляд, придает ему особую литературную ценность.

Несмотря на то, что в путешествие автор отправляется один, непосредственно в одиночестве он остается довольно редко. Как правило, Греч путешествует в компании, к числу его попутчиков и компаньонов относятся как случайные лица, так и близкие друзья, свидания с которыми были запланированы заранее. Например, в Англии его спутником был венгерский граф Угарте, такой же иностранец, как и сам Греч. Затем Вудборн, англичанин, английский актер Аллан с семьей, князь Поццо ди Борго. Во Франции его сопровождает госпожа Конрад с сыном Альфредом, актер Ваттемар и другие. О них Греч упоминает очень кратко, почти нет описания их разговоров, образы этих знакомых неярко. Напоминают о сопровождающих приятелях лишь местоимения «мы»: мы выехали, мы прибыли, мы увидели.

Путешественник довольно чувствителен к компании, сопровождающей его. Он оценивает тех, с кем ему приходится делить отрезок пути, определяет их социальное положение, степень благополучия. Греч всегда, с первого взгляда, немедленно определяет классовую принадлежность своих спутников. Он точно указывает, слуги ли это, чиновники, титулованные особы:

«... я осмотрелся в карете. Нас было пятеро: остальные места занимал человек средних лет, как казалось очень порядочный, и две служанки, самого безобразного разбора»¹⁴⁷; «Дорога была скучная. Спутниками были сельские

¹⁴⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 158.

хозяева и торгаши, ехавшие в Шалон, на шерстяную ярмарку»¹⁴⁸; «Наша повозка была набита людьми всякого звания, возраста и пола. Беседа разделилась по образованию людей. Простые женщины толковали между собой, как и у нас бывает, о неугомонных своих соседках, о сварливых мужьях, о дороговизне, о напраслине. Мужчины того же класса рассуждали об игре, о трактирных приключениях и т.п.; молодые люди вглядывались в черные глаза молодых спутниц, а эти старались продать товар лицом. Несколько человек, выше четырнадцатого класса, составили особый кружок»¹⁴⁹. В лондонском омнибусе путешественник знакомится с англичанином: «Разглядывая своих спутников, я увидел человека средних лет, приятной наружности, хорошо одетого: он разговаривал с проезжими женщинами неважного сословия очень ласково и предупредительно; помогал им выходить из кареты и т.п.»¹⁵⁰. Греч упоминает, что в тот день на нем была владимирская ленточка. Англичанин вступает с ним в разговор, Греч отвечает на его вопросы «сверх ожидания» подробно, даже дает ему карточку с лондонским адресом. Англичанин также протягивает ему свою карточку, карандашом прибавив к имени М.Р. — «член Парламента». Таким образом, он тоже демонстрирует свой высокий статус. Этот человек впоследствии окажется приятным знакомым путешественника, поможет ему увидеть «Нижнюю Палату»¹⁵¹.

Начинается путешествие с отправления парохода «Наследник» из Петербурга. Греч упоминает о том, что на пароходах «общество бывает обыкновенно отборное»¹⁵² вследствие высокой стоимости билета в первом

¹⁴⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 172.

¹⁴⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 3.

¹⁵⁰ Там же, с. 52.

¹⁵¹ Современное наименование — Палата Общин.

¹⁵² Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 3.

классе. И действительно, он перечисляет титулы и звания пассажиров, среди которых генерал, камергер, флигель-адъютант, князья, графы. Упоминается и некая пожилая русская дама, необыкновенно любезная, приветливая, кроткого нрава, премилые дети. Есть и иностранные пассажиры: «Для противоположности с образованностью, вежливостью и любезностью, поселился на пароходе и один англичанин, жевальная и пищеварительная машина. Еще были два английские фельдъегеря,... совершенная противоположность нашим фельдъегерям военным, летучим, проворным, расторопным, неутомным – степенные, серьезные, неспешные, но впрочем люди с образованием, учтивые, знакомые с разными языками»¹⁵³.

Пассажиры «Графини Лансдаль» - судна, доставившего Греча в Англию – не были такими приятными, представлены они были иностранцами: «мекленбургские помещики, английские купцы, немецкие жида, да две английские миски, Yes and No»¹⁵⁴.

Уникальность «Путевых писем» Греча состоит еще и в том, что в повествование вводятся персонажи, а их история и характер не ограничены рамками поездки автора. Это сближает «Путевые письма» с романом, появляется сюжетность.

Возникновение тех или иных иностранных персонажей в качестве попутчиков Греча неслучайно – почти все они служат иллюстрацией автора образов «хороших» или «плохих» иностранцев в «Письмах». К безусловно «хорошим» относятся все, кто знаком с культурой России, знает или хочет узнать русский язык, жил или работал в России. Это уже не совсем иностранец, не «чужой», это человек, культурно близкий автору вследствие своего отношения к родной культуре Греча. К таким попутчикам относится и барон Л., встреченный Гречем на пароходе «Наследник». Барон, проработав

¹⁵³ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 5.

¹⁵⁴ Там же, с. 32.

в России четыре года, прекрасно говорит по-русски, переводит на немецкий А.С. Пушкина, А.В. Кольцова. Даже дети барона плясали «по-русски».

Вильям Вудборн – английский приятель Греча, с которым автор познакомился за три года до своей поездки – знаток живописи, занимался поиском и скупкой предметов искусства. Он тоже не совсем чужой автору, так как уже заслужил его доверие и доброе расположение. В Петербурге это был человек скромный, остроумный, и в Лондоне он тоже оказывается для Греча весьма приятным компаньоном, хлебосольным хозяином и «путеводителем». Вудборн – быстрый, горячий, гостеприимный. В обществе его и его семьи Греч наслаждается Лондоном. «Добрый Вудборн», - называет его Греч, - «мой англичанин, исправный и аккуратный, как секундная стрелка».

Погостив недолго у своего приятеля, Греч едет дальше. В омнибусе его попутчиками становятся два англичанина и один немец, о национальности которого Греч догадывается по его произношению. Перейдя на немецкий, они вдвоем обсуждают двух молодых людей, приходят к выводу, что те являются денди – «они жмутся, кривляются, молчат». Русский и немец увлеченно начинают говорить о новейшей английской моде на дендизм, критикуя ее и сожалея о господстве этой моды в такой великой стране, как Англия. От дендизма разговор переходит к тому, что же такое истинный английский джентльмен. Выходя из омнибуса, Греч обменивается карточками со своим новым знакомым, перед именем которого обозначено звание «Dr». Знакомство оказалось приятным, но очень кратким: «И лица его не могу припомнить: мне казалось, что я читал умную книгу без портрета автора»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 171.

Порой случайные знакомства в карете и описание попутчиков очень похожи на наброски к роману, что вносит еще большее разнообразие в жанровую природу «Писем». Небольшие драматические зарисовки вызывают чувство неоконченного рассказа. Это, например, встреча с прекрасной англичанкой, отправляющейся навестить отца. Молодая женщина со слезами прощается со своим супругом, а Греч проникается к этой семье горячей симпатией. Во Франции на приступ катящегося дилижанса вскакивают две торговки, предлагая купить у них яблок. Одна из них, «черноглазая воструха», рассказывает о своем муже-солдате, который находится в Алжире, о том, что она одна кормит четверых детей, поет песню для Греча и его попутчицы, ошибочно приняв их за супружескую пару. Позднее именно эта молодая торговка помогает Гречу выйти из неловкой ситуации, подсказав ему дорогу.

На выезде из Франции во время таможенного досмотра Греч знакомится с «востроглазой» пассажиркой, которая, узнав, что путешественник направляется в Турцию (таким был его план), выражает горячее желание быть увезенной им. Греч соглашается, назначив ей встречу в Бадене. Позже знакомые передали ему, что девица несколько раз проходила мимо него по аллее, однако он «не видал ее, не слышал даже шороха ее платья, который играет важную роль во всех романах»¹⁵⁶.

Автор намеренно начинает и обрывает эти истории, такие попутчики и попутчицы – во всех этих сценах непременно присутствуют женщины с черными или горящими глазами – не столько представляют посещаемую страну, сколько привносят в повествование определенную живость и оставляют у читателя чувство нерассказанной истории, оборванной, неоконченной. Автор торопится и следует дальше.

¹⁵⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 196.

Во Франции роль попутчиков становится особенной. В экипаже, который едет в Версаль, вместе с Гречем туда отправляются: «старичок лет семидесяти, учтивый и даже церемонный, обломок старого веку, враг нововведений и революций, но еще живой и пылкий; один человек средних лет, с красною ленточкою в петлице, и еще молодой человек, налитанный новыми идеями, но, по-видимому, кроткий и добродушный»¹⁵⁷.

Спутники Греча представляют три поколения Франции – три ее века, три времени. Прошрое, настоящее и будущее соединяются в одной точке. Эта поездка была наполнена особыми мыслями и горестными сожалениями для путешественника, поэтому встреча трех поколений усиливает особое грустное настроение, сопровождающее путешественника в Версаль.

Интересной деталью является то, что спутником, «путеводителем» Греча в Париже и человеком, познакомившим его с выдающимися писателями и поэтами, является актер-мим Ваттемар, который ранее был знаком с Гречем в Петербурге, долгое время работал в Англии, выучив английский язык. Он встречается путешественника во Франции, и он же провожает его. Франция беспокоит Греча, события, происходившие в ней, вызывают у него такие душевные волнения, что он не может смотреть на эту страну хладнокровно и рассудительно, даже вынужден был в предисловии к изданию «Писем» одной книгой объяснить с читателем и оправдать свой резкий тон. Спутник путешественника несколько примиряет и успокаивает Греча, ведь он сам является примером француза, который оказался больше, чем просто француз – он немного англичанин, т.к. работал в Англии, немного немец, немного даже русский – в его собрании рисунков и автографов есть и русские экземпляры. «Добрый Ваттемар» - называет его Греч точно так же, как до этого называл англичан Аллана, Вудборна.

¹⁵⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 3.

Попутчики Греча представлены бесконечно сменяющимися лицами. Своих приятелей, способных служить проводниками между ним и «чужим», сам Греч называет «путеводителями». «Путеводителем» может стать и случайный знакомый, которого Греч посчитал подходящим по положению. Часто попутчики просто служат иллюстрацией, живой картиной немца, француза или англичанина, как правило, не вступая в прямой контакт с путешественником. Попутчики-путеводители, попутчики-живые образы «другого», а также попутчики «романические», служащие для развлечения читателя либо появившиеся по воле авторского воображения. Никто из них не сопровождает Греча на протяжении всего путешествия, он едет один, иногда нанимая лакея в некоторых городах. Порой небольшой отрезок пути он находится в компании своих знакомых, приятелей, порой его попутчики – случайные люди.

Несмотря на водоворот лиц в «Путевых письмах», сложно выделить даже нескольких главных, хотя встречи и разговоры с ними Греч описывает вполне подробно, рассказывая об их судьбах, семьях, пристрастиях. В центре повествования единственный персонаж — автор, через призму восприятия которого мы имеем возможность наблюдать остальных.

Интересно, что последним человеком, сопровождающим путешественника, оказывается тот, голос которого просит у него подорожную. Это безымянный работник украинской дорожной станции. Автор упоминает, что Малороссия для него — словно вторая родина, мать его имела украинские корни, сам он неплохо говорил и писал на украинском языке. Греч обрывает повествование, не добравшись до Петербурга, в тоске по которому проводит он почти все свое путешествие. Однако украинская станция тоже оказывается домом. Путешественник приятно удивлен, что огни за окном — не очередной пункт, который надо миновать, а почти точка прибытия.

Следующая часть «Путевых писем» - его деловой отчет, предоставленный Е.Ф. Канкрину, состоящий из точных и сухих описаний школ и ремесленных училищ. Композиция травелога, таким образом, оказывается достаточно логичной: вернувшись домой, Греч принимается за привычные дела. Он проделывает долгий путь, встретившись с «другим», и приезжает обратно к себе, обогащенный этим опытом, что в случае Греча выразилось в написании «Путевых писем», а также составлении отчета.

Писатель увидел Лондон викторианской эпохи, передовую технологическую столицу мира, которой город стал к этому времени. Однако Англия с давних времен была предметом живого интереса для русских, Лондон оказывал большое влияние на столицу России с самого ее основания. Еще в 90-х годах XVIII века выходят «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина. Впервые читатель в России получил возможность познакомиться с этим городом через живые, полные разнообразных сведений путевые записки своего соотечественника, посетившего несколько европейских стран. Рассмотрим, каким показался Лондон, этот дальний и загадочный город, двум героям путевых писем.

А. Шенле в работе «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840» отмечает, что русский травелог не решал только лишь непосредственной задачи передать наблюдения, а ставил более широкие цели. Так, Н.М. Карамзин, по его мнению, использует путешествие для «демонстрации своей утонченной чувствительности»¹⁵⁸. «Письма» Греча, изобилующие сухими фактами, цифрами, больше всего напоминают отчет, в который вплетены личные впечатления от стран и людей.

¹⁵⁸ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840. СПб: Академический проект, 2004. 272 с.

Между Гречем и Карамзиным много схожего: оба - люди яркие, соединившие в себе множество талантов. И тот, и другой – журналист, литератор, чиновник. Исследователь творчества Карамзина Т.А. Алпатова указывает на особое развертывание повествования в «Письмах русского путешественника», которое происходит за счет сложного переплетения сюжетов, ассоциаций, культурных образов¹⁵⁹. Греч несомненно продолжает традицию Карамзина, создавая очень сложную структуру повествования.

Путешественник Карамзина и путешественник Греча – совсем разные люди. Первый – очень молодой человек, он живо интересуется всем новым, необычным, стремится узнать как можно больше, познакомиться с известными людьми. Он легко удивляется и восхищается, да и жанр сентиментального путешествия придает повествованию особую тональность. Путешественник Греча – серьезный и солидный человек, семьянин. Он имеет определенный вес в обществе, обедает с важными персонами, за него хлопочут официальные лица. Собственно, и в путь он отправляется по приказу, данному сверху, о чем говорит и посвящение барону Канкрину¹⁶⁰. Путь и того, и другого лежит через множество мест и стран, они проплывают огромное количество миль на кораблях, едут в дорожных экипажах. Примечательно, что маршруты у двух путешественников словно зеркально отражены. Путешественник Карамзина попадает в Лондон из Дувра, после посещения Франции. И Лондон описывается в конце книги, это завершение его пути. Путешественник Греча посещает Лондон в начале поездки, прибывая туда из Германии, Гамбурга.

И для молодого сентиментального юноши в «Письмах» Карамзина, и для путешественника Греча плавание к Лондону стало не самым приятным.

¹⁵⁹ Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: Мос. гос. обл. ун-т. М., 2012. 43 с.

¹⁶⁰ Канкрин Е.Ф. (1774 — 1845) — экономист, российский государственный деятель. Провел ряд экономических реформ в России, занимал должность Министра финансов.

Оба страдают от качки, встречного ветра, оба крайне утомлены путешествием. Карамзин описывает двух немцев, плывущих вместе с ним. Это простые ремесленники, вздыхающие по родине, простодушные и сентиментальные. Подобная пара немцев появляется и у Греча. На его корабле находились мекленбургские купцы, направлявшиеся в Лондон для покупки жеребцов. Однако, еще до прибытия в Англию некий «преловкий англичанин», воспользовавшись их простодушием, а также незнанием языка, продает им лошадей, даже не сойдя на землю, а точнее, продает «их лошадям». Это первое знакомство читателя с нравами и деловой ловкостью англичан.

Лондон встречает путешественника высокими закопченными зданиями, разместившимися у самой реки. Затем открывается Лондонский мост, здание таможни. Город практически стоит у кромки воды – ему словно не хватает места.

Первые представители Лондона на суше – таможенные чиновники. Досмотр в «Путешествии» Карамзина прошел благополучно. Однако, английские чиновники удивили его тем, что спросили денег, даже не найдя ничего запретного. Заплатив три шиллинга, он восклицает: «И так английские таможенные приставы умеют строго исполнять свою должность и притом... наживаться!»¹⁶¹.

Чиновники в Лондоне Греча приветливы и ласковы. Уладив формальности, они предлагают купить Путеводитель по Лондону и немедленно сбывают несколько экземпляров. У англичан все вовремя, все слажено, учтиво и без задержек. Книги, за которые при въезде следует заплатить пошлину, взвешиваются на особых весах и оцениваются согласно весу. В таможенную «камеру» пассажиры вызываются по списку.

¹⁶¹

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 330.

После таможенного досмотра Греч отправляется на поиски квартиры через весь Сити в Вест-Энд. В Лондоне жизнь кипит. Улицы полны шума, разнообразные экипажи создают ощущение непрерывного потока движения. «Изумительная, блистательная, оглушительная картина закружила все мои чувства»¹⁶², - пишет Греч. Пространство города небольшое, улицы неширокие, но они наполнены людьми, экипажами, домами, вывесками, ходячими афишами, повозками. Нет ни клочка, свободного от них. Экипажи устроены таким образом, чтобы вместить как можно больше людей, а кучер помещается либо сбоку, либо сверху, так, что видны его ноги. Лондон не кажется ему красивым или поражающим воображение. Складывается впечатление, что путешественник несколько разочарован, не найдя в знаменитой столице блеска и помпезности. Однако, проехав далее, он соглашается, что отдельные улицы светской части города довольно приятны и чисты.

Неопрятность и отсутствие чистоты в районе Сити отмечает и Карамзин. Он проезжает суетливые кварталы Ломбард-стрит, Чипсайда, Флит и попадает в светскую часть города. В ней шума не меньше, однако и магазины, и экипажи, и публика оказываются более приятны для путешественника. Тем не менее, первое впечатление о Лондоне Карамзина – превосходное, он многократно повторяет эпитет «прекрасный» - прекрасен для него город, улицы, строения, устройство. В нем нет грандиозных построек, однако все разумно и приятно. В нижних этажах хороших домов – лавки, в скверах – статуи или монументы, фонари по обеим сторонам вымощенных улиц. «Здесь все сухо и гладко — везде светлый простор, несмотря на многолюдство»¹⁶³.

¹⁶² Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 53.

¹⁶³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 331.

Путешественник очарован, восхищен, шум и суета не смущают его, напротив, именно в многолюдной толпе он находит особое уединение. «Ошибаюсь или нет, но мне кажется, что первый взгляд на город дает нам лучшее, живейшее об нем понятие, нежели долговременное пребывание, в котором, занимаясь частями, теряем *чувство целого*»¹⁶⁴.

Англия радует его глаз приятными широкими улицами. Это «кирпичное царство», он отмечает удобные тротуары для пешеходов, чистоту вокруг, отсутствие громоздких сооружений. Лондон Карамзина гостеприимен, путешественник не чувствует себя лишним или стесненным. Он говорит о «томном журчании» Лондона. Пространство города на него не давит, не притесняет, как Греча. Что его огорчает – так это угольный дым, который можно не только чувствовать, но и слышать, он «весьма неприятен», - деликатно сообщает путешественник.

К приезду Греча угольный дым не исчез, наоборот, он еще больше заполнил собой пространство. Цвет его Лондона – это цвет копоти, дыма, грязи. Путешественник с сожалением размышляет о том, каким был бы этот город, не будь его памятники, здания, ограды покрыты «черною корой», что делает их «ветхими на взгляд, отвратительными». «И плита, и кирпич, и мрамор облекаются в грязную оболочку... Если бы не это обстоятельство, Лондон мог бы назваться прекрасным городом»¹⁶⁵.

Мужские лица он делит на три вида: «угрюмые, добродушные и зверские», причем последние настолько неприятны, что путешественник полностью поверил в то, что «Гогард писал с натуры»¹⁶⁶. Английские женщины поражают Карамзина своим очарованием. «Англию можно назвать

¹⁶⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 332.

¹⁶⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 39.

¹⁶⁶ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 333. Карамзин упоминает известного английского художника XVIII века У. Хогарта (W. Hogarth), автора сатирических гравюр.

землею красоты — и путешественник, который не пленится миловидными англичанками; который, — особенно приехав из Франции, где очень мало красавиц, — может смотреть равнодушно на их прелести, должен иметь каменное сердце»¹⁶⁷. Одеты они «просто и мило», «ходят, как летают». Путешественник Греча имеет абсолютно противоположное мнение. Прогуливаясь по Сент-Джеймскому парку, он всматривается в женские лица и разочарованно не находит в них особенной красоты — «большинство... ординарных». Немногие «миловидные, красивые и умные» лица принадлежат женщинам черноглазым. Отмечается неумение англичанок привлекательно одеться. Платье на них из хорошей ткани, но словно с чужого плеча. Волосы убраны в безобразную и нелепую прическу. «Если увидишь женщину, одетую со вкусом, ловкую и идущую с припрыжкой, оглядываясь по сторонам, можешь быть уверен, что это француженка»¹⁶⁸. Много женщин в трауре, и это им очень к лицу. Греч высказывается о женщинах Лондона так: «женщины [были] статуйками, огороженными чугуною решеткою, сплетенною из вензелей Yes and Not»¹⁶⁹. (Примечательно, что Карамзин упоминает легкомысленную, полную флирта беседу с дамой, которая оказывается совсем не англичанкой, а француженкой, жительниц Лондона характеризует как глубоко порядочных матрон).

Лондон — это «неорганическая громада разнородных тел», в нем невозможно выделить центр, «сердце города»¹⁷⁰. Он весь кипит, живет и шумит, поглощая близлежащие места. Лондон не терпит пустоты ни в каком виде. Специальный человек при экипаже «манит седоков на пустые места», и они заполняются. Пустое пространство застраивается домами. Даже

¹⁶⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 333.

¹⁶⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 40.

¹⁶⁹ Там же, с. 180.

¹⁷⁰ Там же, с. 43.

набережной в Лондоне как таковой нет – все занято постройками вплоть до берега. «Все это кричит, вопит, ржет, лает – и все эти вопли сливаются в один продолжительный гул»¹⁷¹.

Лондон Греча до крайности рационален. Даже в самой модной и светской части города, на Регент-стрит, с ее великолепными магазинами и нарядной публикой, все «подведено под закон практики, по правилам сложения и умножения»¹⁷². Неоднократно отмечается узость домов, простота архитектурных решений, отсутствие декоративных элементов.

Порядок во всем. Так, каждому посетителю предписано стучать в дверь особым образом: один раз - слуге, два раза – почтальону, мелкой дробью для гостя. Попад внутрь, он дожидается хозяина в типичной комнате нижнего этажа, где стоит необходимая добротная, но простая мебель, ковер в качестве украшения. Также в нижнем этаже помещается столовая. Наверху обычно располагается гостиная и «беседная». Служебные помещения находятся практически под землей. Похожие порядки были описаны Карамзиным и к приезду Греча совсем не изменились, даже количество стуков для слуг указано одинаково.

Лондон в изображении Греча представляет собой закрытое пространство. Немногие широкие дома в Лондоне поделены на несколько квартир. Деление проходит вертикально, в отличие от русского обычая делить дом на квартиры по найму ярусами, горизонтально. Такое вертикальное деление обеспечивает независимость обитателей одного дома друг от друга. Можно никогда не видеть и даже не знать своих соседей. «Мой дом – моя крепость».

Везде границы - физические барьеры (стены, деление домов, деление реки мостами, разграничение лож в театре, даже закрытые на ключ скверы)

¹⁷¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 43.

¹⁷² Там же, с. 45.

или границы на уровне психологической закрытости - неприятие, противостояние англичан зарубежным традициям и отстаивание своих. Например, с одобрением отмечает Греч их привычку разговаривать только на своем родном языке даже при отличном владении модным тогда французским.

Пространство Лондона динамично. Все в нем движется, едет, работает, поворачивается. Греч довольно точно описывает все маршруты. День путешественника насыщен событиями: утром он посещает пивоварню, далее направляется в книгопечатную мастерскую, затем едет в редакцию газеты. Он исследует город, пытается понять, как же он работает, ведь Лондон – это механизм. Зачастую движение и маршрут путешественника диктуется не его внутренним желанием, а словно навязывается или предлагается ему. Город сам вовлекает его в свой водоворот. Неожиданно появляется знакомый, удачно предлагающий посетить то-то и то-то, затем возникает удобный случай заехать в другое место. Между прочим упоминает он некоего Якова Ивановича Смирнова, почтенного священника русского посольства, который принимал в Лондоне пятьдесят лет назад молодого Карамзина – именно во время описываемых Карамзиным в «Письмах» событий.

На читателя обрушивается огромное количество самых разнообразных фактов, выраженных в основном четким и сухим языком. В Лондоне все вполне поддается измерению и исчислению. Его Лондон – это огромная машина. Все выверено и четко, все исполняется по заведенному обычаю. Писатель называет его «движущейся таблицей умножения», а себя в Лондоне – «глазеющей машиной».

Пространство карамзинской Англии, Лондона, в частности, также не широко, но это не угнетает его. «Дорога от Дувра до Лондона подобна большой улице многолюдного города»¹⁷³. Он также отмечает

¹⁷³

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 329.

многочисленные экипажи, кареты и повозки, следующие из Дувра в Лондон и обратно.

«В каждом городе самая примечательная вещь есть для меня... самый город»¹⁷⁴, - пишет он. Путешественник отмечает, что площадь используется максимально рационально, каждый дюйм задействован. Буквы на домах «аршина в полтора длиною», на фасадах - масштабные вывески, заметные издалека, при этом сами дома небольшие. «Если великолепие состоит в огромных зданиях, которые, подобно гранитным утесам, гордо возвышаются к небу, то Лондон совсем не великолепен. Проехав двадцать или тридцать лучших улиц, я не видал ни одних величественных палат, ни одного огромного дому»¹⁷⁵.

Лондонская полиция работает как четкий и слаженный механизм. Греч отмечает малое количество происшествий при такой заполненности улиц. Как и чиновники, и солдаты, полицейские одеты в синюю форму. На плече у каждого белым вышит номер. Описывается устройство лондонской полиции, ее деление на части, кварталы. Греч отмечает интересную деталь: «всего нужнее для полицейского чиновника терпение и обладание самим собой. Он не может раздражаться, и если будет исполнять свою обязанность твердо и спокойно, то конечно найдет содействие и пособие во всех окружающих»¹⁷⁶. Власть не запугивает горожан, но сдерживает их. Секрет четкой работы механизма города в спокойствии, терпении, исполнительности. Эмоции, порывы, чрезмерность только мешают работе.

Отмечая особое «благочиние» Лондона, путешественник предостерегает других. В этом городе прекрасно сочетаются порядок и

¹⁷⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 336.

¹⁷⁵ Там же, с. 331.

¹⁷⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 41.

мошенничество. «Нигде нет столько плутов»¹⁷⁷. Он пересказывает основные правила безопасности в Лондоне, составленные неким наблюдателем. Все они сводятся в первую очередь к бдительности и осторожности: не играть в карты на деньги, не покупать ничего в незнакомых местах, не заводить знакомств с подозрительными личностями.

«Англия есть земля величайших странностей и противоречий»¹⁷⁸, - отмечает Греч. При этом многие из них имеют вполне объективные причины. Например, его удивляет манера англичан уезжать на всю осень и зиму в загородные поместья, а в городе проводить только весну и лето. Все потому, что находиться в Лондоне в холодный период невозможно – переносить туманы, дым от каменного угля очень сложно.

Справочная информация о местных достопримечательностях перемежается непосредственными личными впечатлениями. Порой путешественник ироничен по отношению к местным жителям и городу, называет их «дикими», английских дам – «мисками», порой беспристрастен и объективен, порой довольно пафосен. Особенно это касается размышлений о причинах английского благополучия, корни которого Греч видит в безупречном исполнении обязательств, любви не только к своей стране, но и к ее законам, что весьма важно. Именно в такие моменты автор, путешественник кажется особенно искренним. О наболевшем он говорит с особой страстью, речь и общий тон повествования меняется, как если бы писали два разных человека.

Карамзин, если и критикует Лондон, то чаще всего делая сравнение с Парижем. Английский парикмахер у него неумелый и мажет плохими средствами, тогда как французский все делает не в пример лучше. Описание Лондона у Греча – это взгляд человека, много повидавшего, много

¹⁷⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 42.

¹⁷⁸ Там же, с. 37.

пережившего. У него нет неоправданно высоких ожиданий, он не считает себя представителем более отсталой цивилизации. Далеко не все ему нравится. Например, наблюдая за танцами на балу, он говорит, что лучше бы и не начинали совсем – до того эти танцы некрасивы и неуклюжи, не сравнить с петербургскими балами. Лучшие часы в Лондоне путешественник Греча проводит, слушая музыку. Воспользовавшись тем, что светский сезон в городе в самом разгаре, он с удовольствием отправляется в Итальянскую Оперу. Представление приводит его в совершенный восторг, в упоении он слушает замечательные голоса артистов. Однако через некоторое время начинает размышлять о том, что «администрация оперы самая конторская, жидовская»¹⁷⁹: экономят на жалованье артистов, могут убрать целую роль из спектакля, или пригласить исполнить важную партию простого хориста. Зато реклама и афиши представлений красочны и изобилуют громкими словами.

Греча неизменно восхищает образ жизни благовоспитанных англичан, в домах которых воспитываются и пестуются добродетели. Благочестие, набожность, исполнение обязанностей и знание прав – в этом видит он силу национального английского характера, внутренний стержень нации. В тревожные времена именно такое «основательное и неизменное воспитание»¹⁸⁰ дает англичанам силу и опору. Английский Парламент, по его мнению, держится на тех же началах. Недостаточно в какой-нибудь стране просто собрать парламент и дать ему волю. Народный характер, сила духа, просвещение, повиновение законам, безусловная любовь к Отечеству и его уставам – именно это важно.

Карамзин называет англичан скучными, отказывая им в живости ума и чувстве юмора. «Англичане честны, у них есть нравы, семейная жизнь, союз родства и дружбы... Позавидуем им! Но строгая честность не мешает им

¹⁷⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 123.

¹⁸⁰ Там же, с. 97.

быть тонкими эгоистами. Таковы они в своей торговле, политике и частных отношениях между собою. Все придумано, все разочтено, и последнее следствие есть... личная выгода»¹⁸¹. Он указывает на то, что власть в Англии практически делает человека безнаказанным, однако облеченные ею понимают, что «опасно во зло употреблять власть свою... Не Конституция, а Просвещение англичан есть истинный их палладиум»¹⁸².

Оба путешественника сходятся в том, что не хотели бы остаться в Лондоне навсегда. В течение всего пребывания там Греча не оставляет ощущение «бурных волн чуждого океана». Увидев иконы, изображения русских царей у одного из соотечественников, живущего в Лондоне, Греч впадает в сентиментальное настроение, восклицая: «Станете ли вы укорять меня, что я за границею.... брежу о русском..., тоскую по России? Ах! вы не бывали не чужбине!»¹⁸³.

Он покидает Лондон без сожаления, с чувством исполненной давней мечты («увидеть.. эту землю великих людей и знаменитых подвигов, это исключение из общих правил Европы»¹⁸⁴. Путешественник Карамзина пишет: «Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления»¹⁸⁵. Однако, как и подобает сентиментальному путешественнику, уже на корабле он сообщает: «Я не сдержал слова, любезнейшие друзья мои! Оставляю Англию — и жалею! Таково мое сердце: ему трудно расставаться со всем, что его хотя несколько занимало»¹⁸⁶.

Эта поездка стала для Греча первым посещением Англии и совпала с началом знаменитого правления королевы Виктории, взошедшей на трон в 1837 году. Первая половина XIX века — это время расцвета Англии,

181 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 382.

182 Там же, с. 383.

183 Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 174.

184 Там же, с. 178.

185 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 384.

186 Там же.

занимавшей одно из главных мест на исторической арене, ведущей державы, прогрессивной страны. М.В. Цветкова в работе «Образы помещиков-англоманов в русской литературе XIX века» указывает на спад галломании в этот период и появляющуюся тенденцию к англomании¹⁸⁷. Укрепившиеся связи с Англией способствовали повышенному интересу к ее экономическим, культурным достижениям. В литературе появляется ряд образов помещиков-англоманов: это и Григорий Иванович Муромский в «Барышне-крестьянке» (1830) и князь Верейский в «Дубровском» (1833) А.С. Пушкина, Константин Сакс в «Полиньке Сакс» (1847) А.В. Дружинина и др. За Англией закрепила слава прогрессивной страны, бурно развивающейся после Промышленного переворота.

Мотив машины возникает с первых страниц путешествия Н.И. Греча. Первый механизм, который упоминается в связи с Англией – мощный пароход «Графиня Лансдаль». Глава, с которой начинается повествование об Англии, открывается словами: «В четыре часа утра застучала машина парохода»¹⁸⁸. После «усладительных» часов, проведенных Гречем на Эльбе, он оказывается в совершенно подавленном состоянии: сильная качка заставляет всех пассажиров прятаться в каютах, мучаясь морской болезнью. И лишь пароход «летит, как из лука стрела, делая в час до десяти узлов», оказываясь значительно сильнее человека. Жизнь на пароходе организована достаточно хорошо: Греч хвалит стол, исправную и проворную прислугу. Все это тоже проявление столь ценного для англичан порядка.

В Англии не в чести спонтанность. Описывая Вестминстер, Греч упоминает, что службу проповедник вел «просто, или, лучше сказать, читал по тетради». Там непозволительно «декламировать и увлекаться

¹⁸⁷ Цветкова М. В. Образы помещиков-англоманов в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. №2 (30). С. 106-111.

¹⁸⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 31.

красноречием». Греч отмечает, что «в Англии обычай есть верховный закон. Слова: «это не принято, так не водится» составляют приговор, на который нет апелляции»¹⁸⁹. Нелюбовь к спонтанности для англичан оправдана тем, что она может нарушить такой прекрасный и давно установленный порядок, где всякий знает свое место. Путешественник восхищен тем, как многое в Англии совершается тихо, учтиво, проворно, без лишних проволочек, будь то поездка в омнибусе, таможенный досмотр, производство, посещение церкви.

Разговорившись в карете с таким же путешественником, как и он сам, Греч узнает от него, что настоящий джентльмен являет «совершенное бесстрашие, равнодушие, спокойствие... Движение сильных страстей... являются непристойными»¹⁹⁰. Однако это не простое безразличие, а сбережение сил для того, чтобы употребить их там, где нужно.

В Англии расчет везде и во всем, Греч, утомленный английской приземленностью и прагматизмом, называет Англию «разноцветной, движущейся таблицей умножения»¹⁹¹. Риджент-стрит он сравнивает с движущейся картиной: «Я прогуливался ежедневно по этой улице и забавлялся шумом и пестротой движущейся картины»¹⁹².

Лондон кажется Гречу «огромным муравейником», это живой гигант, усмиривший Темзу и накинущий на нее мосты, словно цепи. Темза не просто покорена людьми, англичане активно преобразуют ее, строя каналы, сообщающиеся с рекой, так как сама по себе она уже не вмещает столь бурного судового потока. Снова возникает образ огромного механизма. «Канал, сообщающий их (доки) с Темзою, осушается и наполняется водою

¹⁸⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 160.

¹⁹⁰ Там же, с. 169.

¹⁹¹ Там же, с. 45.

¹⁹² Там же.

посредством паровой машины»¹⁹³. Эта паровая машина напоминает живое сердце, дышащее и обеспечивающее работу всего сложного механизма судоходства Темзы.

Другая паровая машина откачивает воду из подземелья, где проводятся работы по организации подземного тоннеля. Все эти машины – словно живые, «с треском и шипением выкачивает воду, скопляющуюся в подземелье»¹⁹⁴.

Греч посещает пивоварню, типографию, и везде отмечает прекрасно организованные действия, доведенные до автоматизма. «Все происходит там по установленному порядку, без лишних толков, объяснений и т.п. Всяк знает, зачем пришел, что должен сделать, сколько шиллингов заплатить, сколько слов сказать, когда уйти»¹⁹⁵. В виде механизма предстает организация выпуска газеты. Строго поделенные участки работы, один корреспондент мчится на смену другому, тогда как первый уже едет в редакцию, где еще один сотрудник сшивает их истории в одну. Только беспрекословное исполнение каждым своей маленькой роли позволяет им достичь небывалой эффективности. Вернувшись с бала за полночь, Греч уже за завтраком читает развернутую статью о вечере.

Как и мощные машины, англичане упорны и крепки. Стойкость английского характера, способность противостоять невзгодам и стихиям неоднократно упоминается Гречем. С самого начала пути дует «противный ветер», с которым легко справляется мощное судно. Темзу обступают дома, подошедшие к самой кромке берега, словно охраняя пространство города.

¹⁹³ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 79.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 86.

Портовые чиновники работают, не снимая шляп – «говорят, что они делают это, боясь сквозного ветру, который входит с просителями»¹⁹⁶.

Машина появляется не только как символ прогресса и благополучия, порой машины несут в себе гибель людей и традиций. Так, приехав на большой местный бал, устраиваемый ежегодно в поддержку Спителфилдского ткачества, он узнает, что введение механических станков нанесло большой урон многим фабрикам, заменив ручной труд механическим. Узнав о таком, англичане устраивают благотворительные балы, помогая семьям оставшихся без работы.

Однако, и сами англичане порой подобны механизмам. На том же Спителфилдском балу: «Казалось, что пляшут куклы на пружинах, у которых часть проволок заржавела, а другая оборвалась»¹⁹⁷. И, как обычно, упрекая в чем-либо чужеземное, Греч с любовью вспоминает русское - петербургские балы, где каждое движение танцующих наполнено чувством, жизнью.

В целом, считает Греч, англичанам не свойственно быть спонтанными и живыми: «... изящные искусства им не дались. Музыканты их без гармонии; певцы без голоса; живописцы преимущественно занимаются существенным, портретами, а скульпторы, надгробными статуями; архитекторы возводят здания уродливые. Действительное, положительное у них преобладает»¹⁹⁸.

В «Путевых письмах» Греч описал самые яркие черты национального характера, увиденные им во время путешествия. Стойкость, организованность, консерватизм, по его мнению, являются неотъемлемыми качествами англичан. Это, с одной стороны, заслуживает его большого уважения, а с другой, Греч чувствует себя крайне неудобно в этой

¹⁹⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 112.

¹⁹⁷ Там же, с. 135.

¹⁹⁸ Там же.

механистической стране. Он тоскует по России, переносясь мыслями в любимый Петербург, скучает по русским людям и душевным беседам с ними.

Описывая викторианскую Англию, страну, находящуюся в то время в авангарде научных и технических достижений, Греч довольно быстро начинает тосковать по русскому, живому. И хотя мотив тоски по родине и душевной русской беседе прослеживается в каждом его путешествии, именно в Англии он звучит особенно отчетливо.

Греч говорит об англичанах как о людях неизменно верных долгу, совести, семье, государству, церкви. «Основательное и неизменное воспитание» - свод правил и законов, которым руководствуются жители этой страны. Пуританские добродетели, укоренившиеся в стране, сдерживают и направляют граждан. Однако в этом мире четкого механистического порядка он чувствует себя не на своем месте. Увлеченный поначалу посещением разных заведений, погруженный в водоворот дел, он вскоре устает от этого. Лондон для него интересен, но слишком черен, грязен, суетлив. Весь город выглядит как огромный, измазанный в саже механизм. Проезжая мимо зеленых английских лугов, путешественник восклицает, что именно такова настоящая Англия – тихая и зеленая.

Через образ машины – паровой, машины, откачивающей воду, парохода, машины в более широком смысле (механизма) – Греч выделяет несколько ярких черт английского характера: любовь к порядку, неукоснительное следование традициям и заранее намеченному плану, контроль эмоций, стойкость, практицизм. М.В. Цветкова, исследуя национальную английскую концептосферу, отмечает, что такие черты сложились под влиянием буржуазной морали, в которой ценились умеренность, благоразумие. Она выделяет основные концепты, важные для

этой нации: здравый смысл, сдержанность, традиция, джентльмен¹⁹⁹. Многие из них окончательно оформились и закрепились именно в викторианский период, начало которого и наблюдал Греч. Также Греч наметил будущие противоречия между машинами, прогрессом и человеком, тихим укладом патриархальной английской деревни (зеленой Англии) и быстрым ритмом города.

Интерес к Франции и французской культуре появился в России еще в начале XVIII века. С момента возникновения он усиливался и в итоге со временем даже принял карикатурную форму галломании. Великая французская революция нанесла большой урон репутации страны, превратив француза из образованного человека с изысканными манерами в мятежного бунтовщика. Последовавшие затем наполеоновские войны тоже поколебали авторитет французской культуры, галломания стала постепенно заменяться англomанией.

Несмотря на меняющуюся моду, Франция оставалась развитой европейской страной. На французском языке говорили представители высшего светского общества в России. На нем не только говорили, но и мыслили многие образованные люди первой трети XIX века.

О.А. Тризно в статье «Специфика образа Франции в русской литературе конца XVII – первой половины XIX в.: от смехового контекста к серьезному» отмечает, что в первой трети XIX века путевые заметки русских людей о Франции основывались в основном не на эмпирическом познании страны, а на несоответствии сложившегося в сознании блистательного образа и

¹⁹⁹ Цветкова М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Нижний Новгород: Издание НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. С. 158-183.

реальной картины. В частности, приводятся далеко не восторженные отзывы о Франции П.А. Вяземского и К.Н. Батюшкова²⁰⁰.

Греч, описавший Францию во второй части «Путевых писем», также не остался к ней равнодушен. «Стану описывать свою поездку не систематически, не дидактически, а так, как было и так, как ляжет под перо»²⁰¹. С первых строк автор оказывается вовлечен в стихию, которая управляет современной ему Францией. Не «систематически, ... а так, как было» – казалось бы, Греч здесь противоречит здравому смыслу. Однако все во Франции кажется ему именно таким: немного нереальным, неправильным. «Как ляжет под перо» – автор готов отдаться случаю, минутному вдохновению.

Первый француз, который встречается читателю, – Александр Ваттемар. Ваттемар – дворянин, чревоугодник и актер, интересующийся книгами, историей. Греч обозначает его род занятий как «мим». Путешественник с удовольствием встречается и обедает с Ваттемаром и его приятным семейством, вспоминая старые встречи.

Профессия первого же французского персонажа вводит мотив игры, который плотно вплетен во все повествование о поездке во Францию. Этот мотив приобретает разные формы: театральное действо, азартная игра с рискованными ставками, маски. Причем маски носят не только люди, где смена режима позволила одним выдвинуться, а других оставила на обочине жизни. Сам Версаль, резиденция французских монархов, меняет свой облик и принимает роль музея. Однако же и здесь маски: портреты маршалов оказываются, по мнению одного из попутчиков Греча, портретами простых солдат, случайными лицами, помещенными в залах за неимением других.

²⁰⁰ Тризно О.А. Специфика образа Франции в русской литературе конца XVII – первой половины XIX в.: от смехового контекста к серьезному // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 42-45.

²⁰¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 1.

Рассказывая о разрушении Версаля, попутчик Греча упоминает, что революционеры не коснулись театра. Вовсе не случайно, что именно театр оказался нетронутым, остались даже декорации последнего спектакля. Сама революция и была ужасным спектаклем: «... все неистовства, все злодеяния, в которых нынешние французы были действующими лицами, жертвами или просто зрителями», - пишет Греч²⁰². Он называет Францию страной «драматической по превосходству: в ней театры составляют существенную часть житейского быта»²⁰³.

Театральность видна везде. Осматривая Орлеан, Греч замечает статую Орлеанской девы, расположенную странно и неправильно, не в центре площади, а в углу. «Поза статуи театральная; костюм условный, небывалый»²⁰⁴. В одной руке у нее меч, в другой - знамя.

Важнейшим измерением во Франции становится время. Оно имеет особое течение, может ускорять и замедлять свой ход. В экипаже, который следует в Версаль, Греч описывает своих попутчиков: пожилой господин, явный противник нововведений, господин средних лет с красной ленточкой в петлице и молодой человек, напитанный новыми идеями. Сразу три поколения едут посмотреть на то, чем стала бывшая королевская резиденция. И вместе с персонажами читателю предлагается взглянуть на Версаль из разных временных точек: из прошлого – с сожалением, из настоящего – с воодушевлением и оптимизмом. Сам путешественник пытается стать вне временного течения и увидеть Версаль сразу во всей глубине его истории.

Французы потеряли точку опоры, которая могла бы служить ориентиром для них. «Кажется, что здесь большая часть людей в лихорадке: все

²⁰² Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 94.

²⁰³ Там же, с. 96.

²⁰⁴ Там же, с. 59.

недовольны настоящим, и забыв прошедшее, ждут чего-то в будущем»²⁰⁵. Это отсутствие опоры приводит к практически полной потере себя и своей самоидентификации.

Путешественник признается, что более всего во Франции интересовали его люди, игравшие в ней самую значительную роль: политики, ораторы, писатели. Встречи с известными лицами приносят автору огромное удовольствие, неизменно восторженно он отзывается о салонах, где удастся ему побывать. Греч упоминает В. Гюго, А. Дюма, О. де Бальзака, министра просвещения Н.-А. Сальванди.

Но нужно отметить, что французы в своей массе не вызывают у Греча добрых чувств. Описания простого народа нарочито грубы, даже презрительны: молодые девушки «старались продать товар лицом», «копошились парижские граждане», «люди с самыми подлыми лакейскими рожами», «революционные крикуны». Греч очень явно отделяет первых известных лиц, куда он также относит своих знакомых и друзей, от простого народа, парижан, орлеанцев и прочих. Они ни разу не названы по имени, иногда отмечается их род занятий: служанки, лакей, старьевщики, военные. Средний французский гражданин вызывает у автора неприязнь, возмущение. Он живет одним днем, страстно любит деньги, ищет наживы во всем, непостоянен, изменчив, себялюбив.

Французы находятся в постоянном беспокойном движении, пытаются нащупать, найти правильный путь. Греч описывает старинное развлечение, когда игрокам завязывали глаза и заставляли пройти по лугу прямо. «Никто из них, с завязанными глазами (у кого же нет какой-нибудь на глазах повязки?) не найдет прямой дороги и на десяти шагах!»²⁰⁶. Завязаны глаза не только у простых людей, играющих в парке, завязаны они у всей Франции.

²⁰⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 91.

²⁰⁶ Там же, с. 56.

Французы далеки от чистоты, как нравственной, так и физической. Посетив Версаль, Орлеан, Блуа и другие города, путешественник въезжает в Париж, который кажется ему очень грязным. «Добровольная, усердная дань великого народа», - так говорит Греч о нечистотах, скрывающих под собой прекрасные улицы и здания. «Не раз, смотря на этих несчастных, голодных парижан, я повторял в уме: «Ройтесь, сударики, ройтесь в грязи!»²⁰⁷.

«Своекорыстие, себялюбие и самый наглый материализм сделался ныне движителями действий большей их части»²⁰⁸. Французы потеряли прежнюю легкость, изящество и блеск, которыми они славились по всей Европе, однако новых достоинств не приобрели, стали угрюмы, серьезны и корыстолюбивы.

Впечатлительный путешественник настолько тонко ощущает все происходящее во Франции, что к концу визита зарабатывает сильные головокружения. Интересно, что излечивает его немецкий доктор, представитель культуры, многое из которой Гречем одобряется и принимается положительно. Именно в Германию он едет далее.

Последним французом, провожающим путешественника, снова оказывается Ваттемар. И снова в карете то же общество: Греч, приличный господин средних лет (представляющий приемлемую для автора компанию) и две служанки «самого безобразного разбора» (представляющие осуждаемых Гречем парижан)²⁰⁹. Поездка заканчивается тем же, чем и началась.

Изобразив французов как людей крайне корыстных, лицемерных, недалеких, Греч не лишен надежды на возрождение все же прекрасной

²⁰⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 88.

²⁰⁸ Там же, с. 90.

²⁰⁹ Там же, с. 158.

нации, дав исключительно высокие оценки ведущим представителям аристократии и мира искусства, на которых возлагает большие надежды.

Пространственно-временная парадигма «Писем» заявлена в самом названии и четко очерчена автором: это три страны, посещенные Гречем одна за другой. Германией начинается и заканчивается поездка Греча. Выехав из Петербурга в Травемюнде, он отправляется в Англию, затем во Францию и, наконец, снова в Германию. Мост, разделяющий Францию и Германию, становится символом перехода не только от одной страны к другой, но и от одного мира к другому. Если Англия встречала путешественника грязными закопченными стенами, Франция – неказистыми и не менее грязными улочками, то Германия предстает перед ним в самом лучшем виде. «Я восхитился давно невиданною картиною: мне представилась декорация сельской немецкой драмы. Домики чистые, большею частью мазанки, недавно выбеленные, окруженные зеленым палисадником; садики наполнены цветами и плодовыми деревьями... Из-за чистых стекол выглядывают миловидные личики»²¹⁰. Греч не скупится на эпитеты: «приветливые жены», «романтические девы», «добрые граждане и поселяне». В воздухе носятся мелодии Моцарта, ручей шепчет стихи Уланда. Складывается ощущение, что Германия предстает именно такой, какой и хочет ее видеть путешественник, она угадывает, предвосхищает ожидания. Здесь можно найти покой и порядок, чистоту и размеренность, скромность и благополучие. Греч словно описывает мизансцену к спектаклю: выются виноградные лозы, на распутье стоит каменное изваяние, хорошо одетые крестьяне важно ходят с трубкой в зубах и приветствуют почтальона, над всем возвышается огромное распятие как знак того, что сцены эти благонравны и приличны.

²¹⁰ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 188.

Картины, где Греч описывает неспешное немецкое благоденствие, резко контрастируют с описаниями французской жизни и нравов, настолько, что даже кажутся несколько искусственными. Называя увиденное «декорацией сельской немецкой драмы», Греч обращается к мотиву театра, который уже возникал в «Письмах» при описании Франции. Но если Франция открывает путешественнику балаган, где все на продажу и на потеху публике, то Германия разворачивает сцены почти пасторальные. В начале своего пути по Германии Греч ничего не критикует, практически все, что предстает перед ним, получает одобрение.

Греч поддерживает уже сложившийся к тому моменту образ благополучной и ученой Германии. Даже крестьяне «важно расхаживают по улицам ... и приветливо кланяются знакомому почтальону»²¹¹, а на устах юных деревенских жительниц застыли стихи Шиллера. Неоднократно в повествовании возникает мотив сказки. Греч пересказывает древнюю легенду о возникновении Гейдельберга, на пути то и дело возникают романтические развалины старых замков. Он проезжает Роденштейн, Шпеллерт – старинные поместья, населенные духами. «Германия есть страна диковинных и фантастических преданий»²¹², - отмечает он. В Баварии слушает удивительную историю о герцогине, выходящей из своего портрета перед каждым значимым событием в королевском доме. Сопровождающий Греча лакей поясняет ему: «Еще недавно принц Карл увидел ее, долго гнал за ней по коридорам; она исчезла в другом конце галереи, и опять явилась в картине. Только не спрашивайте об этом придворных служителей: они все

²¹¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 94.

²¹² Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 68.

неверующие и безбожники, утверждают, будто это неправда, а оно точно так!»²¹³.

В Германии преобладают естественные краски и цвета. Зеленый, белый, синий – оттенки природы, леса, неба, гор. В «Письмах» Греч упоминает синюю даль, бурое пиво, белые дома, зеленые горы, светло зеленые виноградники. Там чернеются сосны, синеются вершины Шварцвальда. Встречается и золото как символ благополучия: золотая табакерка в руках министра внутренних дел, вызолоченный конь на вывеске гостиницы, гостиница Золотого Орла, гостиница Золотого Креста. Золото – важный элемент для немцев, это власть, благополучие, порядок. Музеи и дворцы украшены бронзой, богато отделаны белым и красным мрамором.

Города, например, Карлсруэ, поражают путешественника своей правильностью. Геометрически верные формы, аккуратно проложенные улицы. Описание архитектуры города похоже на описание конструктора: радиусы, центр, правильная прямая, пирамида. Вместо названий улиц горожане отсчитывают квадраты. «Точно шахматная доска, по которой движутся пешки и слоны»²¹⁴. Часто упоминаются ярусы, квадраты, пересечения.

Въезжая в Баден-Баден, он чувствует «дыхание благотворного, теплого воздуха», наслаждается прекрасными видами: его радует и отсутствие больных, и приятное общество русских знакомых. «Все люди веселые, здоровые, охотники пожить и повеселиться». Он присутствует на заседании баденских земских чинов, где ораторы «говорят тихо, внятно, учтиво; прочие члены слушают их внимательно»²¹⁵. Удивляет его местный театр, дешевое и

²¹³ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 69.

²¹⁴ Там же, с. 198.

²¹⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 201.

очень популярное развлечение, где царит атмосфера «семейственного собрания, в котором дамы пьют чай и вяжут чулки»²¹⁶.

Сама земля Германия дарит силу. В древней легенде, которую слышит Греч в Гейдельберге, царь наказал злого чародея тем, что поместил его в висячую тюрьму, оторвав его от земли и этим лишив его сил. Почва немецкая очень плодородна, Греч постоянно говорит о лесах, виноградниках, тучной земле. Да и сами германцы весьма приземленный народ. Например, так Греч говорит о баварцах: «Здесьшний народ отличается откровенностью, честностью, грубостью, веселостью и любовью к благам земным всех разборов»²¹⁷. Он весьма впечатлен посещением пивного дома, решив, что пиво придает местному народу «тупость и ограниченность», но, к счастью, «не ведет к зверству».

Описывая Германию как ожившую картину сельской идиллии, романтических представлений о естественной размеренной жизни, сам Греч не оказывается втянутым в романтические переживания. Путешественник восхищается местными пейзажами, атмосферой, удобством жизни, однако над романтическими деталями он сам же иронизирует.

Греч – искушенный путешественник, более того, он сам – творец, романист. «Я сочиняю романы, и волен увозить, выдавать замуж, оставлять в девичестве, награждать, наказывать, даже отправлять на тот свет, кого мне угодно!» - под хохот попутчиков поясняет он свои права увезти в Турцию некую встреченную им в экипаже молодую особу. Литератор, писатель, сочинитель романов, он неожиданно заскучал в такой, казалось бы, идиллической Германии. Уже Дармштадт кажется ему захватывающим – «город красивый, опрятный, хорошо выстроенный, но малолюдный, тихий,

²¹⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 202.

²¹⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 84.

скучный». Франкфурт «скучен и неинтересен»²¹⁸. Германия не дает достаточно движения и жизни подвижной и эмоциональной натуре русского путешественника. Сама идиллическая атмосфера Германии на поверку таковой совсем не оказывается. Для Греча это лишь видимость идиллии, которая вскоре оборачивается страшной скукой, вялостью, обыденностью, даже грубостью. Крайне разочарован он тем, что посмотрел на Луну в рефрактор обсерватории: «... мне представилось подобие ветхой каменной стены, на которой серая штукатурка растрескалась пузырями»²¹⁹.

«Как приятна глазам улица Гиршграбен..., в которой помещается картинная галерея! Мостовая нынче очень хороша. Но вообще город скучен и неинтересен; все торгует и промышляет... Франкфурт и его жители так мне опротивели, что вся Германия представилась мне тогда в ином свете»²²⁰. Единственное, что может снова привести путешественника в благодушное настроение – русское общество. Следующий параграф начинается словами: «Я провел несколько отрадных минут в русской беседе с князем А.А. Суворовым и Михайлом Васильевичем Гурьевым»²²¹. Русское слово, русские люди, воспоминания о России и русских друзьях – вот то, что служит Гречу утешением.

Не найдя общения по душе, он бродит по затихающим улицам Дармштадта, обращаясь к ушедшим из этого мира друзьям, отдаваясь мечтательным настроениям. Общение для Греча крайне важно. Любое место, которое он посещает и не находит там достойной (что почти всегда означает русской) компании, будет удостоено не самой лучшей оценки. Не найдя в городе некоторых знакомых, он приходит в крайнее расстройство.

²¹⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 208.

²¹⁹ Там же, с. 92.

²²⁰ Там же, с. 208-209.

²²¹ Там же, с. 209.

Германия хороша, однако душевные движения путешественника часто не отвечают ритму самой страны. Она заставляет Греча остановиться, замедлиться. Так, по прибытии в Регенсбург он хочет ехать далее в Мюнхен, однако вынужден ждать еще тридцать шесть часов до следующего дилижанса. Сетую на недостатки немецкого устройства почтовых станций, он позднее признает, что остановка пошла на пользу: разыгрался ужасный шторм, который путешественник встретил не в дороге, а на станции. Тем не менее, кипучая натура Греча требует непрерывного движения, смены событий, поиска переживаний и выражения себя, пусть это порой и противоречит благоразумию.

Говоря о национальном характере, Греч высказывается так: «Вот прекраснейшая черта германского характера: чувство исполнения своего долга!»²²². В Английском саду в Мюнхене на входе гуляющих встречает статуя со следующей надписью: «Harmlos wandelt hier, dann kehret neu gestärkt zu jeder Pflicht zurück» (Бескручинно прогуливайтесь здесь, и собрав новые силы, возвратитесь каждый к своей обязанности)»²²³. Сначала – дело, затем – развлечения. К своему долгу, обязанностям немцы подходят крайне серьезно. Кого бы Греч ни описывал: таможенных чиновников, девицу в трактире, которая бреет господ, - все они хорошо работают, и при этом весьма «учтивы».

«Немцы похожи на свой прекрасный Рейн: бурлят и шумят в молодости, протекают по прекрасной стране в середине жизни, и наконец разливаются в ничто»²²⁴. «Ничто», по мнению Греча, - это не просто тихая размеренная жизнь, он сам всегда выступал защитником семейных

²²² Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 75.

²²³ Речь идет о мраморной статуе работы Шванталера, которая, как и указывает Греч в «Письмах», носит имя по первому слову своей надписи – Harmlos, что скорее означает Безобидный.

²²⁴ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 192.

традиционных ценностей. «Разлиться в ничто» - значит предать идеалы молодости, забыть все то, что прежде волновало, за что хотелось бороться.

Проехав северную часть Германии, Баварию, он въезжает в австрийские земли. «Прекрасно, чисто, весело, порядочно» - так он характеризует Австрию. И там снова его встречают опрятные домики, улыбчивые учтивые девушки, чистые деревни и светлые городки. Однако уже Вена не похожа на другие города: в ней легко запутаться, устроен город непонятно, в нем шумно и суетно.

Из Австрии Греч отправляется домой. «Дотоле путешествовал я философом»²²⁵, - говорит он, имея в виду возможность пользоваться дилижансами, которых в России нет, и, ввиду этого, некую беспечность путешественника, который всегда найдет для себя способ передвижения. Отмечая, что он более не философ, Греч не только подразумевает покупку собственного экипажа для дальнейшего пути, но и ставит точку в своих странствиях по Германии, признанному центру философии. На пути из Германии «... мысленно прощался с чужими краями, припоминал все хорошее, встретившееся мне в пути, и благословлял Провидение, приведшее меня здрава и невредима на родину, под сень мощных русских орлов»²²⁶. Приземленность Германии противопоставляется русским орлам, устремленным вверх, мощным, позволяющим продлить то самое «бурление», кипучую душевную жизнь. Она для Греча возможна только в России, в окружении близких людей и на родном языке.

ВЫВОДЫ

«Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча были впервые изданы единой книгой в 1839 г. В это время литература путешествий

²²⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 177.

²²⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 186-187

в России процветала, выходили самые разнообразные дневники, письма и наблюдения, авторами которых выступали как профессиональные литераторы (П.А. Вяземский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин и др.), так и профессиональные мореплаватели (в частности, В.М. Головнин, публиковавший свои произведения в «Сыне Отечества»). Подобная литература носила самый разнообразный характер, как по объему, так и по представляемым странам. Постепенно фокус смещался с элементарного описания географии к культуре народа, а далее — к попытке эту культуру угадать и понять. Отличие именно травелогов Греча от того, что издавалось в то же время или было издано ранее, заключается в последовательном анализе, который охватывает максимально широкий диапазон.

Очевидна преимущество «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» по отношению к «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина. Почти в точности воспроизведен маршрут, герой Греча идет почти по тем же улицам, которые проходит герой Карамзина. Как и Карамзин, Греч описывает дома, транспорт, лица, устройство дворов. Однако огромная разница состоит в личности самого путешественника, который в 1838 году представляет собой солидного государственного чиновника, вовсе не склонного к тем же сентиментальным порывам, что и путешественник Карамзина.

Противопоставление «свой»/«чужой» в травелогe реализовано вполне отчетливо, в первую очередь, в построении маршрута и соответствующем делении «Писем» на части. Путешествие начинается с отъезда в Англию, первого пересечения границы, далее путешественник следует во Францию, затем в Германию и, наконец, возвращается домой, выполнив, таким образом, почти полный круг (повествование останавливается в тополе Малороссии). Англия и Германия оказываются значительно ближе для путешественника, чем Франция, что выражено даже в отнесении ее на

последнее место в названии, хотя по порядку следования это вторая страна, посещенная Гречем. Это объясняется воззрениями самого автора, крайне негативно оценивающего те события, которые происходили во Франции, в частности, считавшего, что французы сами разрушили свою страну. Об этом сделано предупреждение читателю и эта же мысль прослеживается в течение всего описания страны.

Стиль «Путевых писем» отличает это произведение от десятков подобных описаний заграничных путешествий, которые в большом количестве издавались в то время. Греч дает читателю широкий контекст своих наблюдений, рассказывая о политическом устройстве страны, архитектуре, традициях, одежде, разговорах, ценах, тюрьмах и прочем. Также для данного травелога характерна полифоничность, где есть и сухие отчеты, и исторические справки, и лирические переживания о Родине, и элегические вставки, связанные с ушедшими близкими людьми. Для всего Греч находит место и роль, создавая уникальное по звучанию произведение.

Отводя центральную роль путешественнику, Греч предоставляет слово и множеству других персонажей, которые тоже разделены по принципу «свой» или «чужой». Среди них попутчики, приятели или новые знакомые Греча. Обусловлено такое деление на «своих» или «чужих» в первую очередь близостью к русской культуре или схожестью во взглядах с самим автором. Отличительная черта «Путевых писем», сближающая их с романом, - предоставление голоса разным героям, да и само появление разных персонажей в тексте. В отличие от большого количества прочих путевых наблюдений, где попутчики скорее выступают элементом, зафиксированным документально наряду с временем отправления и маршрутом, в повествовании Греча персонажи имеют совсем другой характер. Попутчики, друзья, случайные знакомые встроены в систему представлений автора о «своем» и «чужом». Все они наделены голосами и судьбами, некоторые из

них полностью вымышлены, некоторые имеют реальные прототипы или даже списаны с ключевых фигур того времени (как, например, граф Талейран).

Сами страны в целом могут быть более или менее «своими» или «чужими», в зависимости от того, что в них наблюдает автор. Так, в Англии он восхищен работоспособностью и порядком, однако в описании отчетливо звучит мотив машины, на которые похожи сами англичане. Во Франции ведущая роль у мотива утраченного величия, также с Францией оказывается связан мотив игры и притворства. Германия представляет собой страну идиллического благополучия. Находясь в каждой из них, путешественник много пишет о России: о тоске по русскому слову, об оставленных друзьях, о любимом Петербурге.

ГЛАВА 3. ДОМИНАНТЫ КАРТИНЫ МИРА Н.И. ГРЕЧА

3.1. Язык в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции»

Доминанты или, как их называл Ф.П. Федоров, «трансцензусы» картины мира, представляют собой опорные структуры, на которые наслаиваются прочие элементы – образы, мотивы, темы, сюжеты и другие. Эти доминанты образуют смысловой каркас художественной картины мира. В картине мира Н.И. Греча такими доминантами стали язык, литература и театр. Выделение именно этих доминант связано, в первую очередь, с интересами Греча как исследователя и писателя. Греч гордился русским языком, превознося его над всеми остальными, считая, что именно русский язык прекрасен и выразителен. Он оставил богатое наследие как грамматист, причем разные его труды были рассчитаны как на студентов, так и на более искушенную профессорскую публику. Театр также интересовал его как зеркало культурной жизни города. В свое время он написал «Театрала» – краткий курс истории русского театра²²⁷. Театр, воссоздание жизни на сцене, очень интересовал Греча, посещавшего спектакли во всех местах, где побывал. Литература же была главной страстью, не зря неоднократно Греч называет себя именно писателем, не журналистом и не чиновником. Эти три элемента – язык, писательство и театр – выстраивают концептуальную сетку для рождения особого художественного мира, ярко раскрывшегося в «Письмах из Англии, Германии и Франции».

Интерес именно к языку как к инструменту понимания культуры, ментальности народа восходит еще к трудам В. Гумбольдта, который ввел такое понятие как «языковое сознание народа»²²⁸. Гумбольдт и его последователи рассматривали язык как антропологический феномен,

²²⁷ Греч Н.И. Театрал. Карманная книжка для любителей театра. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1853. 155 с.

²²⁸ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. С. 37-300.

бессознательное творение разума, наделяя язык способностью обуславливать мышление народа.

С точки зрения имагологии, язык наряду с бытом, привычным укладом жизни, пристрастиями, способом организации и освоения пространства, одеждой также служит способом познания «чужого». Д.-А Пажо писал: «Образ — это до определенного момента язык (язык о Другом), и в этом плане он естественно отсылает к реальности, которую он обозначает и называет»²²⁹. Также как образ «другого» служит языком его понимания, так и язык «другого» является частью его образа, причем немаловажной. В нем кроется разгадка, расшифровка его загадочной натуры. К «другому» можно приблизиться — научившись его языку.

Речь на иностранном языке сопровождает Греча в течение всей его поездки наравне с другими звуками. Первая часть «Писем» открывается следующими словами: «Итак я опять в Германии; опять слышу стук огромных фур по мостовой; слышу хлопанье бичом; слышу беспрестанное *jawohl* трактирных служителей...»²³⁰. Иноязычная, чужая речь не только наполняет улицы, появляется на вывесках и в газетах. Путешественник, человек зрелый и довольно известный, литератор, помимо этого служащий министерства финансов и отправившийся в Европу с официальной миссией, он то и дело встречается с людьми самыми разными. Случайные попутчики, лакеи в гостиницах, старые друзья и петербургские знакомые, известные персоны – все они носители того или иного языка.

Первая страна, которую осматривает Греч, - Англия. Английский язык он знает, однако считает себя человеком, который владеет им недостаточно. В Лондоне путешественник нанимает лонлакея-француза именно затем, что

²²⁹ Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle // Synthesis. Bucarest, 1981. VIII. P. 171.

²³⁰ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 1.

сам не умеет «объясняться» по-английски, а лакей, в свою очередь, английским владеет превосходно.

«Письма» изобилуют специфическими наименованиями на языке описываемой страны, многие фразы Греч дублирует по-английски, на слух он легко способен отличить один вариант английского от другого. «Нас сидело в карете четверо: два чопорные англичанина, один немец путешественник и я. Немец разговорился со мною. По произношению его я тотчас заключил, что он иностранец, хотя долго жил в Англии, и говорил по-английски очень чисто. Вы спросите, как я, сам едва понимая по-английски, могу судить об этом. А вот как: если я хорошо понимаю человека, который говорит по-английски, то заключаю, что он говорит плохо, как иностранец, неуверенный в своих силах; когда же не могу различить слухом ни одного слова, безошибочно решаю, что он говорит по-английски чрезвычайно хорошо. Истинное английское произношение похоже на орфографию, как счет архитектора на первоначальную его смету»²³¹.

В Англии он предпочитает объясняться по-французски, неоднократно подчеркивая свое якобы «незнание» английского языка. «... если б я умел свободно говорить по-английски! Тогда я посетил бы Манчестер, Бирмингам, Ливерпуль, поэтическую Шотландию; отыскал бы людей, которыми, по справедливости, гордится Великобритания. На французском же языке, там далеко не уедешь»²³². Таким образом, для того, чтобы как следует прочувствовать то, что, по мнению Греча, является настоящей Великобританией, нужно в полной мере владеть английским языком, хотя Греч знает его довольно сносно. Он делает меткие наблюдения, в диалогах реплики собеседников приводит на английском языке. «... я не англоман, читаю английские книги и газеты, но не знаю английского языка так, как бы

²³¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 164-165.

²³² Там же, с. 183.

мне хотелось знать его; ...напротив, французский язык знаю основательно, говорю по-французски довольно бегло и чисто, так, что иногда меня принимают здесь (*прим. – во Франции*) за француза»²³³. Если английский язык и британская культура слиты для него воедино, то с французским языком ситуация иная.

Знание французского языка в то время служило признаком образованного человека, и не только в России. Попутчики Греча на корабле – «люди с образованием, учтивые, знакомые с разными языками»²³⁴, объясняется он с ними по-французски. Дама, показавшаяся Гречу необыкновенно приятной и наверняка принадлежащей к хорошему обществу, также ведет с ним беседу на французском языке. В Дувре он останавливается в опрятном и дорогом отеле, где почти вся прислуга говорит по-французски.

Французский язык имеет несколько расширенные «функции», являясь не только зеркалом французской культуры, народного сознания, но и маркером, определяющим человека благородного. Он воспринимается Гречем в отрыве от собственно Франции, о которой он на страницах «Писем» высказывается довольно неприятно, подготовив даже небольшое «оправдание» нападок на современную ему Францию в предисловии.

Наибольший интерес для него представляют люди, способные побеседовать с ним на русском языке. Таких собеседников Греч описывает исключительно с положительной стороны, ведь русская речь и русское слово являются для него настоящими сокровищами, особенно вдали от Родины.

«Самую приятную беседу нашел я в разговорах с Бароном Л., которого дотоле не знал лично. Почтенный Барон, пробыв в России года четыре,

²³³ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 218.

²³⁴ Там же, с. 4.

выучился в совершенстве русскому языку, прилежно занимался нашею литературою, и читал все, что выходит у нас достойного внимания»²³⁵.

Любовь к родному языку происходит из любви к своей Отчизне, родной стране, ее культуре. Греч, сам будучи горячим патриотом, весьма уважительно отзывается о тех, в ком видит проявления патриотизма. В Англии на Спиттельфилдском балу о танцах, одеяниях он высказывается без особого восхищения, сравнивая их с петербургскими балами и блеском русских мундиров. Однако нечто ему понравилось: «... в продолжение с лишком двух часов не слышал я ни одного не английского слова. Все благовоспитанные англичане знают французский язык, но все и всегда говорят по-английски. В этом желательно было бы, чтобы они нашли подражателей»²³⁶.

Не только любовь к языку, но и отличное знание его является признаком образованного человека. Очередной попутчик Греча перечисляет свойства истинного английского денди и сообщает следующее: «Наконец, третье отличие джентельмена есть чистота, правильность и благородство языка, избегание всех выражений не только низких, грубых, площадных, но и не принятых господствующею модою. Беда члену парламента, который как-нибудь, в жару импровизации, обмолвится площадною фразою, или словом неупотребительным в хорошем обществе, или даже произнесет это слово не так, как принято! Протяжное произношение шотландца, твердый выговор ирландский, замена w буквою v (обычай лондонского простонародья), или употребление любимого слова американцев mighty (вместо very) – вот подводные камни, которых со страхом избегает всякий истинный джентельмен»²³⁷.

²³⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 4.

²³⁶ Там же, с. 135-136.

²³⁷ Там же, с. 170-171.

Все русское, прочно занимая главное место в сердце писателя, проникает даже сквозь иноземное. Так, находясь в Германии, Греч сообщает, что он остановился в лучшем отеле – Hotel de Russie (Русском отеле). Во Франции ему посчастливилось встретить поразившую его женщину – настоятельницу монастыря госпожу д'Авена, чьи родственники когда-то бежали в Россию и нашли там приют. Она старалась сохранять знание русского языка, переводила Историю Карамзина.

Русское слово производит на Греча совершенно магическое воздействие: оно лечит, успокаивает. Предмет беседы порой не имеет для него никакого значения, если сама беседа проходит по-русски. В русском посольстве в Берлине он разговорился с первым секретарем. «С самого Франкфурта толковал я только по-немецки, спорил по-немецки, шутил по-немецки, и даже бранился по-немецки. Если б вы знали, как последнее неловко!»²³⁸.

Интересно, что Греч, дедушка которого был немцем, воспринимает немецкий язык как чужеродный. Путешествие по Германии представляет собой посещение разных по характеру и настроению земель. Где-то Греч предается мечтам, наблюдая пасторальные картины, где-то он впадает в уныние. Греч упоминает противостояние немецкой и чешской культур. «Воспитанные Богемцы не охотно говорят по-чешски, и употребляют язык немецкий, так, как у нас франты говорят по-французски. Вельможи совершенно было обгерманились, и только в недавние времена, как я сказал выше, обратились к отечественному языку, литературе и истории»²³⁹.

Немецкий язык, представленный диалектами, разнообразен и в жизни, и на сцене. Греч сетует, что не может насладиться игрой актеров в Германии,

²³⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 219.

²³⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 21.

так как не понимает того диалекта, на котором они говорят. «Народный язык в Баварии самый грубый, и произношением и выражением. Букву а выговаривают здесь, как о; у как ю, и т.д. Вместо: *ich kannnicht* (не могу), говорят: *imoognit*; вместо: *ich weiß nicht* (не знаю): *iwaßnit*. Mogensmi? Значит: *Mögen Sie mich* (т.е. любите ли меня)? Шнапс значит не рюмка водки, как в Северной Германии, а тотчас. Встречается много сравнений со свиньею, с хвостом, и т.п.; например: *Generalschwein*, *Sauschwanz*. Муж подбивает жену пивом: *No! willft (&), Sauchwanz!* Вместо: «богат, как Крез», говорят: «богат, как свинопроводец!»²⁴⁰.

Взаимное проникновение русского в иностранное, а иностранного в русское можно неоднократно заметить на страницах «Писем». Иностранцы – немцы, французы, – говорящие по-русски и, что вызывает немедленную горячую симпатию Греча, любящие русский язык, встречаются путешественнику повсеместно. Однако и сам Греч, владеющий всеми тремя языками (английским, французским и немецким) также через свои книги и статьи словно прорастает в чужое пространство. Он неоднократно упоминает свои книги, хвалится перед попутчиками их переводами на другие языки. Одобрительно высказывается о переводе на немецкий его статьи об изучении языков, приводя отрывок из нее. Язык он называет «стройным, согласным в разнообразнейших частях целым», «несметным роем звуков, служащих орудием к изображению чувствований и мыслей человека».

Н.М. Карамзин, реформатор русского языка, а также своеобразный предшественник Греча в жанре литературного путешествия, также считал способность выразить тонкие оттенки главным свойством языка. «Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выражаемых оным. Богатый язык тот, в котором вы найдете

²⁴⁰ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 86-87.

слова не только для означения главных идей, но и для изъяснения их различий, их оттенков, большей или меньшей силы, простоты и сложности. Иначе он беден; беден со всеми миллионами слов своих»²⁴¹.

Интересно, что и здесь проявляется новаторство Греча – он использует диалог для идентификации говорящего (определяемой выбором языка), а также для сближения с условным «другим», т.к. в диалоге Греч может уподобляться собеседнику, переходя вслед за ним на другой язык, копируя его слова и даже манеру речи. И.С. Юхнова, исследуя поэтику диалога в прозе Лермонтова, указывает: «Герои изливали свою душу в диалоге: объясняли свои чувства, мотивировали поступки. Они были открыты собеседнику, но в общении все же оказывались сосредоточенными на себе... Кроме того, диалог использовался как иллюстрация. В прозе Карамзина (в «Письмах русского путешественника», в частности) был представлен такой тип диалога»²⁴². Можно утверждать, что диалоги Греча значительнее, чем это было принято в традиции современной ему литературы путешествий, где авторы прибегали к диалогу лишь для обмена информацией.

Греч путешествует не только физически, перемещаясь с одного материка на другой, передвигаясь на кораблях, в каретах, дилижансах и прочем транспорте. Посредством другого языка он перемещается в другую культуру. Именно поэтому он так радостно принимает тех иностранцев, кто говорит по-русски – ведь это такие же путешественники, как и он. Они для Греча – гости, через язык посетившие его родную и любимую Россию.

Однако попадая в другую страну, он и сам испытывает влияние чужого языка и словно бы становится таким же французом, немцем, англичанином. Язык обладает такой силой, что способствует слиянию с чужой культурой,

²⁴¹ Карамзин Н.М. <О богатстве языка> // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 томах. М.; Л.: Худ. лит. литература, 1964. Т. 2. С. 142.

²⁴² Юхнова И.С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова: Монография. Нижний Новгород: изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 126.

заставляя мыслить и действовать по-другому. В Англии Греч упоминает о том, что и сам становится неким механизмом, подобным жителям той страны, подчиняющим все на свете четким правилам. И только Франция влияет на него менее всего. Возможно, дело в том, что французский язык для Греча (как и для любого образованного человека в то время) уже не совсем иностранный. Возможно, закрытость автора от французской культуры во время поездки объясняется идеологическими мотивами. Ярый противник революционной жестокости, приведшей, по его мнению, к гибели страны, Греч с удовольствием предается грусти в Версале, но не может «вжиться» в современную ему Францию.

Написав «Письма» в 1838 году, Греч словно предвосхитил дальнейшее развитие лингвистической культурологии. Именно так он воспринимает язык: это и носитель культуры (сожаления Греча о плохом знании английского и невозможности понять и познать Англию), и инструмент культуры. Греч с удовольствием «пробует» новую страну, уклад жизни. Открываясь другой культуре, пользуясь другим языком, он словно примеряет жизнь каждой страны, пытается увидеть то, что в современной лингвистике называется «языковой картиной мира». Он полностью следует современным рекомендациям: погружается в языковую среду, пытается понять национальную специфику взглядов в каждой стране, постичь национальную картину мира.

Речевая характеристика героев-иностранцев, а также героев-представителей своей родной культуры особенно показательна, так как речь является способом самопрезентации персонажа. Прямая речь не искажена ничем, сообщает ровно то, что хочет сообщить герой.

Европа для образованного петербургского чиновника и писателя, занимающего не последнее место в обществе, разумеется, не была *terra incognita*. Греч знал языки, неоднократно выезжал за границу и просто имел

множество знакомых и друзей из других стран. Тем не менее, в «Путевых письмах» он часто противопоставляет русское и не-русское: английское, французское, немецкое. Непосредственное столкновение этих разных культур происходит при живом, личном общении.

Большое значение имеет то, на каком языке говорят персонажи. Неоднократно сам путешественник подчеркивает особую роль русского языка. Любой его носитель наделяется чертами, выгодно отличающими его от других персонажей, не говорящих по-русски. Русское слово лечит, утешает. Иностранная речь, напротив, заставляет вспомнить о том, что он находится на чужой земле.

Так, отправляясь в Англию, автор прощается с прежними попутчиками и родной речью. В гавани он садится на корабль. «From the Countess of Lansdale? спросил меня с припевом учтивости английский матрос. Yes! отвечал я, стиснув зубы»²⁴³. Гречу физически неприятна иностранная речь, точно так же, как и русский язык может немедленно вернуть ему хорошее самочувствие.

В тех нечастых случаях, когда автор представляет читателю непосредственно свои диалоги с друзьями или попутчиками, мы можем судить о том, как его собственная речь, лишенная рефлексии, характеризует его самого.

В Англии он часто использует глаголы в повелительном наклонении, призывы к действиям, восклицания-побуждения. «Едем! Скачем!». «Что мы будем делать сегодня?» - спрашивает Греч совета у своего английского приятеля. Тот предлагает ему отправиться осматривать лондонские больницы. «Нет!... идти в больницу так, из одного любопытства – никак не решаюсь»²⁴⁴. Он демонстрирует себя решительным человеком действия. И в

²⁴³ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 30.

²⁴⁴ Там же, с. 84.

этом Греч похож на своего же английского знакомого Аллана (ср.: «Пустое!» воскликнул вошедший в комнату Аллан... «Вам нечего там делать». Или: «Нет, сударыня!» отвечал я со всею искренностью.

Сами англичане часто высказываются довольно резко и кратко. Другой знакомый Греча, Вудборн, «исправный и аккуратный, как секундная стрелка», очень расстроен тем, что путешественник получил еще одно приглашение на намеченный день. «Досадно! Закричал он: да разве ваш министр не мог позвать вас на другой день!», «Откажитесь! Отвечайте, что вы отозваны!» закричал англичанин в пассиве.... О, о, о! захрипел англичанин»²⁴⁵.

Путешественник сравнивает англичан с движущимися механизмами, машинами. И речь их, лишенная украшений, состоит из высказываний довольно кратких и емких.

Там, где француженка выразилась бы более пространно и изысканно, англичанка очень прямолинейна. «Врет!» сказала мне спутница моя по-английски»²⁴⁶, когда французская торговка пыталась разжалобить покупателей рассказами о муже, находящемся на войне.

Греч много общается с графом Поццо ди Борго, к которому относится с необыкновенным почтением вследствие его статуса, титула и мудрости. В его речи много сложных предложений, состоящих из небольших, ритмичных отрезков, как и речь самого Греча. Он использует большое количество эпитетов, особенно парных. Интересно, что все собеседники автора, особенно те, которые жили какое-то время в России или знакомы с русской культурой, знают русский язык, выражаются в сходной манере. Например: «Трудно жить мне в этой туманной, дымной атмосфере». «Государь меня

²⁴⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 154.

²⁴⁶ Там же, с. 195.

балует: я получил отпуск на три месяца, могу ехать куда хочу, но не смею»²⁴⁷.

Во Франции на пути в Версаль спутниками Греча становятся пожилой господин, господин средних лет и молодой человек. У них завязывается разговор о бывшей резиденции французских королей. Товарищ Греча по поездке в Версаль огорчается, что не успел ничего узнать об истории Версаля.

«Я могу служить вам в этом случае, молодой друг мой, сказал ему приветливо старик..»²⁴⁸. Рассказ старика больше похож не на повествование об исторических событиях, а на сказочную, волшебную историю. В ней присутствуют и злая нетерпеливая королева, мать Людовика XIII, хладнокровный кардинал Ришелье, злой враг кардинала, сам король. Рассказчик говорит «с кроткою улыбкой», периодически вздыхает, глаза его наполняются горькими слезами.

Обилие эпитетов, особенно парных, риторические вопросы и восклицания, экспрессивная лексика (жертва злого обмана, удалось выманить, великий обитатель, благодатная царская власть, славная Французская монархия), обращения к слушателям (Вообразите, Послушайте..), длинные периоды, сложные предложения, отличают речь пожилого господина.

В начале повествования его рассказ больше похож на легенду. В качестве обоснования своих слов старик приводит следующие доводы: «есть предание», «сказывают». По мере приближения к более поздним временам его речь насыщается фактами, цифрами, однако не теряет своей сказочности.

Сам Людовик XIV получает от рассказчика такую характеристику: «... в больших собраниях говорил мало, но всегда обязательно, никогда не

²⁴⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 172.

²⁴⁸ Там же, с. 3.

употреблял обидных выражений, даже если упрекал или наказывал. Он никогда прямо не отказывал: скажет тихо *jeverrai*, учтиво поклонится и только»²⁴⁹.

Речь персонажей, принадлежащих к высшему сословию, характеризуется более сложными конструкциями, изобилует вводными словами, красочными и эмоциональными описаниями. То же можно сказать и о речи самого путешественника. Он изъясняется фразами, несколько похожими на стихотворные строфы, настолько они организованы ритмически и часто насыщенными экспрессивными описаниями.

В его речи находим множество восклицаний, риторических вопросов, предложения часто заканчиваются многоточиями. «Сколько раз случалось мне видеть, что умные, воспитанные, любезные люди займутся беседою; кажется, тут и пойдет разговор приятный, острый, занимательный. Вдруг раскроют зеленые столы, поставят свечи, распечатают карты, и умнейшие, любезнейшие из собеседников (Увы! И из собеседниц!) бросятся как Фарон в Черное море»²⁵⁰.

Сам Греч был человеком весьма темпераментным, склонным к горячим и поспешным действиям. Однако в споре с Г. Вареном в Париже о запрете на образование крепостных именно француз изображен вспыльчивым и недогадливым. «Согласитесь!» - неоднократно взывает он к Гречу, доказывая жестокость такого закона. «Помилуйте!» возопил Варен: а если мой крепостной человек получил от Бога необыкновенные дарования, благородное стремление к просвещению, возвышенную душу! Как мне, при этом постановлении, образовать его! Невозможно». Автор же отвечает ему спокойно и деловито, вразумляя собеседника. «Этот закон справедлив и необходим: он истекает из святого правила, что всякий человек должен быть

²⁴⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 10.

²⁵⁰ Там же, с. 115-116.

воспитан по своему званию и положению в свете». Обстоятельные речи Греча убедили пылкого Варена. «В самом деле! сказал Варен: а я и не догадался!»²⁵¹.

В Германии путешественник отмечает значительные отличия между диалектами немецкого языка, а также любовь к использованию народного наречия. «Все образованные люди говорят хорошо по-немецки, но в сердечных излияниях смахивают на язык народа»²⁵². Греч отмечает, что каждое наречие так или иначе отражает и характер людей, живущих там. Так, австрийцы любят добавлять словечко *halt*, использовать в различных ситуациях *Kuss Hand*, что может обозначать восторг, радость и даже уныние.

По сравнению с французскими аристократами, немецкие представители высшего сословия используют фразы более короткие и простые. (Ср.: «Вы, конечно, сами писатель?... В воскресенье еду я в свои поместья, в Венгрию», - говорит Гречу дама, с которой он познакомился в Придворном театре). Однако и они ритмичны и изобилуют эпитетами. Князь Меттерних: «У нас добро зреет медленно, но прочно. Мы не любим хвастать, кричать, печатать... Народ счастлив, спокоен, доволен»²⁵³.

Речь самого автора остается плавной, состоит из сложных предложений. Особенности речи персонажей, присутствующих в повествовании, очевидно заметны и ожидаемы. Слуги, простые люди, если и получают речевую характеристику, то только в виде коротких, из двух-трех слов состоящих высказываний. Высшее общество, которое Греч считает достойным своего внимания, выражается всегда развернуто, даже поэтически.

²⁵¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 132.

²⁵² Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 141.

²⁵³ Там же, с. 167.

Англичане более склонны к императивам и побуждениям, французы - к пространным описаниям, немцы - к более коротким, по сравнению с прочими, фразам. Речь персонажей является отражением восприятия их самим путешественником. Англичане представляются ему элементами движущегося механизма огромной машины. Долгие разговоры им не свойственны. С Францией связаны особые переживания Греча. Это страна, пережившая революции и находящаяся не в самом лучшем положении. Поэтические описания и пространные разговоры дают возможность воссоздать былую красоту и величие страны. В Германии приземленный образ жизни, напротив, приводит к высказываниям более кратким.

Любопытны и перемены, происходящие с речью самого автора. В Англии он становится немного англичанином сам, и также прибегает к резким замечаниям. Во Франции, как нигде больше, авторская речь изобилует эмоциями, что приводит к длинным фразам, усложненным конструкциям. Также именно во Франции Греч активно использует в речи все известные ему языки, смешивая их чаще, чем в других местах. Франция – особая боль путешественника, ярого сторонника монархии.

Речевая характеристика героев отражает видение их путешественником. Однако для того, чтобы понять, Греч, находясь в чужой для него среде, сам адаптируется, обживает и присваивает ее себе, в том числе и через речь. Его фразы то короче, то длиннее, то более эмоциональные, то более импульсивные. Сам путешественник выступает зеркалом образа чужого. Он принимает некоторые черты чужой культуры, транслируя в эту же культуру уже свой измененный образ. Речевая характеристика служит средством создания образа «другого», а также способом демонстрации рецепции другой культуры автором.

3.2. Театр и мотив театра как отражение реальности

Будучи писателем, большим ценителем прекрасного, Греч уделял внимание не только практическим сторонам жизни страны и города, но и всегда отмечал культурную, духовную жизнь. В каждом крупном городе Греч посещает театры и подробно описывает свои впечатления.

Театр как вид искусства, служащий отражением действительности, сложно отделить от общества, которое его создает. История национального театра, его развитие, периоды расцвета или упадка прочно связаны с историей народа и судьбой страны.

Л. П. Гроссман в исследовании «Пушкин в театральных креслах» указывает на небывалую популярность театра как развлечения в начале XIX века²⁵⁴. Публика представляла собой смешение классов, титулов и званий. Наличие небольшого количества бесплатных мест приводило туда самые бедные слои населения. Актеры и в особенности актрисы были вовлечены в светскую жизнь, развлечения, интриги. Театр был больше, чем просто вид искусства – он являл собой целую сферу жизни, где зрители демонстрировали свое общественное положение, знаки отличия.

XIX век – период расцвета русского театра. Вопросы драматургии и сценического искусства прочно входят в круг интересов таких современников Н.И. Греча – А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.М. Загоскина, В.П. Катенина и др. Исторические события начала столетия объясняли интерес к патриотическим произведениям для сцены, театр становится все более самобытным, не просто подражанием и копированием западных образцов. Греч, как известная фигура и видный общественный деятель, не мог оставаться в стороне от театральной жизни. Он выступал с критикой произведений для театра, изучал историю этого вопроса в России.

²⁵⁴

Гроссман Л. Записки Д'Аршиака. Пушкин в театральных креслах. М.: Худ. лит., 1990. 462 с.

В издаваемом им журнале «Сын Отечества» неоднократно появлялись заметки о произведениях, написанных для сцены, о театральных постановках. В 1820-х годах, будучи вовлеченным в идеи декабристов, Греч предоставлял журнал для жарких литературных и театральных споров. В «Театрале»²⁵⁵ Гречем дан обзор истории русского театра, его становления, подробно рассказано об актерах, входящих в труппы современных Гречу театров, описано устройство зданий, сцены.

Национальный театр представляет собой сложную систему, не ограничиваясь только сферой искусства: это и создание условий для появления новых пьес, традиции театральной школы, производство спектаклей. Театр способен влиять на общественное мнение, формировать сознание народа. К этому времени уже сложились традиции национальных театров. Так, например французский театр ассоциировался с большей каноничностью и приверженностью традициям, в то время как английский театр позволял большую естественность и органичность.

Посещение театра в Лондоне – удовольствие особое. Греч приводит слова некоего французского путешественника: «Англичанин только в двух случаях надевает башмаки, когда идет в оперу или на виселицу»²⁵⁶. В театр пускают только тех, кто одет во фрак, аккуратно. Цены, особенно на места в партере с креслами, довольно высокие, не обходится и без некоторых спекуляций: стоимость билетов в театральных кассах и в музыкальных лавках различаются. Устройство Итальянского театра Греч считает неудачным: тяжелые занавески, которыми украшены ложи, скрадывают звук, проходы тесны, сами ложи скрывают посетительниц. Стремление англичан к обособленным, тесным пространствам сказалось и на устройстве театра.

²⁵⁵ Греч Н.И. Театрал. Карманная книжка для любителей театра. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1853. 155 с.

²⁵⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 120.

С упоением путешественник слушает волшебные голоса итальянских артистов: Джулию Гризи, Рубини, Тамбурины; из театра он выходит, «полный сладостных ощущений». Однако по прошествии некоторого времени Греч размышляет об устройстве театра, и оно ему не нравится.

Состав артистов неровный, две-три знаменитости и довольно посредственные певцы. В целом постановки небогатые. «Декорации посредственны. Хоры жидки»²⁵⁷. Английский театр значительно уступает русскому: «У нас великолепно, полно, живо; здесь бедно, тоще, слабо... Где рассуждает спекуляция, там безмолвствует изящное»²⁵⁸.

Считая, что англичанам в принципе недоступны искусства, Греч иронизирует над их любовью к театру: «... не довольствуются одной оперой, им давай еще балет»²⁵⁹. Лучшая танцовщица – француженка, а вовсе не англичанка. Из балета «Беневский» дают только первый акт, значительно урезав сюжет. Сцена украшена русскими флагами, изображен вид на здание Сената и памятник Петру, сама музыка наполнена русскими мотивами. Мадмуазель Дюверне публика осыпает аплодисментами, а сын богатого пивовара – гинеями.

Что касается других английских театров, Греч пишет, что там не было ничего достойного. В Друриленском театре некоторые фарсы были представлены между пением немецкой актрисы Шредер-Девриент и танцами Тальони вместо антрактов. Также он отмечает французские постановки в Геймаркетском театре с прекрасными Женни-Верпре и Лафоном.

Греч делает неутешительный вывод о том, что театры в Лондоне страдают «от расчетов и корыстолюбия вольных содержателей. Эти люди совершенно чужды всему изящному, великому, благородному: они знают

²⁵⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 124.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же.

только один тон, производимый ударением гиней о гинейю»²⁶⁰. Артисты не получают оговоренного жалованья.

В отличие от англичан, людей практичных и расчетливых, французы по натуре своей склонны к театральности и импровизации. «Франция есть страна драматическая по превосходству: в ней театры составляют существенную часть житейского быта; она и сама есть театр всенародных игрищ, то смешных, то кровавых»²⁶¹. Греч, несмотря на то, что летом лучшие артисты в отъезде, а также на общую свою «невеселость», посещает Большую оперу, где дают «Гугенотов». Музыка написана превосходно, однако она не трогает Греча, в отличие от произведений Моцарта, Глинки. Он приводит слова одного немецкого писателя, который говорит, что эта музыка, пусть и талантливо написанная, страдает «от какого-то беспокойства, никак не может устояться»²⁶². Она рождает ощущение горячки, толчков, побоев. Да и сам сюжет Гречу не нравится: ужасные страницы истории преследования протестантов католиками не должны становиться, по его мнению, предметом для театральной постановки. «Театр должен быть орудием образования, усовершенствования народного, а не распаления низких страстей, или представления предметов священных в превратном виде»²⁶³. Из певцов Греч отмечает Дюпре, Фалькон. Балет занимает почетное место в театре Большой оперы (Гранд-опера), на сцене блистают Тальони, Фанни Эльслер. Однако в целом театр этот клонится к упадку, молодых исполнителей мало, старики дряхлеют, как и сама сцена, где хоры и кордебалет наполнены «вольнонаемными крикунами и плясуньями».

²⁶⁰ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 124.

²⁶¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 96.

²⁶² Там же, с. 98.

²⁶³ Там же.

Отсутствие школы и нерадение администрации театра о будущем неизменно приведут к его падению.

Французская Комическая опера представляла лишь одну интересную постановку: «Посланницу» Обера. Впрочем, и в этом театре помимо главной исполнительницы Даморо-Чинти все сплошь посредственности. Во Французском театре Греча поражает игра актрисы Марс – он отмечает неподражаемую игру, особое ее дарование. Также хвалит новую пьесу Лафона «Неизвестное произведение гения» о страданиях талантливого скульптора. Французский театр клонится к закату. Как и в целом в рассказах Греча о Франции, в главе, посвященной французскому театру, возникает тема уходящего прошлого и неизвестного будущего. Нет молодых талантливых исполнителей, нет перспективы.

Не только французская сцена страдает из-за ухода талантливых актеров. Берлинский театр незадолго до поездки Греча, в 1832 году, пережил утрату блистательного Девриента, который скончался не от болезни или несчастного случая, а просто-напросто спился, что Греч считает весьма прискорбным. Несмотря на то, что равного ему дарования не появилось еще на берлинской сцене, труппа берлинского театра вполне достойно представлена неплохими актерами и актрисами: Ротт, Рютлинг, Шнейдер, Ган, сестры Штих. Немецкая труппа по-немецки добропорядочно относится к своей работе: «занимаются своим делом усердно и добросовестно: собираются в известные дни, беседуют о своем искусстве, сообщают друг другу свои замечания, читают критические статьи в журналах и новые пьесы, спорят, сердятся, мирятся, и потом – играют прекрасно»²⁶⁴.

Познакомившись с актером Шнейдером, Греч удивлен его интересом к русскому языку и культуре. Немец перевел в прозе «Горе от ума» А.С.

²⁶⁴ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 228.

Грибоедова, при этом он учел многие тонкости: перечислил требуемый реквизит, объяснил особенности произношения имен, описал костюмы. Такая тщательность, по мнению Греча, не помешала бы и в русском театре при постановке иностранных пьес.

Театр в Карлсруэ «тесен и неопрятен», удивляет Греча то, что мужчины занимают места в ложах, а дамы – в партере, прибывая в театр и уходя из него без провожатых. «Театр в Германии не есть публичное торжество, - пишет Греч, - *forum*, как во Франции, где и актеры, и зрители действуют на позорище: здесь это тихое, как бы семейственное собрание, в котором (в некоторых городах) дамы пьют чай и вяжут чулки». Вообще театры в Германии довольно дешевы, что способствует их популярности.

В Дрездене Греч видится со своим старым знакомым – Людвигом Тиком, на тот момент драматургом Дрезденского театра. Тик устраивает литературные чтения у себя, на одном из вечеров побывал и Греч. Слушали «Принца Гамбургского» Г. Клейста, читал Тик превосходно. Дрезденские постановки Греч называет классическими для всей Германии, репертуар для них отбирает Тик, он же прослушивает актеров, помогает им советами. «Занимаются своим делом», - говорит Греч о берлинской труппе. То же и в Дрездене: «исполняют свое дело с умом, искусством и талантом»²⁶⁵. О роли Осипа в драме «Исидор и Ольга» Греч пишет так: «лучшие актеры Германии изучают его рачительно, и стараются представить во всей точности»²⁶⁶. Несмотря на определенную рассудочность и приземленность, присущую, по мнению Греча, этой нации, дрезденская труппа удостоилась его похвалы.

Оперу в Дрездене Греч называет посредственной. Он пишет: «В Германии музыка процветает: ее композиторы стоят на первой степени; исполнители инструментальные также мало находят себе подобных; есть

²⁶⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 273.

²⁶⁶ Там же.

прекрасные голоса, рачение в постановке и исполнении опер примерное, но петь немцы и немки вообще не умеют»²⁶⁷.

В Праге Греч случайно становится свидетелем разговора двух театралов об актере Зейдельмане, весьма талантливом и знаменитом. Один из собеседников высказывает мысль, что жизнь актера не ограничивается только лишь сценой, и даже только лишь своей эпохой. Актер способен влиять на общественное мнение, на литераторов – создавая те или иные образы, на общественное мнение. Так, например, Гаррик открыл новую эпоху английского театра. Однако Зейдельман «играет прежних героев, возобновляет их в нашем воображении, но не находит новых, современных лиц, которые он, постигнув мысль поэта, мог бы передать потомству. Где достойное его поприще? Где литература, которая бы поддерживала, питала его гений? Теперь у нас все обветшало и ослабло. Поэзия улетела от скрипа политики; театр лишился своего достоинства. Он остался забавой праздной публики в долгие вечера: это уже не пантеон отечественных искусств и славы»²⁶⁸. Собеседники называют театры закопченными, с тусклым светом ламп, «где ложь и глупость спорят меж собой»²⁶⁹.

Бавария, по выражению Греча, - «предвкушение Италии». Там в Мюнхене стоит прекрасный театр с современной сценой и широкими возможностями для постановок. Имея несколько хороших артистов (Эслер, Дан), театр не блистает, «поотстал от других»²⁷⁰. Греч отмечает, что одну из опер – «Роберта» - можно смотреть и после того, как увидишь постановку петербургскую, что, несомненно, является высокой похвалой от такого патриота, как Греч.

²⁶⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 274.

²⁶⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 18.

²⁶⁹ Там же, с. 20.

²⁷⁰ Там же, с. 90.

В Вене Греч смотрит комические постановки, фарсы, водевили, отмечая несомненное превосходство венских театров над прочими немецкими. В Венской опере путешественник разочарован, балеты считает посредственными.

Германии Греч уделяет более всего внимания, соответственно, театры в Германии также освещены лучше и более подробно. Они же и оказываются наиболее приятными для Греча.

В каждой посещенной стране путешественник отмечает своеобразные черты, которые присущи именно этому национальному театру. Так, в Англии все подчинено законам здравого смысла, театр существует для прибыли, его первая цель – функционирование в качестве доходного источника платных развлечений для публики.

Сама идентичность путешественника как русского человека обуславливает особую «оптику» при исследовании театрального мира. Пристального внимания Греча заслуживает то, что так или иначе связано с его Родиной. Пьеса «Беневский», которую он смотрит в Англии, построена на русских образах. Автор музыки, Ф.А. Буальдьё, некоторое время сам провел в России и даже переписал свое произведение таким образом, чтобы оно стало более русским по звучанию. Да и сама история главного персонажа, Морица Беневского, связана с Россией. Встреча с переводчиком-немцем «Горя от ума» Шнейдером, поразившим Греча своим бережным отношением к чужой культуре, открывает читателю уважение самого путешественника к «другому», он сетует на русскую небрежность при переносе пьес в отечественные театры, тогда как необходимо быть особо осторожным и уважительным.

Также театр является и метафорой: сцены, разворачивающиеся перед путешественником, отчасти являются плодом его воображения, результатом его собственных ожиданий. Образы, мотивы, сложившиеся в устойчивые

представления о «другом», могут не иметь почти ничего общего с реальностью — как и театральная игра с реальной жизнью. Преображенная «вторая» реальность, воплощаемая в картине мира автора, подобна разыгрываемым действиям на театральных подмостках. Еще в самом первом путешествии, оказавшись в Германии, Греч пишет: «Точно будто я вошел в Михайловский театр, и поднялась завеса в Немецком представлении!»²⁷¹. Это субъективное видение «другого», сплетение старых и новых образов, стереотипов и фактов — ощущение и даже, скорее, ожидание Германии русским человеком. Именно поэтому театр — Михайловский, а представление — немецкое. «В глазах человека есть такие же разноцветные стеклышки, как на театральных закулисных лампах: внутренний свет лампы все тот же, но цвет всех окружающих предметов переменяется от того, сквозь какое стекло проходит первый»²⁷².

3.3. Писатель и путешественник в травелоге Н.И. Греча

Будучи писателем и издателем одного из самых популярных журналов России того времени, Греч не может обойти стороной тему литературы. Еще в первом своем путешествии - «28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию» - Греч не мог удержаться от того, чтобы не напомнить читателю о своих профессиональных успехах. Так, на пароходе «Александр» он предлагает свою помощь и сопровождение двум петербургским дамам: «Дамы эти... знали меня уже по Петербургу, но не воображали, чтобы человек, который написал грамматику и бранится в журналах, мог быть услужлив и учтив в обращении с дамами; они изумились, но приняли мое предложение с благодарностью»²⁷³.

²⁷¹ Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1837. С. 22.

²⁷² Там же, с. 47.

²⁷³ Там же, с. 18-19.

Незадолго до поездки, которая легла в основу «Путевых писем из Англии, Германии и Франции», в 1834 г., была опубликована «Черная женщина». Роман оказался воспринят публикой прекрасно, был очень популярным. Спустя четыре года в поездке Греч, как выясняется, не только не забывает дарить экземпляр книги знакомым, но и указывает на это в «Путевых письмах», напоминая читателю о романе, отводя в повествовании место специальным эпизодам, направленным на поддержание интереса публики к книге.

Свой визит в Вене к княгине Меттерних Греч описывает так: «У ней сидели барон Гюгель, славный путешественник, возвратившийся недавно с востока. Узнавши, что я писатель, она спросила, нет ли моих сочинений в переводе на французский или на немецкий язык, и я подал ей французский перевод моих Воспоминаний. Такие литературные визитные билеты служат лучше всяких рекомендательных писем: обыкновенно завязывается разговор, который по плечу и гостю, и хозяину»²⁷⁴. Интересно, что, представляя читателям барона Гюгеля путешественником, сам Греч путешественником себя не считает. Он – писатель, именно так он описывает себя, даже игнорируя тот факт, что в данной поездке он, в первую очередь, чиновник. О его государственной службе мы лишь догадываемся из посвящения Канкрину, а также из многочисленных знакомств Греча и того, что он легко входит в дом довольно влиятельных людей, всегда имея на руках многочисленные рекомендательные письма. Любопытен тот факт, что на встречу с самим князем Меттернихом Греч попадает именно благодаря рекомендательному письму, на встрече же дарит ему свою книгу, а уже для визита к княгине он обходится без писем, заявляя, что «литературные визитные билеты» служат гораздо лучше.

²⁷⁴ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 139.

Статус писателя наделяет Греча особыми полномочиями, он словно становится в позицию наблюдателя, имея гораздо больше преимуществ перед другими, обычными людьми. Именно в те моменты, когда нужно представиться в обществе или произвести благоприятное впечатление на новых знакомых, Греч – писатель. Тогда же, когда он выступает один на один с городом, он – путешественник. «Странное чувство возникает в душе всякого путешественника при оставлении всякого места, где он провел несколько дней»²⁷⁵, - пишет о себе Греч, прощаясь с Веной.

«Не знаю человека, который бы так любил свою отчизну, свое племя, свой язык, как Г. Ганка», - пишет Греч о пражском знакомом. «Его стараниями Богемия обязана открытием и сохранением многих драгоценных памятников древнего своего быта. Он говорит по-русски очень внятно и свободно, ошибаясь только иногда в ударении. И притом, какая скромность, какая простота в обращении, какое добродушие!»²⁷⁶. Идеал для Греча – нежно любить свою Отчизну, но притом испытывать интерес и уважение к другим. Патриотизм и широкий кругозор, образование, знание других культур делают таких людей приятнейшими компаньонами для автора.

В Теплице Греч упоминает об одном знакомом: «человек милый, благородный, образованный, любитель и знаток изящных искусств и - *conditio sine qua non* – русский, усладил своею беседою пребывание мое в Теплице, освежил душу, согрел мое сердце, и оставил в нем догробное воспоминание»²⁷⁷. Из текста не вполне ясно, что именно это за человек – далее Греч упоминает несколько имен, таких как Барон Фиркс, Модест Дмитриевич Резвый. Однако, это и не столь важно, самое главное качество определено национальной принадлежностью приятеля.

²⁷⁵ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 180.

²⁷⁶ Там же, с. 11.

²⁷⁷ Там же, с. 2.

Согласно современным Гречу правилам орфографии, он пишет национальности с большой буквы: «Русский», «Англичанин», «Немец», «Француз». Автор всего лишь следует принятым в то время нормам, однако именно у Греча такое написание смотрится особенно уместно, ведь национальная и культурная идентичность для него является определяющим свойством. Русскому человеку автор готов простить все, что угодно, принять любые его провинности и недостатки. Если новый знакомый относится к другой нации, следующий критерий для Греча – культурный. Относится ли встреченный им человек к миру искусства, насколько он образован, имеет ли он благородное происхождение. Слои за слоем Греч ищет в иностранце то, что он мог бы одобрить. Путешественник словно ставит перед собой задачу: в чужеземце отыскать родное, в «другом» - увидеть себя.

Так он описывает поездку из Теплица: «Со мною ехали один молодой лейпцигский купец, одна пожилая дама и одна девушка, неважного звания, но с хорошеньким личиком – обе богемки или чехини. Я забавлялся во всю дорогу, спрашивая у них, как называются по-богемски разные предметы, действия и т.п., и радовался, находя близость с русскими словами»²⁷⁸.

Увидеть ту самую близость для Греча крайне важно, ему необходимо найти тонкий мостик или же тяжелый крепкий мост, через который он пройдет, сравнив два мира.

Вообще мост и в виде метафоры, и в виде предмета реального мира часто встречается в «Путевых письмах». Англия, поразившая Греча механизмами, и живыми в том числе, встречает путешественника шлюзами и мостами. Лондонским мостам Греч отводит в своем описании города особое место.

²⁷⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 2.

Забавный случай происходит с ним в Дрездене. «В первый день моего там пребывания, пошел я через мост. Вдруг останавливается передо мной один прохожий, и с улыбкой извинения, говорит: «Вы, сударь, конечно, иностранец?» - Виноват. А что так? – «Извольте видеть: у нас на мосту пешеходы держатся всегда правой стороны. Извините, пожалуйста, что я вас остановил этим замечанием». - Я усердно поблагодарил его за наставление, перешел на свою сторону, и с той поры решительно ее держался»²⁷⁹. Примечательно, что «своей» стороной в данном случае Греч как раз называет не свою, а «чужую» - именно в Дрездене принято ходить справа, но не в Петербурге, откуда и приехал Греч. Однако он с легкостью, «решительно» принимает правила «другого» - именно чтобы лучше понять и почувствовать его.

В Мюнхене Греч познакомился с Г. Тицем, немецким писателем, бывавшим в России и отзывавшимся о ней с уважением и благодарностью. «Как не гнать его за то? Это и исполняется со стороны юной и глупой Германии (Dummer-Jungen-Deutschland)». Там же в Мюнхене Греч с большой радостью упоминает о встрече с дорогими ему соотечественниками: «С искренним своим приятелем, бывшим сотрудником моим, Владиславовичем Максимовичем Княжевичем», был им встречен и Николай Дмитриевич Крюковской, «добрый знакомец». «Таким образом очутился я в приятном отечественном кругу, и не видал, как летит неудержимое время. Мюнхен, его здания, его предметы искусств, люди – все представлялось мне в радужном свете»²⁸⁰. Путешественник очень рад встрече с русскими приятелями, он даже называет их полные имена, тогда как иностранные знакомые порой удостаиваются лишь обозначения титула и фамилии – очевидный критерий степени знакомства и близости с определенным лицом.

²⁷⁹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 5.

²⁸⁰ Там же, с. 98.

Вечер с соотечественниками погрузил Греча в привычную ему среду, создавая «свой» мир внутри «другого», поэтому и «другой» видится совершенно «своим». Улицы города кажутся Гречу светлыми, сам город – любезным. Уезжая из Мюнхена, он испытывает искреннюю благодарность и сердечную грусть. Путешественник признается: «я ехал туда без больших ожиданий и надежд, и встречен был неоцененным приветом добрых и почтенных земляков, в их милом обществе проводил большую часть времени, их беседой, ласкою и дружбою услаждал свое сердце»²⁸¹.

Готовность путешественника вступить в диалог, неподдельный искренний интерес к представителям других стран независимо от их социального статуса, который может быть им измерен только со своей точки зрения, выгодно отличают Греча от остальных. В карете, следующей из Амштеттена, он встречает «олицетворенную Вену» - это «дородная, невысокого роста женщина, лет в сорок»²⁸². Женщина не образованна, принадлежит к невысокому сословию. «Ехавшие с нами пассажиры (не немцы), видя ее небогатую одежду, простые приемы, и слыша ее народное наречие, вздумали было обращаться с нею неуважительно; другие же, в том числе и я, приняли ее под свою защиту, и удостоились ее дружбы»²⁸³. В карете, полной пассажиров из разных стран, происходит непосредственное столкновение представителей разных миров. Поясняя «не немцы», Греч акцентирует внимание на том, как ведут себя разные путешественники. Открытость и дружелюбие, проявленные по отношению к этой женщине, «олицетворенной Вене», «другому» вознаграждены – Греч узнает от нее некоторые подробности о городе, о том, как обороняться от разбойников, избегает невыгодной сделки.

²⁸¹ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 84.

²⁸² Там же, с.110.

²⁸³ Там же, с. 111.

Дорога для путешественника всегда заканчивается возвращением к родной стране, реальным или мысленным. Будучи опытным и довольно непривередливым путешественником, Греч всегда отмечает степень комфорта в том или ином месте и городе, однако это не столько физический комфорт и телесные удобства, сколько факторы, влияющие на его самочувствие и эмоциональный комфорт. Мысленное возвращение домой, к петербургским знакомым, друзьям, родным, служит для путешественника надежным ориентиром, позволяющим правильно оценить и свое место в мире, и место «другого», давая новые силы и вдохновение.

Попадая в незнакомое место, Греч стремится максимально приблизиться к жизни самого города. Так, он старается обойтись без наемного слуги-проводного, прибегая к его услугам только в самых запутанных местах, старается говорить на языке той страны, в которой он находится, с удовольствием посещает цирюльников, рестораны, наблюдая за различиями. В Австрии он описывает особенности местного диалекта, а также отмечает свое желание перенять его. «Я старался подделаться под этот язык, и смешил купцов и магазинщиц. Вместо: *das gefällt mir nicht*, я говорил: *s'folllt mir holt nit*. Они видели желание мое беседовать с ними на их природном языке, и, в угодность мне, тотчас подавали требуемое, лучшего сорта»²⁸⁴. Может показаться, что для путешественника такая своего рода мимикрия – лишь способ создать для себя более выгодные условия, получить желаемое легче. С гораздо большей симпатией люди отнесутся к иностранцу, при том небедному господину, который пытается понять и освоить их язык и культуру. Однако, это не так. Такая открытость «другому» для Греча – признак человека образованного, открытого знанию. Недаром с таким удовольствием и даже любовью описывает он иностранцев, свободно

²⁸⁴ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 141.

говорящих на русском – языке, не являющемся необходимым средством общения в аристократических кругах. Упоминает путешественник и покойного австрийского императора Франца, который говорил на народном австрийском наречии и восхищал этим всякого.

Уподобление своей идентичности «другому», своеобразная трансформация, которая происходит в результате контакта с «другим», имеет место почти всегда. На выезде из Вены, перед заставой – на границе Вены и не-Вены, между одним миром и другим – коляска, где едет автор, останавливается, так как его попутчик хочет проститься со своими друзьями, провожающими экипаж до заставы. Греч выходит вместе с ним. «... и как иногда случается, что в драке невинному достаются побои, так мне, в этой суматохе, достались два пренежных поцелуя прекрасных дамских губ, назначенные, по всей видимости, моему новому спутнику»²⁸⁵. Греч сам не замечает, как словно бы превращается в своего компаньона, с которым делит коляску, венгерского художника Фонешича, и принимает объятья и поцелуи, предназначенные именно тому.

Появление на протяжении всего повествования персонажей, не принадлежащих только к одному миру, служит мостиком для перехода от одного мира к другому. Это иностранцы, которые уже немного свои, либо свои, уже немного чужие. Бывшие знакомые, уехавшие за границу и постоянно проживающие в другой стране, либо те, кто в юные и молодые годы учился в России и вернулся после на родину. Все эти люди характеризуются Гречем как исключительно приятные, образованные. (Справедливо будет заметить также и то, что Греч редко дает негативную оценку кому-либо лично, его выпады направлены на народ в целом, либо какие-то традиции, события или привычки). Такие персонажи, соединяющие

²⁸⁵

Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 182.

два мира, как правило, весьма образованы, принадлежат к высшим кругам общества. Среди них, например, граф Гоцце, встреченный Гречем в Вене у знакомых. Граф, любитель «славянщины», горячо желает познакомиться с путешественником, узнав, что тот является автором грамматики. Гоцце сообщает о своих русских корнях, настоящая его фамилия – Овчаревич, рассказывает о своем увлечении славянскими языками и историей славянских народов. Греч советует графу ехать в Россию, на что тот отвечает, что низкое жалованье в Петербурге не позволило бы ему проживать там, а дела семьи расстроены. Гоцце, с одной стороны, происходит из славянской земли, испытывает горячий интерес к русскому языку и культуре. Подаренную Гречем грамматику он внимательно читает и высказывает впоследствии интересные замечания. Однако он успел приобрести и новую идентичность – именно это новое, успевшее укорениться в нем ощущение «себя», не позволяет ему поехать в Петербург – граф чувствует ответственность перед своей семьей, которая в данный момент проживает не в России.

В Вене же посещает Греч и князя Меттерниха. Греч описывает его как человека весьма приятной наружности и манер: «Во всех его движениях, приемах и речах видны приличие, достоинство и простота большого барина и государственного человека. Говорит он ясно, медленно, как будто слушает сам себя»²⁸⁶. «Слушает сам себя» - на уровне одного персонажа раскрыт принцип поиска своей идентичности. Беседуя с Гречем, граф в то же время изучает самого себя, пытается понять, каков же он, как он звучит, как он может быть воспринят «другим». Путешественник упоминает, что «во французском его произношении слышен австрийский акцент» - известный не-любитель французов, Греч, скорее всего, был рад услышать австрийский

²⁸⁶ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 166.

выговор в речи князя. Несмотря на незнание русского языка, князь расспрашивает путешественника о нем, с удовольствием принимает Пространную Грамматику на французском, сетует, что так и не выучил ни один славянский язык.

Несмотря на изобилие исторических описаний, фактов, цифр, несмотря на то, что едва ли не четверть «Путевых писем» представляют собой исторические зарисовки либо цитаты других авторов, посвященных событиям прошлого, объективное не становится главным предметом изображения в «Письмах». Начиная с предисловия («Я так вижу, я так чувствую»), Греч на протяжении всего повествования продолжает утверждать свое право на субъективный взгляд. Мнение путешественника может быть предвзятым, он может находиться под влиянием сиюминутного, и совершенно этого не скрывает.

«Описывать ли Вену? Исчислять ли ее сокровища искусств, наук, истории и древностей! — Увольте от этого. Удовольствуйтесь кратким отчетом о впечатлениях, произведенных во мне тем, что я видел, слышал, чувствовал, мыслил в три недели пребывания моего в этом приятном, интересном городе»²⁸⁷. «Не требуйте у меня подробного, кудрявого описания красот и богатств знаменитого Фонтенбло: всякое место отсвечивается в глазах и в душе посетителя особенным цветом, незримым и даже непостижимым для хладнокровного читателя»²⁸⁸.

Баланс субъективного и объективного в «Письмах» всегда колеблется. Греч насыщает повествование таким количеством исторических зарисовок и технических характеристик, что порой складывается впечатление, что эти страницы принадлежат другой книге. Закончив сентиментальный

²⁸⁷ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. С. 116.

²⁸⁸ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. С. 53.

элегический абзац, полный чувств, тоски по родной земле, любимому Петербургу, Греч внезапно начинает рассказывать об устройстве Парламента или книгопечатного дела. Такая смесь жанров отличает «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча от прочих современных ему путешествий. Повествование кажется немного рваным, эклектичным, однако все эти кажущиеся разнородными части в итоге складываются в очень объемную и живую картину. Города предстают словно в многомерном измерении – мы видим вчера, сегодня и даже устремления в завтра. Это не просто описание поездки, не просто литературное путешествие, это попытка перенести самого читателя в новый мир, соединить его с «другим», создавая объемную и яркую картину.

ВЫВОДЫ

В картине мира Греча, исследуемой в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», возможно выделить те элементы, которые составляют и поддерживают ее идейную целостность, позволяя автору реконструировать для читателя увиденную реальность. Такими доминантами в данном травелоге являются язык, театр и литература.

Язык выступает не только инструментом понимания народной ментальности, но и посредником, мостом между двумя мирами. Сам путешественник легко переходит с одного языка на другой, перемещаясь не только в физическом, но и в лингвистическом поле. Он старается максимально точно воспроизводить местное наречие, внимательно вслушивается в разговоры, перенимая манеру общения, отдельные слова. При этом те, кто знают русский язык и способны на нем читать и говорить, немедленно занимают особое место в сердце Греча. Язык часто выступает поводом для сближения, при этом Греч часто делает первый шаг навстречу «другому». Он и в речи старается подражать приятелям и попутчикам, строя похожие фразы или выбирая те же слова.

Неслучайно одной из доминант оказывается театр. Несмотря на солидные должности, занимаемые Гречем в Министерстве финансов, он всегда был страстным любителем этого искусства. Особое развитие тема театра получает в части, посвященной Франции, где театр перекликается с игрой и притворством. Сцена сама по себе позволяет показывать и перемоделировать реальность так, как делает это автор, создавая собственную картину мира. Посещая спектакли почти в каждом городе, Греч обращает внимание как на мастерство актеров, так и на репертуар, дороговизну билетов, публику, сами здания театров, снова предлагая читателю широчайший контекст для понимания страны.

Являясь по сути чиновником, Греч, тем не менее, определяет себя писателем, видя в этом и свои особенные права, и привилегии, и особый взгляд на мир. Литература выступает способом общения между далекими людьми, а также дает Гречу право судить обо всем на свете, делая его и участником событий, и в то же время отстраненным наблюдателем. Особая позиция путешественника, наделенного такими «сверхспособностями», позволяет ему увидеть и понять больше, чем обычно человеку.

«Путевые письма из Англии, Германии и Франции», созданные в 1839 году, являются уникальным произведением не только по масштабу и охвату описываемых зарубежных реалий, но и по специфике выстроенной оппозиции «свое»/«чужое». Греч не только противопоставляет самоидентичность образу «другого», но и вступает с «другим» в сложные отношения, находя общие черты и различия. Автор не боится покинуть условные рамки «своего» и пытается приблизить «другого» к себе, насколько это для него возможно. В каждой из посещенных стран самоидентичность путешественника выступает константой, на которую он опирается, исследуя новую культуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новаторство Н.И. Греча и главное отличие от современных ему травелогов заключается в том, насколько широко автор отразил исследуемые страны. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» являются уникальным произведением, в них нет характерной для прочих путевых писем обрывистости, неполноты, незавершенности.

Называя свое произведение «Письмами», Греч придерживался строгой логики и последовательности повествования: известно, где находится автор, чем он занят. Умолчания, допускаемые Гречем ввиду невозможности пересказать каждую минуту своего путешествия, не воспринимаются существенными и не влияют на связанность нарратива. Структурно «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» представляют собой полноценное, завершенное произведение. Обстоятельный автор даже добавил своеобразную четвертую часть — тот официальный отчет, ради которого и затевалась поездка. Таким образом, читатель проживает каждый миг путешествия, становясь не адресатом, как указано в названии («Путевые письма» словно обращены сразу ко всем читателям), а попутчиком Греча. Наблюдая его перемещения, переживая его эмоции, останавливаясь с ним в гостиницах, посещая театры, читатель становится соучастником того процесса, который идет между автором и «другим».

Деятельность Греча за границей производит впечатление очень разнообразной: это инспекции школ и училищ, запланированные светские визиты, незапланированные встречи со старыми и новыми друзьями, прогулки, поездки, театры. Путешественник находится в движении каждую минуту. «Путевые письма» также состоят из частей, где отмечена дата и место написания. Однако создается цельное яркое впечатление, неделимое на

части. Формальное членение травелога на первый, второй и третий тома сложно сопоставить с авторским замыслом. Можно предположить, что такое разделение больше связано с печатанием книги. Англия и Франция представлены в первой части и во второй. Германия — во второй и в третьей. Половину последней, третьей части, занимает официальный отчет Греча.

Уникальность «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» состоит, на наш взгляд в том, что несмотря на открыто выражаемую автором позицию в отношении политических взглядов, моральных ценностей и общую непреклонность суждений, травелог дает достаточно объективную картину. Фокус повествования находится сразу в нескольких местах: мы наблюдаем путешествующего автора, который встречается с видными представителями европейских стран, посещает своих знакомых, ходит на ужины, в театры, объезжает школы, заглядывает в редакции газет, едет в дилижансах, разговаривает с попутчиками, спорит, огорчается, тоскует по родным. И в то же время Греч разворачивает перед нами широкую картину, где представлена страна во всем своем сложном многообразии: здесь и последние молодежные увлечения, и дамские платья, и устройство улиц, порядки в общественном транспорте, блюда, суды, богатые, бедные, короли и чернорабочие. Соединение субъективности и объективности в повествовании Греча, возможно, объясняется тем, что он имел совершенно четкое поручение, где он вынужден был держаться определенных рамок, будучи опытным государственным чиновником.

«Письма из Англии, Германии и Франции» стали не только занимательным чтением для современников Греча, не только остались в истории литературы как прекрасный образец произведения в жанре травелога, но и по-прежнему представляют интерес с точки зрения познания иной культуры.

Доказано, что жанр травелога в настоящее время имеет исключительное значение в силу развития новой науки имагологии. Будучи относительно молодой, но активно развивающейся, имагология ставит своей целью исследование и интерпретацию образа «другого», что особенно актуально в силу процессов, происходящих в современном мире: глобализации и, как противовес ей, усиление самобытности и стремления к этноцентризму. Травелог может предоставить материал для имагологического исследования из-за своей специфики: обязательного элемента путешествия в другую страну или новое место.

Травелог — не новый жанр, но новое обозначение специфического произведения. Термин «травелог» употребляется учеными как в отношении современных произведений, так и в отношении очень старых. Травелог не имеет даты, однако обладает отличительными характеристиками: целью путешествия в травелоге является диалог, активное и плодотворное взаимодействие с «другим». Простая фиксация событий не превратит путевой дневник в травелог, однако даже вымышленное путешествие в воображаемую страну может стать травелогом при условии взаимодействия с иной культурой.

Первые травелоги появились с первыми путешествиями. Развитие транспортных средств, с одной стороны, облегчило физическое перемещение в пространстве, а с другой стороны, доступность путешествия разрушила загадочный ореол вокруг него. Тем не менее, травелог продолжил развиваться и в XVIII, и в XIX, и в XX веках.

Было доказано некоторое расхождение русского термина «травелог» и английского «travelogue», порой почти полная их контрастность. Travelogue подразумевает любой рассказ о путешествии, изначально в виде фото или видеоматериалов, сопровождаемых лекцией (как это делал изобретатель самого слова travelogue Бертон Холмс.

Русский термин «травелог» ограничивает круг рассматриваемых произведений, во-первых, принадлежностью к литературе, а не просто к массовой культуре, а во-вторых, наличием оппозиции «свой»- «чужой», манифестацией различий и поиском сходства.

Значение Греча для развития русской литературы, формирования общественного мнения, его вклад в развитие русского языка сложно переоценить. Будучи прекрасно образованным человеком, Греч написал несколько учебников по русскому грамматике, представлял инновационный подход в обучении грамоте низших военных чинов, заимствуя прогрессивный зарубежный опыт. Греч также был издателем, в числе прочего он много лет издавал известнейший журнал «Сын Отечества», о котором знали не только все его современники, но также он известен потомкам. Журнал публиковал различные статьи, при этом оставаясь патриотически-просветительским. В числе прочего в журнале существовал раздел «Путешествия», где печатались воспоминания и заметки военных людей, писателей, отправлявшихся в далекие земли.

Раздел «Путешествия» в журнале Греча помогал воссоздать контекст травелогов тех лет. Популярными направлениями были, разумеется, европейские страны ввиду их транспортной доступности: в частности, Англия, Германия и Франция, которым и посвятил «Путевые письма» сам Греч. В числе прочих литераторов, оставивших записки о них, были следующие: К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский и др., до них Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин. При сопоставлении травелога Греча с травелогами его современников были обнаружены яркие черты, отличающие его от остальных: полнота и обстоятельность раскрытия образа «другого», особая рефлексия путешествующего автора, жанровое своеобразие произведения.

Англия, Франция и Германия представлены во всех нюансах: описано географическое положение, религия, привычки, кухня, манера одеваться, досуг, промышленные достижения.

Травелог, являющийся жанром, соединяющим в себе самые разные элементы, у Греча стал особенно многогранным: в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» мы находим и путевой дневник, и путеводитель по городу, и элегические строки, и завязки романа, и лирические переживания, и справочные сухие описания.

«Путевые письма» - это срез эпохи, представление трех стран в многомерном измерении, данное через призму субъективного восприятия автора; это и энциклопедия, где содержатся сведения о распорядке дня в каждой стране, транспортной системе, ценах на гостиницы, архитектуре, театрах, государственном устройстве, судебной системе, тюрьмах, книгопечатании, школах.

Форма травелога заведомо определена маршрутом путешествия, без которого травелог не может существовать как жанр. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Греча не стали исключением. Они состоят из трех частей, примерно соответствующих каждой стране (причем большую часть занимает Германия, которая является первой и последней «чужой» страной). Последней станцией, где мы наблюдаем автора, оказывается Украина, которая, по признанию самого Греча, ему как родная. Можно сделать вывод, что путешественник прошел полный путь, до конца.

Характеристики времени и пространства в травелоге очень интересны. Греч не всегда соблюдает указанный им же маршрут (например, заявив Англию в названии первой, а Францию последней, он фактически меняет порядок посещения этих стран. Тем не менее, границы между топосами всегда довольно четкие, что подчеркнуто многочисленными деталями. Время проявляется в травелоге еще более затейливо. В первую очередь, время

нелинейно и может течь как в одну, так и в другую сторону. От настоящего к будущему, из будущего в прошлое, затем назад к настоящему — эти прыжки во времени реализованы и в отношении самого автора, и при описании стран. Автор ставит необходимые ему акценты. В произведении выделены событийный (реальный для путешественника), исторический и лирический хронотоп.

Способность Греча вполне комфортно чувствовать себя практически в любой среде и любом обществе, искренний интерес к происходящему выдают в нем опытного путешественника, действительно готового к разговору, полноценному диалогу с «другим». «Другой» принимает вид аристократа, слуги, простого горожанина, знаменитого чиновника. Женщины, мужчины, дети — все они представляют свой мир и раскрывают особенную сторону своей культуры. Черета сменяющихся лиц в «Путевых письмах» состоит из слуг и аристократов, кучеров и давних знакомых, случайных попутчиков и друзей, известных персон, первых лиц города и мимолетных знакомых. Помимо очевидной функции продвижения сюжета и насыщения повествования событийностью, эти персонажи в той или иной степени принадлежат либо «своему», либо «чужому».

Греч создает город для читателя. Он словно строит мосты, порт, улицы, кварталы, парламент и тюрьмы, мастерские и светские салоны. Прежде чем отправиться в путь, он описывает пароход: читатель знает, как он выглядит, насколько низкий звук у пароходной трубы, кто ходит по палубе. И после создания места, топоса, Греч населяет его персонажами: появляются служители, попутчики, торговцы, чиновники.

Конструирование пространства очень масштабно. Ни один посещенный город не остается без описания его улиц, площадей, домов, магазинов и вывесок. Это дало возможность читателю увидеть настолько масштабную и объемную картину, какую можно сравнить, пожалуй, лишь с

действительно написанными гравюрами и картинами, воспринимаемыми глазами. Пользуясь лишь словом, Греч передает невероятные объемы, широту, охват.

За несколько лет до выхода «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» А.Д. Чертков добивался того же эффекта, привлекая иллюстратора, сопровождая свои заметки о Сицилии литографиями. Греч же обходится лишь своим литературным дарованием. Яркие образы городов, лица попутчиков, улицы, обеды, театры — все описано настолько живо и эмоционально, что кажется изображенным кистью и красками.

Греч написал масштабное произведение, состоящее из трех томов и посвященное подробнейшему анализу и изучению образа жизни, традиций, обычаев во всех странах. Англия, представлявшая огромный интерес как прогрессивная страна, предстает в виде образа огромной машины. Царящий в ней порядок радует путешественника и вызывает его одобрение. Однако, Греч вскоре сам чувствует это влияние и на себе, становясь вычислительной машиной. Путешественник легко противостоит превращению в машину, пусть даже такую прогрессивную, обращаясь к своей идентичности. Он часто тоскует по Родине, по близким.

В настоящее время определяется место Греча в ряду отечественных авторов травелогов. Доказывается преемственность между Н.М. Карамзиным и Н.И. Гречем. Проблему восприятия чужого Греч решает проникновением в новый мир. Он не ставит границ, а напротив, раскрывается навстречу чужому, примеряет для себя все, что кажется ему полезным, отвергает все, что кажется ему вредным и губительным. Активно взаимодействуя с иностранным миром, он и сам проникает в него.

Рассмотрены особенности создания образа «другого», влияние новой среды на путешествующего героя. Доказано, что автор является не просто пассивным наблюдателем и пересказчиком происходящего вокруг, но сам

вовлечен в активный процесс культурного взаимодействия. Продемонстрированы изменения, происходящие с путешествующим автором, затрагивающие его идентичность.

Проанализирована система персонажей, представляющих «другого», либо относящихся к «своему». Показано, что самыми ценными для автора являются те, кто смог построить мост диалога с «чужим», выйти за рамки своей идентичности. Показана роль попутчиков, сопровождающих автора и играющих важную роль как для актуализации оппозиции «свое»/«чужое», так и для реализации жанрового своеобразия произведения.

Представлено своеобразие хронотопа в «Путевых письмах». Показано, что выбор места задает ритм и рамки травелогу, однако они являются довольно пластичными. Время в произведении нелинейно и связано с внутренними переживаниями путешественника.

Доказано, что оппозиция «свое»/«чужое» в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» является не жесткой структурой, а гибким соединением, позволяющим наладить эффективный культурный диалог между путешествующим автором и «другим». Показаны изменения, происходящие с автором вследствие этого диалога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Анненков П.В. Парижские письма. М.: Наука, 1983. 608 с.
2. Байрон Дж. Паломничество Чайльд-Гарольда / пер. с англ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 192 с.
3. Батюшков К.Н. Избранная проза / Сост., послесл. и примеч. П.Г. Паламарчука. М.: Сов. Россия, 1987. 528 с.
4. Боткин В.П. Письма об Испании. СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1857. 449 с.
5. Булгарин Ф. Воспоминания. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: В 6 частях. СПб, 1847. Ч. 3. 413 с.
6. Булгарин Ф.В. К портрету Греча. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1838. 33 с.
7. Бурнашев В. Четверги у Н.И. Греча // Заря. 1871. № 4. С. 3-45.
8. Вайль П. Гений места / Послесловие Л. Лосева. М.: КоЛибри, 2008. 488 с.
9. Верн Ж. История великих путешествий. Книга 1. Открытие земли. СПб: Астрель, 2012. 736 с.
10. Вяземский П.А. Записные книжки. М.: Захаров, 2017. 672 с.
11. Вяземский П.А. Сочинения: В 2 томах. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. Литературно-критические статьи. / Сост., подгот. текста и коммент. М.И. Гиллельсона. 1982. 154 с.
12. Вяземский П.А. Сочинения: В 2 томах. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи. / Сост., подгот. текста и коммент. М.И. Гиллельсона. 1982. 383 с.
13. Головин И.Г. Заметки путешественника // Сын Отечества. 1838. Т. 6. С. 97-126.
14. Головин В. М. Путешествия вокруг света. М.: Дрофа, 2007. 896 с.

15. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Наука, 1986. 880 с.
16. Готье Т. Путешествие на восток / пер. с англ. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2000. 344 с.
17. Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1837. 256 с.
18. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Издатель Захаров, 2002. 463 с.
19. Греч Н.И. Обзорение русской литературы в 1833 году // Сочинения Николая Греча. Ч. 5. Мелкие сочинения. Санкт-Петербург, 1838. 363 с.
20. Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Голландии и Бельгии. СПб: Мартынов, 1847. 592 с.
21. Греч Н.И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. СПб, 1983. 272 с.
22. Греч Н.И. Поездка в Германию: Ром. в письмах. [Письма Д.С. Мстиславцева к А.И. Левадину в Рязань]. Роман в письмах: Ч. 1. / Н.И. Греч. Санкт-Петербург: Издано Николаем Гречем, 1831. 240 с.
23. Греч Н.И. Поездка в Германию: Ром. в письмах. [Письма Д.С. Мстиславцева к А.И. Левадину в Рязань]. Роман в письмах: Ч. 2. / Н.И. Греч. Санкт-Петербург: Издано Николаем Гречем, 1831. 272 с.
24. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. 252 с.
25. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. 286 с.
26. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 3. 144 с.
27. Греч Н.И. Путевые письма. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году. Письма к А.Е. Измайлову. Сочинения Николая Греча. Ч. 4. Санкт-Петербург, 1838. 374 с.
28. Греч Н.И. Театрал. Карманная книжка для любителей театра. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1853. 155 с.

29. Греч Н.И. Черная женщина // Три старинных романа: в двух книгах. М.: Современник, 1990. Книга вторая. С. 6-318.
30. Греч Н.И. Чтения о русском языке. Санкт-Петербург, 1840. 404 с.
31. Грибоедов А.С. Путевые письма 1819 года // Грибоедов А.С. ПСС / Под ред. Приват-доцента И.А. Шляпкина. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1889. Т.1. С.29-52.
32. Грибоедов А.С. Дневник возвратного путешествия в Персию 1820 г. // Грибоедов А.С. ПСС / Под ред. Приват-доцента И.А. Шляпкина. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1889. Т.1. С.52-59.
33. Грибоедов А.С. Путешествие по Эриванской области // Грибоедов А.С. ПСС / Под ред. Приват-доцента И.А. Шляпкина. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1889. Т.1. С.118-127.
34. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. Том 4. Л.: Наука, 1989. 784 с.
35. Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли. Ясенево: Издательство храма Покрова Пресвятой Богородицы, 2011. 27 с.
36. Ильф И. А., Петров Е.П. Одноэтажная Америка. Пермь: Пермское книжное издательство, 1986. 380 с.
37. Карамзин Н.М. <О богатстве языка> // Н.М. Карамзин. Избранные сочинения: В 2 томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. 587 с.
38. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 716 с.
39. Краснов А.К. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1898. 658 с.
40. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 томах. Т. 1 / Пер. В. Мильчиной и И. Стаф; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.
41. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 789 с.
42. Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. М.: Кучково поле, 2013. 208 с.
43. Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466 — 1472 гг. М.; Л.: АН СССР, 1958. 284 с.
44. Путешествия русских послов XVI – XVII вв. Статейные списки. / Отв. Ред. Д.С. Лихачев; Ред. изд-ва Г.И.

- Зикеев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 490 с.
45. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Полн. Собр. Соч. М.; Л.: АН СССР, 1938. Т. VIII. Ч. I. С. 441- 490.
46. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб: Наука, 1992. 674 с.
- 47.Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733 г.)
[Электронный ресурс] URL: <http://drevlit.ru/docs/england/XVIII/1720-1740/Kantemir/index042e.php> (дата обращения 10.03.2019).
- 48.Свербеев Д.Н. Мои записки / подг. изд.: Т.В. Медведева, М.В. Батшев, Б.П. Краевский. М.: Наука, 2014. 330 с.
- 49.Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. Санкт-Петербург: В Типографии В. Плавильщикова, 1818. 272 с.
- 50.Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие. М.: Художественная литература, 1968. 542 с.
- 51.Сын Отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории. Том 45. Санкт-Петербург: Типография Н.И. Греча, 1834 г. 545 с.
- 52.Сын отечества, исторический, политический и литературный журнал. Ч. 71. Санкт-Петербург: Типография Н.И. Греча, 1821 г. 334 с.
- 53.Сын Отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. Штаба Военно-Учебных Заведений, 1840. 700 с.
- 54.Сын Отечества. Журнал словесности, истории и политики. Том 4. Санкт-Петербург: Издание А. Смирдина, 1838 г. 473 с.
- 55.Сын Отечества. Исторический и политический журнал. Санкт-Петербург: Типографии В. Плавильщикова. Ч. 1. 122 с.
- 56.Фонвизин Д.И. Письма из Франции // Фонвизин Д.И. Сочинения. М.: Правда, 1981. 296 с.

57. Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии. М.: В Тип. Августа Семёна при Императорской Медико Хирургической Академии, 1835. 29 с.

Научно-критическая литература

58. Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение / М.П. Алексеев; отв. ред. Г.В. Степанов. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 447 с.
59. Атарова К.Н. Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1988. 95 с.
60. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. М.: Худ. лит., 1975. С. 234-407.
61. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
62. Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. / Сост. В. С. Киссель / Переводчик Г.А. Тиме. М.: Изд-во Новое литературное обозрение, 2010. 400 с.
63. Беккер И.Л. Социальный, культурный и духовный смысл путешествия как способа самопознания и бытия человека // Известия ПГГУ имени В.Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 7-11.
64. Белинский В.Г. Сочинения Н. Греча, Ч. 1. Санкт-Петербург, 1838. 270 с.
65. Березина В.Г. Русская журналистика первой четверти XIX века. Л.: Изд-во Ленингр. гос. унив-та, 1965. 90 с.
66. Большакова А.Ю. [Б.н.] // Проблемы современного сравнительного литературоведения. Сборник статей под ред. Н.А. Вишневской, А.Д. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 93 с.
67. Быкова Т.А. «Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе». XVIII век. СПб:

- Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург), 1969. Том 8. С. 324-342.
68. В зеркале путешествий / Ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2012. 320 с.
69. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Госиздат, 1940. 649 с.
70. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. 350 с.
71. "Времен связующая нить...": страницы истории каф. всемир. лит. МПГУ / [отв. редакторы : В. Н. Ганин, М. И. Никола]. М.: Изд-во Прометей, 2005. 226 с.
72. Всероссийская научная конференция «Русский травелог XVIII-XX века» (Новосибирск, 11-12 ноября 2014 г.) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 261- 266.
73. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. Ч.1. М.: Искусство, 1972. 200 с.
74. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 510 с.
75. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.
76. Гордин А.М., Гордин М.А. Путешествие в пушкинский Петербург. СПб: Лениздат, 1983. 288 с.
77. Гроссман Л. Записки Д'Аршиака. Пушкин в театральных креслах. М.: Художественная литература, 1990. 462 с.
78. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
79. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 286 с.
80. Гуминский В.М. Полемический взгляд на западноевропейскую

- цивилизацию в литературе путешествий екатерининской эпохи // Очерки истории русской публицистики XVIII в. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 818-865.
81. Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 314 — 315.
82. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. 608с.
83. Гуревич А.Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 154-167.
84. Дискурс травелога / Сост. О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2008. 184 с.
85. Дмитриева Е. Е. Н. В. Гоголь в западно-европейском контексте: между языками и культурами. Москва: ИМЛИ РАН, 2011. 390 с.
86. Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1988. 192 с.
87. Дыдыкина О. А. Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII - первой половины XIX века : От Н. М. Карамзина до И. А. Гончарова: диссертация ... кандидата филологических наук. М., 1998. 251 с.
88. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825 - 1853. М.: Наука, 1982. 320 с.
89. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. 493 с.
90. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.
91. Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. СПб:

- ЦГИ Принт, 2015. 93 с.
92. Земсков В.Б. Образ России на «переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rngumis.ru> (дата обращения 10.03.2019).
 93. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Система «литература» и методы ее изучения. Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1998. 208 с.
 94. Ивашина Е.С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1979. № 3. С. 3-16.
 95. Ильченко Н.М. «Записки о моей жизни» Н.И. Греча в историко-культурном контексте // Успехи современной науки и образования, 2017. Т. 3. № 1. С. 39-44.
 96. Ильченко Н.М., Киселева Е.В. Роль эпиграфа к роману Н.И. Греча «Черная женщина» // Вестник Вятского государственного гуманитарного ун-та. 2017. № II. С. 140-144.
 97. Ильченко Н.М. «Черная женщина» Н.И. Греча: К проблеме цветовой символики // Русская речь. 2004. № 2. С. 6-12.
 98. Ильченко Н.М. Итальянский миф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Русско-зарубежные литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов. Н.Новгород. 2014. С. 93-101.
 99. Ильченко Н.М., Маринина Ю.А., Тюрин С.В. Genius loci: Города и страны Европы в восприятии русских и зарубежных писателей: монография. Н. Новгород, НГПУ им. К.Минина, 2013. 134 с.
 100. История русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. проф. А.В. Западова. - М.: Высшая школа, 1973. 522 с.
 101. Карпов А.А. Н.И. Греч // Русские писатели. 1800–1917:

- Биографич. словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 18–21.
102. Кениг Г.Й. Очерки русской литературы. Греч. Санкт-Петербург: Тип. Якова Трея, 1862. С. 221-224.
103. Кирнозе З. И. Россия и Франция: диалог культур. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. 272 с.
- ^{104.} Ковалева Н.И. «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (вопросы жанра и метода). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1975. 24 с.
105. Константинова Н. В. Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 79-88.
106. Коровин В. И. Художник и время. М.: Знание, 1984. 55 с.
107. Кочеткова Н.Д. Фонвизин в Петербурге: монография. Л.: Лениздат, 1984. 270 с.
108. Крылов В.Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В.Г. Короленко // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Том 157, кн. 2. С. 374-402.
109. Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке. М.: Изд-во МГУ, 1977. 348 с.
110. Культурное пространство путешествий / Ред.-сост. Е.Э. Сурова. СПб: Центр изучения культуры, 2003. 350 с.
111. Куприянов П.С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59-73.
112. Кучеров А.Я. Сентиментальная повесть и литература путешествий // История русской литературы. Т. М. 4.1. М.-Л., 1941. С. 106-120.
113. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 254 с.

114. Летуновский Е. А. Архитектура стран западной Европы первой половины XIX в. В оценке русских путешественников // Ярославский педагогический вестник. 2015. №2. С. 137-144.
115. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. Информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб.
116. Литературный пантеон: национальный и зарубежный: Материалы Рос.-фр. коллоквиума / [Редкол.: Е. Е. Дмитриева и др.]. М.: Наследие, 1999. 314 с.
117. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. №7. С. 74-87.
118. Логунова Н.В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 19 с.
119. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции рус. дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство, 2008. 414 с.
120. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
121. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избр. Статьи: В 3 томах. Таллин: Александра, 1991. Т. 1. С. 110-120.
122. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
123. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157-162.
124. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника». Л.: Наука, 1984.

716 с.

125. Львова О.В. Рассказ о путешествии: формы литературной рецепции травелога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63). Ч. 3. С. 38-40.
126. Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих // Мир русского слова. 2011. № 4. С. 13-20.
127. Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1982. 1728 с.
128. Майга А.А. Африка во французских и русских травелогах (А. Жид и Н. Гумилев). Дисс. ... к.фил. н. Санкт-Петербург, 2016. 21 с.
129. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. №3 (37). С. 254-259.
130. Мамуркина О.В. Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 110-113.
131. Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. М.: Знание, 1980. 116 с.
132. Маслова Н.М. Путевые записки как публицистическая форма: (Становление и развитие жанра «путешествия» в публицистике). М.: Изд-во МГУ, 1977. 115 с.
133. Мацапура Л.В. Традиции А. Радклиф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Вестник Днепропетровского университета им. А. Нобеля. 2013. № 2 (6). С. 118-124.
134. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Личность автора-путешественника в травелоге нового времени // Культура и текст. 2014. № 3. С. 6-8.
135. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Путешествия по российским

- река: травелог нового времени // *Quaestio Rossica*. 2015. №2. С. 106–116 с.
136. Минчик С.С. Грибоедов и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 276 с.
 137. Михайлов А.В. Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, 2008. 176 с.
 138. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков. Дис. на соискание ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.
 139. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. 152 с.
 140. Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии [Текст] : уч. пособие. М.; Самара: Порто-принт, 2012. 222с.
 141. Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1974. 108 с.
 142. Мордовченко Н.И. Журналистика начала XIX века // История русской литературы. М.-Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 42-52.
 143. Национальный портал Геопоззии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.georoesia.ru> (дата доступа 10.03.2019).
 144. Неопознанный мир. Земля. Электронный журнал GEO. [Электронный ресурс] <http://www.geo.ru/geo-rekomenduet/beglye-vzglyady-novoe-prochтение-russkikh-travelogov-pervoi-treti-xx-veka> (дата доступа 10.03.2019).
 145. Никола М.И. Западноевропейская литература Средних веков: учебное пособие / М. И. Никола, М. К. Попова. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. 219 с.
 146. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.

147. Одиссей. Человек в истории. 1994. Картина мира в народном и ученом сознании: Сб-к. М.: Наука, 1994. 336 с.
148. Одиссей. Человек в истории. 2009. Путешествие как историко-культурный феномен: Сб-к. М.: Наука, 2010. 444 с.
149. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия: монография. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2009. 284 с.
150. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251-253.
151. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. Шолохова. 2011. № 4. С. 31-40.
152. Папилова Е.В. Немцы глазами русских в художественной словесности XIX века. М.: ЛЕНАНД, 2014. 136 с.
153. Полевой К.А. Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Николая Ивановича Греча : 27-го дек. 1854 / Сост. Кс. Полевым. СПб: в Тип. Имп. АН, 1855. 98 с.
154. Поляков О.Ю. Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 2 (32). С. 181-184.
155. Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
156. Поляков О.Ю., Полякова О.А. О теоретических основах транскультурной имагологии // Русско-зарубежные литературные связи. Н. Новгород, 2017. С. 285-292.
157. Пономарев Е.Ф. Русский имперский травелог. НЛО 2017, 2. Советские травелоги: Западная Европа устами писателей 1920-30-х годов / Поверх барьеров с Иваном Толстым // Svoboda.org: Радио

- Свобода, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24551956.html>. (дата обращения 10.03.2019).
158. Прокофьев Н.И. Книга хождений: Записки русских путешественников XI — XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. 447 с.
 159. Путешествия русских послов XVI – XVII вв. Статейные списки. / Отв. ред. Д.С. Лихачев; Ред. изд-ва Г.И. Зикеев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 490 с.
 160. Растягаев А.В. Житийная топка в прозе писателей XVIII столетия (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин): Монография. Самара: Книга, 2009. 292 с.
 161. Ревенко А.А. Предпосылки возникновения и этапы становления печатных изданий о путешествиях // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 6. С. 7-18.
 162. Реизов Б.Г. История и теория литературы. Л.: Наука, 1986. 318 с.
 163. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
 164. Рейтблат А.И. Наблюдательный наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение// Литературный факт. 2018. № 10. С. 108-164.
 165. Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: Идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.
 166. Роботи Т.А. Литература «путешествий» // Русская проза. Л.: Academia, 1926. С. 42-73.
 167. Россия в литературе Запада: коллективная монография / [Ганин В. Н., Калинина О. В., Кузнецова А. И. и др. ; отв. ред. В. П. Трыков]. М.: МПГУ, 2017. 250 с.

168. Рудикова Н.А. Парижский текст в заметках и путевых письмах русских путешественников конца 1830-х гг. (И. Г. Головин, Н. И. Греч, М. П. Погодин, В. М. Строев) // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3. С. 187-191.
169. Русаков В.М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс Пи. 2013. № 12. С. 304-306.
170. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н.Ю. Русова. М.: Флинта: Наука, 2004. 304 с.
171. Русский травелог XVIII-XX веков : коллективная монография / Под ред. Т.И. Печерской; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 656 с.
172. Сботова С. В. Путешествие как культурная универсалия в художественно-философской мысли Великобритании, Германии и России XVIII–XX вв. Пенза: Изд-во ПГУАС, 2011. 123 с.
173. Сиповский В.В. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб, 1899. 578 с.
174. Сорочан А.И. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое литературное обозрение. 2011. № 112. С. 379-402.
175. Стефко М.С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры XVIII – первой четверти XIX веков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт российской истории РАН. 2010. 28 с.
176. Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с.
177. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистика. М.: Мысль,

1982. 176 с.
178. Таньшина Н. П. Три взгляда на Францию 1838-1839 гг. : П. А. Вяземский, В. М. Строев, М. П. Погодин // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. №1. С. 72-85.
 179. Темпест Р. Философ-наблюдатель маркиз де Кюстин и грамматист Николай Греч // Символ (Париж). 1989. № 21. С. 195-211.
 180. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
 181. Терещенко А.В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 1997. 288 с.
 182. Тищенко Т.И. Н.И. Греч. Литературно-общественные позиции и художественное творчество: автореферат дисс. ... кандидата филол. наук. Харьков, 1997. 17 с.
 183. Ткачева Р.А. Художественное пространство как основа интерпретации художественного мира: автор. дис.... к. филол. н. Тверь, 2002. 212 с.
 184. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.
 185. Травников С.Н. Писатели петровского времени: литературно-эстетические взгляды (путевые записки). Уч. пособие. М.: МГПИ, 1989. 104 с.
 186. Третьякова О. В. Межкультурный диалог в романе Н. И. Греча «Поездка в Германию» (лингвокультурологический аспект) // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 234-237.
 187. Тризно О.А. Мотивная структура и семантика сюжета «Путешествие во Францию» в русской литературе XVIII века // Вестник ТГПУ. 2014. 7 (148). С. 186-191.
 188. Тризно О.А. Специфика образа Франции в русской литературе

- конца XVII – первой половины XIX в.: от смехового контекста к серьезному // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 42-45.
189. Трыков В. П. Зарубежная журналистика XIX века: учеб. пособие / В. П. Трыков. М.: Камерон, 2004. 608 с.
 190. Трыков В. П. Французский литературный портрет XIX века / В. П. Трыков. М.: Флинта : Наука, 1999. 358 с.
 191. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. 424 с.
 192. Уртминцева М. Г. Жанр литературного портрета в русской литературе второй половины XIX века: генезис, поэтика, типология : диссертация ... доктора филологических наук. Нижний Новгород, 2005. 322 с.
 193. Уртминцева М. Г. Концепт "провинция" в зеркале русской и западно-европейской литературы (цикл М.С. Жуковой "Вечера на Карповке") // Духовная культура Нижегородского региона: опыт системного описания : коллективная монография. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского гос. университета им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 118-126.
 194. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф. П. Федоров; Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзиня. Рига: Зинатне, 1988. 454,[2] с.
 195. Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с.
 196. Фрадкин Н.Г. Необыкновенные путешествия. М.: Мысль, 1978. 144с.
 197. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
 198. Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими

- писателями (Очерки). М.: Индрик, 2012. 240 с.
199. Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. 231 с.
 200. Хуторянская А. Д. Картина мира в гуманитарной науке // Вестник КемГУ. 2010. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-v-gumanitarnoy-nauke> (дата обращения: 29.05.2020).
 201. Цветкова М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Нижний Новгород: Издание НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. С. 158–183.
 202. Цветкова М. В. Образы помещиков-англоманов в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. №2 (30). С. 106-111.
 203. Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. Спб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 248 с.
 204. Чернец Л.В. Литературные жанры. М.: Изд-во МГУ, 1982. 192 с.
 205. Черняк В.Д. Массовая литература в понятиях и терминах: учеб. словарь-справочник / В.Д. Черняк, М.А. Черняк. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015. 192 с.
 206. Шадрина М.Г. Эволюция языка «путешествий»: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 394 с.
 207. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.
 208. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840. СПб: Академический проект, 2004. 272 с.
 209. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в

- травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
210. Юхнова И.С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 219 с.
211. A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / 5th ed. J. A. Cuddon. - Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013. 802 p.
212. American poetry foundation. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poetryfoundation.org> (дата обращения 10.03.2019).
213. Burton Holmes Travelogues. The greatest Traveler of His Time, 1892 – 1952. Taschen, 2006. 368 p.
214. Burton Holmes. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.burtonholmes.org> (дата обращения 10.03.2019).
215. Carré J.-M. Les écrivains français et le mirage allemand, 1800 – 1940. Paris: Boivin, 1947. 223 p.
216. Cocking B. Travel journalism / B. Cocking // Journalism Studies. — 2009. Vol. 10, No 1. P. 54–68.
217. Cogeanu O. What makes travel literature? // The International Journal of Humanities and Social Studies. 2014. Vol. 2, issue 6. P. 348-350.
218. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies. 2003. № 1. [Электронный ресурс]. URL.: <http://interculturalstudies.org/ICS1/Dyserinck.shtml> (дата обращения 10.03.2019).
219. Fischer M. Komparatistische Imagologie jenseits von „Werkimmanenz“ und „Werktranszendenz“ // Synthesis. Bulletin de comité de littérature compare de la république socialiste de Roumanie. Bucarest. 1982. № 9. P. 27-40.
220. George K.M. Encyclopaedia of Indian Literature: Sasay to Zorgot.

- Travelogue. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=KnPoYxrRfc0C&pg=PA4370&lpg=PA4370&dq=k+m+george+indian+literature+travel&source=bl&ots=Y8Myy3iHu0&sig=ACfU3U2gxGEJrQh3S4AzVq1MBHGaODwkBw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjppsLJiZjjAhXI-ioKHQatDMYQ6AEwCXoECAcQAQ#v=onepage&q=k%20m%20george%20indian%20literature%20travel&f=false> (дата обращения 10.03.2019).
221. Guyard M.-F. La littérature comparée. Paris: Presses Universitaires de France, 1951. 127 p.
222. Imagologica. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imagologica.eu> (дата обращения 10.03.2019).
223. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey | ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. 150 p.
224. Kõvamees A. «Italy in Estonian travelogues: ~~Italian~~ capriccio” by Karl Ristikivi and ~~Madonna~~ with a plastic heart” by Aimee Beekman» (Estonia, 2008). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.digar.ee/arhiiv/et/nlib-digar:50381> (дата обращения 10.03.2019).
225. Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 17-32.
226. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle // Synthesis. Bucarest, 1981. VIII. P. 169-185.
227. Reuel K. Wilson. The literary travelogue. A comparative study with special relevance to Russian literature from Fonvizin to Pushkin. Martinus Nijhoff, The Hague, 1973. 135 p.

228. Stagl J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550-1800. Chur. 1995. P. 49-94.
229. The Balkans in Travel Writing. Edited by Marija Krivokapic. Cambridge Scholar Publishing, 2015. - 281 p.
230. Travelogue. Language in India. Dr. Wadapali. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.languageinindia.com/march2011/traveloguefinal.html> (дата обращения 10.03.2019).
231. Wadapali Dr. Travelogue. Language in India. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.languageinindia.com/march2011/traveloguefinal.html> (дата обращения 10.03.2019).
232. Yilmaz A., Öncel S., Yolal M. «Food culture in ibn Battuta's travelogue» (Turkey, 2018). [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/36842400/FOOD_CULTURE_IN_IBN_BATTUTA_S_TRAVELOGUE (дата обращения 10.03.2019).
233. Zold Elizabeth. Discomforting narratives in Teaching Eighteenth-Century Womens Travelogues. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/9943484/Discomforting_Narratives_Teaching_Eighteenth-Century_Womens_Travelogues (дата обращения 10.03.2019).